

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 4

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н, доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

С. В. Доронина, М. П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617.

E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philo_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index> ISSN 1992–7940

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина.** Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ7
- Н. Г. Нестерова, А. А. Орешкина.** Динамика дискурсивных практик в просветительском радиодискурсе о русском языке26
- Е. Э. Базаров.** К вопросу о целесообразности описания сниженной лексики в академических словарях.....43
- А. А. Клементьева.** Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта59
- О. Г. Борисова, А. Ю. Костина.** Отражение лингвокультурных представлений об отношениях свойства в диалектной картине мира жителей Кубани73
- Ю. С. Ромайкина, А. И. Куприн** и «Московское книгоиздательство»: история сотрудничества.....95
- М. С. Черепенникова.** Литературные традиции Италии (Тассо, Казанова) в гётевской и цветаевской поэтической самоидентификации (к 130-летию юбилею М. И. Цветаевой).....111
- Т. А. Богумил.** Коммеморативный литературный портрет В. М. Шукшина127

Научные сообщения

- А. И. Москалюк, О. С. Москалюк.** Семантика фразеологизмов с заимствованным компонентом в речи российских немцев141
- Н. Н. Шацких.** Реализация категории информативности в сверхкоротких англоязычных рассказах.....151

А. Б. Танхилевич. Читатель и завеса: событийность в рассказе «Смерть Долгушова»..... 162

О. Н. Краснова. Роль текстовых позиций «экзистенциальной наполненности» в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина..... 169

Проблемы филологического образования

А. Цзоу. Творческое наследие А. С. Пушкина в историко-литературных курсах китайских школ и вузов..... 179

О. И. Зворыгина. Интеграция стилистики и риторики в практике применения технологии кейс-стади при обучении будущих врачей пациентоцентричной коммуникации..... 184

М. А. Южанникова. Сложности развития жанрово-стилистической субкомпетенции у студентов первого курса нефилологических специальностей 190

Резюме 198

Содержание журнала за 2022 год..... 213

Наши авторы.....217

CONTENTS

Articles

- A. V. Degaltseva, O. B. Sirotnina.** The Problems of Borrowed Words Usage in Modern Media.....7
- N. G. Nesterova, A. A. Oreshkina.** Dynamics of Discourse Practices in Educational Radio Discourse about the Russian Language.....26
- E. E. Bazarov.** On the Problem of Presenting of Substandard Vocabulary in Academic Dictionaries.....43
- A. A. Klementyeva.** Linguistic Features of Interdisciplinary Dialogue on Artificial Intelligence.....59
- O. G. Borisova, L. Y. Kostina.** Reflection of Linguacultural Perception of Relationship by Marriage in the Dialect World View of the Kuban Region Inhabitants.73
- Yu. S. Romaykina.** A. I. Kuprin and *Moscow Publishing House*: History of Cooperation.95
- M. S. Cherepennikova.** Literary Traditions of Italy (Tasso, Casanova) in the Poetic Self-identification of Goethe and Tsvetaeva. (To the 130th anniversary of M. I. Tsvetaeva).....111
- T. A. Bogumil.** Commemorative Literary Portrait of V. M. Shukshin.127

Scientific reports

- L. I. Moskalyuk, O. S. Moskalyuk.** Semantics of Phraseological Units with a Borrowed Component in the Speech of Russian Germans.....141
- N. N. Shatskikh.** Realization of the Category of Informative Value in Ultra-Short English Stories.151

A. B. Tankhilevich. The Reader and the Curtain: Eventfulness in “The Death of Dolgushov”	162
O. N. Krasnova. The Role of Text Positions of “Existential Profuseness” in Revealing the Deep Artistic and Psychological Characteristics of the Image of the Narrator of “Poor Liza” by N. M. Karamzin.....	169

Reviews

L. Zou. Creative Heritage of A. S. Pushkin in the Literary Courses of Chinese Schools and Universities.	179
O. I. Zvorygina. Integration of Stylistics and Rhetoric in the Practice of Using Case Study Technology in Teaching Future Doctors Patient- Centric Communication.....	184
M. A. Yuzhannikova. Difficulties in the Development of Genre and Style Subcompetence among Frst-years of Non-philological Profiles.	190
Summary	198
Issues content for 2022	213
Our authors	217

СТАТЬИ

ПРОБЛЕМЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, СМИ, иноязычная лексика в СМИ.

Keywords: borrowings, anglicisms, mass media, foreign language vocabulary in mass media.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–01

Введение

Проблема заимствований для русского языка, как и для других языков мира, безусловно, не нова. В русский всегда проникали заимствования из соседних языков, а также из языков тех территорий, с которыми у наших предков возникали отношения (торговые, культурные, религиозные или иные). Поскольку Киевская Русь вела оживленную торговлю с Византией, еще до принятия христианства в речь славян начали проникать грецизмы. В разные периоды существования русского языка из греческого были заимствованы такие слова, как *алтарь*, *демон*, *елей*, *лампада*, *пономарь*, *алфавит*, *грамматика*, *история* и др. С принятием христианства русский язык обогатился церковнославянизмами (*град*, *враг*, *жажда*, *нужда*, *житие* и мн. др.). Кроме того, на протяжении своей истории он пополнялся и за счет влияния иноверцев (мусульман, иудеев, буддистов, язычников и др.). Так, под влиянием быта и культуры Золотой Орды в русский язык вошло множество тюркизмов (*атаман*, *башка*, *кутерьма*, *караул*, *казна* и под.).

Заимствования из европейских языков наиболее активно стали проникать в русский в XVI–XVIII вв., особенно заметно — в период правления Петра I. «Преобразование всех сторон русской жизни при Петре I, его административные, военные реформы, успехи просвещения, развитие науки — все это способствовало обогащению русской лексики иноязычными словами. В русскую лексическую систему вошли названия новых предметов быта, военные и морские термины, слова из области на-

уки и искусства. Большой частью немецкие (*контора, пакет, прейскурант, вексель, акция, агент, лагерь, штаб, командир, офицер, юнкер, ефрейтор, штопор, бутерброд, бухгалтер, штраф, шахта, парик, локон* и др.), голландские (*матрос, рейд, флот, флаг* и др.) и английские (*мичман* и др.) слова» [Ёрова, 2017, с. 156].

В конце XVIII — начале XIX в. социальный престиж французского языка, которым владела аристократия, привел к проникновению в русский целого массива заимствований (*салон, лакей, лейтенант, корнет, корпус, одеколон, авантюра, вуаль* и под.). Русскому человеку хорошо известен философский спор «западников» и «славянофилов» о судьбе и путях развития родного языка. Рубеж XVIII–XIX вв. нашей истории ознаменовался борьбой с иноязычными заимствованиями. Так, «адмирал А. С. Шишков считал, что заимствования только вредят русскому языку. От своих противников он получил пародию на пропагандируемые им приемы словоупотребления: вместо фразы с рядом иностранных слов — *Франт идет из цирка в театр по бульвару в галошах* — приводился ее перевод в стиле Шишкова: *Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах*» [Чувакин, 2011, с. 70].

В XX в. появление в русском языке иноязычных слов во многом было связано с бурным научно-техническим прогрессом. Так, с освоением космоса в наш язык вошли слова *астронавт, астронавтика, космонавт, космонавтика, космодром* и др.

В русском обществе нередко наблюдались периоды толерантного отношения к иноязычным вкраплениям. Подобным временем были, например, «80–90-е годы XX столетия, когда возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики» [Крысин, 2002, с. 27]. Распад СССР способствовал сближению России с западным миром и, соответственно, активному проникновению иноязычной лексики в наш родной язык.

Безусловно, «внешнее влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента (во всяком случае, частью из них) болезненно и нервно», ведь заимствование «может ассоциироваться с чем-то идеологически, духовно или культурно чуждым, даже враждебным и уж несомненно засоряющим язык» [Крысин, 2002, с. 27]. Несмотря на то что «за последние несколько десятилетий прогнозы перспектив и оценки последствий такого взаимодействия для родного языка неоднократно менялись», в современном научном сообществе возобладал «лингвотолерантный под-

ход к постоянному пополнению английскими заимствованиями словарного состава любого родного языка как неизбежному следствию научно-технического прогресса и социально-культурных процессов общемировой интеграции» [Лашкова, Матяшевская, 2022, с. 152].

В современном мире усиление процессов глобализации и цифровизации приводят к тому, что во многие языки стремительно и активно проникают заимствования, как правило, из английского. Англицизмы входят в разные сферы повседневной жизни: обиходно-бытовую, деловую, научную, публицистическую. Так, деловое общение, ориентированное на западные образцы, уже не может обойтись без заимствований; к научным статьям стали предъявляться требования оформления аннотации, ключевых слов и сведений об авторе на английском языке.

Целью данной работы является изучение особенностей семантики и функционирования новой и новейшей заимствованной лексики в современных СМИ периода 2010–2022 гг. Публицистика выбрана нами в качестве объекта исследования, поскольку это одна из наиболее «открытых» для заимствований сфер коммуникации: «„незамкнутость” словаря публицистики определяется прежде всего экстралингвистическими факторами, главным из которых является разнообразие тем (экономических, политических, социальных и т. п.)» [Ушаков, 2009, с. 10], освещаемых журналистами.

Исследование проводится на основе данных собственноручных записей (материалов прессы и электронных СМИ, расшифровок записей теле- и радиопередач) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Оно базируется на применении интерпретативного, дискурсивного и компонентного видов анализа, а также приема количественной обработки материала.

Факторы употребления заимствованной лексики

Как отмечает Л. П. Крысин, одной из причин, способствующих активному проникновению в язык иностранных слов, является социальный престиж. Например, «во французском языке слово *boutique* значит „лавочка, небольшой магазин”, а будучи заимствовано (возможно, через посредство английского) нашими модельерами и коммерсантами, оно приобретает значение „магазин модной одежды”» [Крысин, 2002, с. 29].

Еще одним фактором активного употребления иностранных слов является мода. Она определяется общественно значимыми событиями и явлениями, вследствие которых та или иная иноязычная лексема слишком часто употребляется в разных сферах общения. В современном цифровом мире модными становятся названия объектов, которые наибо-

лее часто «мелькают» в Интернете. Так, среди детей и подростков сейчас популярны названия игрушек, активно демонстрируемых в зарубежных социальных сетях: *сквиш*, *слайм*, *поп-ит*, *Хагги-Вагги* и др. В молодежной среде модными оказываются заимствования, связанные с определенными жанрами речи или видами деятельности, демонстрируемыми в Интернете: *вайн* (короткометражный ролик), *челлендж* (соревнование), *баттл* (битва, противостояние), *пранк* (издевательский розыгрыш), *хейт* (разные формы проявления ненависти или нетерпимости, как правило в соцсетях или на онлайн-платформах) и под.

Тематика заимствований в современных СМИ

Русский язык конца XX — начала XXI в. характеризуется обилием иноязычной лексики. Ее источником становится английский язык, получивший статус языка международного общения. Заимствованную лексику, наиболее активно функционирующую в современном русском языке, можно условно объединить в ряд тематических групп:

1. «Информационные технологии» (*Интернет*, *онлайн* и все производные этих слов), *сайт*, *оффлайн*; *IT-специалист* (*айтишник*), *дата-сайентист*, *веб-мастер*, *хакер*; *блог*, *влог*, *контент*; *блогер*, *тиктокер*, *геймер*; *гаджет*, *смартфон*, *смарткар*, *лэптоп*, *ноутбук*; *криптовалюта*, *майнинг* и под.). Согласно данным газетного подкорпуса НКРЯ, слова этой группы наиболее широко представлены в современных СМИ. Так, на слово *Интернет* приходится 130 835 употреблений, на лексему *сайт* — 60 119; *онлайн* (как самостоятельное слово или часть сложного) представлено 47 251 употреблением; *контент* встречается в данном подкорпусе НКРЯ 8146 раз, а *блогер* — 6018 раз: *Соответствующий документ размещен на официальном интернет-портале правовой информации* (Ведомости. 31.12.2021); *Контент истины: борьба за выживание, новые жанры и триумф сериалов* (Известия. 05.01.2021); *В России все больше онлайн-магистратур, созданных классическими вузами* (журнал «РБК». 01.07.2022); *Профессию блогер предложили признать официально* (Московский комсомолец, 06.07.2022);

2. «Экономика» (*бизнес*, *менеджмент*, *бренд*, *брендинг*, *маркетинг*, *инвестиция*; *менеджер*, *мерчендайзер* и под.): *Ожидаемая прибыль от мерчендайзинга составит 2 миллиона долларов — вдвое больше, чем заработали Мэйуэзер и Пакьяо в 2015-м* (lenta.ru. 22.08.2017); *Так, 14 марта о приостановке продаж заявил тайваньский бренд цифровых товаров ASUS* (Московский комсомолец, 14.03.2022);

3. «Политика» (*брифинг*, *саммит*, *импичмент*, *инаугурация*, *вотум*; *спикер*, *мэр*, *премьер* и под.): *Глава ЦБ надела на брифинг брошь в виде*

хищной кошки (Известия. 10.09.2021); **Экс-спикер** Госдумы Селезнев госпитализирован в Москве (Комсомольская правда. 20.07.2015);

4. «Наука» (атом, молекула, ион, протон, фотон, плазма, коллаيدر, нанотехнология, биоинженерия и др.): В ОИЯИ создается **коллаيدر** NICA для исследования **кварк-глюонной плазмы** в столкновениях тяжелых **ионов** (Коммерсант. 29.06.2020);

5. «Культура» (кино, литература, музыка: триллер, хоррор, сиквел, приквел, тизер, буктрейлер, сай-фай, саундтрек, сингл, кавер, ремикс, эмбиент, транс; рэпер, хип-хопер, диджей и под.): **Трейлер** фильма «Аватар: Путь воды» был опубликован в Сети 9 мая этого года и сразу тепло встречен зрителями по всему миру (Московский комсомолец. 21.07.2022); Это не первая попытка перенести на киноэкран самый продаваемый **сай-фай-роман** — но предыдущие оказались настолько неудачными, что книга считалась неэкранизируемой (Коммерсант Weekend. 17.09.2021); Звучит как очень приятный **эмбиент**, но с угадывающимися нотками, которые его вдохновляли (радио «Коммерсант FM». 06.07.2022);

6. «Социально-психологические явления и их субъекты» (буллинг, хейт, флешмоб, краудфандинг, тренд, мерч; трендсеттер, трансгендер, хипстер, инфлюенсер и др.): Теперь смартфон в состоянии заменить целую редакцию или телеканал — любой **трендсеттер** может стать **инфлюенсером** (Московский комсомолец. 24.11.2021); В Сети набрал силу **флешмоб** с Сергеем Лавровым (Московский комсомолец. 07.09.2021); Но мы предпринимаем очень энергичные усилия, для того чтобы сельское хозяйство поддержать и сохранить **тренд** развития (программа «Вести». 16.12.2010);

7. «Мода и красота» (лук, лукбук, аутфит, мейк-ап, лонгслив, клатч, слипоны, оксфорды, слим-фит, оверсайз и под.): С кроссовками и **оверсайз-пиджаками** они создадут идеальный **аутфит** на каждый день, а с украшениями и туфлями-лодочками — безупречный наряд на званый ужин (Московский комсомолец. 16.02.2022); Всевозможная **анималистика** является таким же вечным модным **трендом**, как, например, клетка или цветочный **принт**, а коллекции следующего года — наглядное тому подтверждение (Московский комсомолец. 30.12.2020);

8. «Спорт» (допинг, фитнес, дайвинг, бодибилдинг, серфинг, спорлинг и др.): **Снорклинг** и **дайвинг** — обязательный элемент неспешного курортного отдыха на Мальдивах <...> (lenta.ru. 21.07.2021); Независимая организация по борьбе с **допингом** в легкой атлетике (AIU) дисквалифицировала на два года российскую толкательницу ядра Ирину Тарасову за нарушение **антидопинговых** правил, информирует ТАСС (журнал «Спорт-Экспресс». 12.08.2022);

9. «Гастрономия» (блендер, миксер, бургер, донат, панкейк, крамбл, тортилья, брускетта, прошутто и т.д.): На десерт — **панкейки** (Московский комсомолец, 27.02.2022); Подаю я **крамбл** непременно теплым, со сметаной, взбитыми сливками или мороженым (Коммерсант Weekend, 28.05.2010).

Независимые организации ежегодно проводят социальные опросы для определения наиболее употребительных слов, в том числе и заимствованных. В 2020 г., согласно данным самых разнообразных русских и зарубежных онлайн-источников, в связи с пандемией коронавируса печально популярными иноязычными словами в русском (как и во многих других языках) стали *COVID-19*, *ковид*, *коронавирус* [Сперанская, 2021]. Слова *ковид* и *коронавирус* были заимствованы из английского языка путем побуквенной передачи. *Ковид* — транслитерация слова *COVID*, образованного путем сокращения английского словосочетания *coronavirus disease*. Лексема же *коронавирус* — побуквенная передача английского слова *coronavirus*, пришедшего в этот язык из латыни (*coronaviridae*) [Максимова, Полякова, 2022]. Активно употреблялись и продолжают употребляться лексемы *COVID-19*, *ковид*, *коронавирус* в СМИ: В Великобритании снова выявили более 180 000 случаев заражения **COVID-19** за сутки (Ведомости, 31.12.2021); Медики, работающие с пациентами с **ковид** или с подозрением на **ковид**, получившие вред здоровью, из-за чего они временно не могут работать, получают страховые выплаты от государства (Парламентская газета, 28.12.2021); Мировая медицина пока не может победить **коронавирус** (lenta.ru, 19.20.2020).

Согласно данным газетного подкорпуса НКРЯ, за период пандемии слово *COVID-19* встретилось в центральных и региональных СМИ 43 281 раз, *ковид* — 650, *коронавирус* — 16 316 раз. Таким образом, в прессе и электронных СМИ лидирует заимствование, передаваемое латиницей *COVID-19*.

За период пандемии появилось огромное множество слов, образованных от производящих баз *ковид* и *коронавирус*. Интерес к их изучению привел к появлению большого количества лингвистических работ. Среди наиболее значимых трудов, посвященных анализу динамических процессов в языке пандемийного периода, следует назвать «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [Словарь русского языка..., 2021], коллективную монографию «Русский язык коронавирусной эпохи» [Русский язык..., 2021], а также сборник «Новые слова и словари новых слов. 2020» [Новые слова..., 2020]. Слова с начальными компонентами *корона(вирус)* — и *ковид-* (*COVID-*) формируют крупные словообразовательные гнезда [Рабибурская, 2021], насчитывающие 1105 лексем и 1074 слова

соответственно [Словарь русского языка..., 2021, с. 16]. Согласно «Словарю русского языка коронавирусной эпохи», это прежде всего имена существительные и прилагательные [Словарь русского языка..., 2021]. Наши наблюдения, однако, показывают, что среди слов с заимствованными компонентами *ковид-* и *коронавирус-* немало наречий как с русскими, так и с заимствованными аффиксами: *ковидно, нековидно, антиковидно, ковидозно, ковидоопасно, ковидоподобно, по-ковидному, по-ковидски, по-антиковидному, прековидно, доковидно, постковидно, послековидно; ковидиотно, по-ковидиотски; коронавирусно, некоронавирусно, антикоронавирусно* (функционирование этих лексем подробно рассмотрено в работе А. В. Дегальцевой [Дегальцева, 2022]). Приведем примеры их употребления в современных печатных и электронных СМИ: *Новый Год по-ковидному: особенности празднования* (электронное новостное издание pravda.ru. 01.12.2020); *Тихвинская икона Божьей Матери «антикоронавирусно» объехала Карачев* (bryansk. news. 10.04.2020) и под.

В газете «Известия» от 06.07.2022 были опубликованы данные анкетирования, проведенного аналитиками образовательной платформы Skillbox и аналитического агентства ResearchMe с целью выявления самых популярных среди россиян заимствований. Согласно данным этого социального опроса, наиболее модными словами в 2021 г. стали «хайп» и «фейк». Разберемся в значениях этих слов. *Хайп* (от англ. hure — шума, суета) — жарг. «успешное привлечение внимания определенной целевой аудитории к какому-либо событию или лицу путем создания шумихи, ажиотажа» [Леонтьева, Щетинина 2021: 382]. *Фейк* — недостоверная информация (часто сфальсифицированная), недобросовестно распространяемая с целью введения адресата в заблуждение. По-видимому, популярность этих слов объясняется тем, что диффузность их значений позволяет им употребляться для репрезентации широкого круга социальных, политических, экономических и культурных явлений. Лексемы с размытой семантикой позволяют адресанту не задумываться о выборе наиболее точной и подходящей для выражения мысли формы и экономить интеллектуальные усилия. Именно поэтому слова *фейк* и *хайп* широко используются современными журналистами: *Теория о том, что штамм коронавируса «омикрон» мог быть искусственно создан, — фейк* (Парламентская газета. 15.12.2021); *Королевский фейк. Британцев возмутило видео с фальшивой Елизаветой Второй* (программа «Вести». 26.12.2020) и др. Компоненты *фейк-* и *хайп-* активно участвуют в словопроизводстве: *фейковый, фейкмейкеры, фейк-ньюс, фейк-аккаунт, хайповый, хайпожор, хайпер, хайпить, хайпануть* и др.: *Трамп отметил, что в «фейк-ньюс», конечно, не расскажут о том, что ситуация с вирусом тяжелая*

не только в США (lenta.ru. 11.2020); «Уважаемые СМИ, прежде чем цитировать чью-то речь, проверяйте, пожалуйста, подлинность аккаунта, а не строчите высказывания с **фейк-аккаунтов**», — говорится в сообщении (Известия. 09.2020); PR-специалист и **фейкмейкер** Антон Вуйма прокомментировал Царьграду закон о блокировке **фейковых** новостей в интернете, принятый сегодня Госдумой в третьем и последнем чтении (smi2. ru. 07.03.2019); Новый флагман конгломерата Kering и главный **хайповый** бренд, каким стала Bottega Veneta при Дэниеле Ли, делает все, чтобы это свое положение закрепить (Коммерсант. 03.2020); Костромской **хайповор** сиганул в Волгу с моста в Костроме (Московский комсомолец. 30.06.2021); Шнуров выступил в свойственной ему манере, одновременно пойдя против тренда, когда принято «**хайпить**» на смертях звезд, и одновременно сам вызвал резонанс в информационном поле (Московский комсомолец. 17.07.2021).

Как видим, наиболее употребительными в 2022 г. оказываются слова с абстрактным значением. Результаты диссертационного исследования, проведенного Б. Ю. Ушаковым под руководством В. В. Колесова в 2009 г., свидетельствуют о том, что в СМИ среди заимствованной лексики преобладают слова с отвлеченным значением. Это объясняется тем, что «в язык попадают слова с ясным содержанием, но неопределенным объемом понятия, что позволяет расширять семантику данных слов до превращения их в гиперонимы» [Ушаков, 2009, с. 21].

По данным нашего мониторинга, среди иноязычной лексики в современных СМИ, как и 13 лет назад, употребляется очень много абстрактной лексики (*Интернет, онлайн* — включая как само слово, так и его производные, *вайб, инсайт, лайк, майнинг, тренд, хейт, краудфандинг, кринж, фриланс* и под.). Кроме того, за последние годы русский язык пополнился целым потоком абстрактной лексики, репрезентирующей социально-психологические явления, их субъекты и объекты. «Усиление манипулятивной составляющей коммуникации, в особенности в сетевом общении людей, характеризующемся неограниченной свободой проявления психологических черт и социокультурных установок личности, привело к формированию новых социальных реалий, форм взаимодействия и затем — их обозначений» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 16].

Взросший интерес к психологии как науке и активное отстаивание прав и свобод личности породили массу новейших заимствований, отражающих важные, как правило, негативные социально-психологические явления:

абьюз, абьюзмент, абьюзинг (от англ. abuse) — «физическое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним

человеком или группой лиц в отношении другого человека или группы лиц с целью подавления воли жертвы» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 27];

буллинг (от англ. bullying) — «агрессивное преследование с целью унижения одного из членов коллектива или нескольких лиц другим его членом или группой лиц (чаще всего в школьном коллективе); травля» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 98];

виктимблейминг (victim blaming) — обвинение жертвы трагедии в произошедшем с ней;

газлайтинг (от англ. gaslighting, происходит от названия пьесы П. Гамильтона «Газовый свет» («Gaslight») и ее одноименной экранизации Д. Кьюкором) — «психологическое насилие, манипуляция с целью вызвать сомнение у жертвы в адекватности восприятия мира, себя и других людей через насмешки, обвинения и запугивания» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 129];

харрасмент (от англ. harrasment) — «физическое, психологическое насилие, осуществляемое в деловой коммуникации, выражающееся в оскорблении, преследовании сотрудника, сексуальном домогательстве» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 386];

неглект (от англ. neglect) — жарг.: «форма психологического насилия, проявляющаяся в неоказании помощи нуждающемуся в ней человеку (чаще всего близкому), пренебрежении его интересами, нарушении обязательств» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 268];

боди-позитив (от англ. body positive) — феминистское движение, провозглашающее умение позитивно принимать свой внешний вид, ощущать себя комфортно в своем теле при всех его недостатках;

боди-шейминг (от англ. body-shaming) — «социальное движение, отвергающее стандарты красоты, пропагандирующее положительное отношение к своему телу вне зависимости от его особенностей, а также к внешнему виду вообще, призывающее к свободе самовыражения и принятию любого внешнего вида других людей» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 80];

флейм, флейминг (от англ. flame) — жарг.: «агрессивный спор, неожиданно возникший в процессе многопользовательского интернет-общения в чатах, социальных сетях, на форумах и др. из-за недоразумения, оскорбления, намеренной провокации и др.» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 367];

сексизм (от англ. sexism) — дискриминация по половому признаку;

эйблизм (от англ. ableism) — дискриминация по признаку физической неполноценности (инвалидности);

эйджизм (от англ. ageism) — дискриминация по возрастному признаку и мн. др.

Характерно, что перечисленные заимствования активно участвуют в процессе порождения новых слов и целых словообразовательных гнезд: *абьюз* → *абьюзивный*; *абьюзить*; *абьюзер* → *абьюзерский*; *абьюзерить*; *абьюзерша*; *буллить* → *буллер* → *буллерша*; *буллерский*; *буллинг* → *буллинговый*; *антибуллинг*, *контрбуллинг* и др. Кроме того, новейшие заимствования образуют синонимические и антонимические пары: *булинг* — *моббинг*, *булинг* — *антибуллинг*, *антибуллинг* — *контрбуллинг*, *хейтинг* — *шейминг*, *шейминг* — *антишейминг* и др.

Активно функционирует новая социально-психологическая лексика в прессе и электронных СМИ. К сожалению, журналисты не всегда проявляют заботу об адресате и поясняют значения этих новейших заимствований: *Харассмент, абьюз* или *домогательства. Как не запутаться в новых отношениях полов* (Известия. 03.03.2018); *Расизм, абьюз, материнские надежды, мертвый город, больная взрослая жизнь, от которой хочется сбежать, и единственное, что дает свободу, — это скейт* (Ведомости. 29.05.2019); *Ведь когда в школе что-то происходит — драки, буллинг по отношению к одноклассникам и учителям, даже стрельба, — начинают разбираться в причинах случившегося* (Парламентская газета. 03.11.2021); *И это очень важный и позитивный фактор, ведь все еще существует стереотип «идеальной жертвы», которая почему-то обязана создать все условия, чтоб ее не били. В то время как с агрессора снимается такая задача, процветает виктимблейминг* (Новая газета. 17.06.2018); *Бодипозитив* и здоровый образ жизни: *психотерапевт рассказал, как любовь к себе помогает бороться с лишним весом* (Комсомольская правда. 17.01.2021); *Респонденты поясняют, что трудноустроиться непросто по ряду причин, главные из которых — высокие требования самого соискателя и эйджизм некоторых работодателей* (Комсомольская правда. 25.07.2021).

В большинстве случаев, однако, журналисты все же стремятся разъяснить аудитории значения новых и странных для русского слуха слов: *В нашем мире появилось слово «абьюз». А эмоциональных домашних, «кухонных» насильников стали звать абьюзерами. Кто такие абьюзеры? Это те, кто не уверен в себе и кому необходимо сделать окружающих ниже (унизить), чтобы самому стать повыше. Это те, кто получает удовольствие от ощущения своей власти над людьми. Это те, кто мстит за свою неудовлетворенность жизнью. Это те, кто не выносит своей вины и старается обвинить других. Это те, кто становится сильнее, когда близкие слабеют. Они тебе показывают и доказывают,*

что ты ничтожна, не справляешься, ловят каждый твой промах (Комсомольская правда. 21.05.2021); *Еще один популярный термин — «виктимблейминг»: обвинение самой жертвы в случившейся личной драме* (lenta.ru. 04.04.2016); *Журналисты подчеркивают, что на данный момент правила в этой области устанавливает бодипозитив (общественное движение, выступающее за право комфортно ощущать себя в своем теле при любом внешнем виде.* — Прим. «Ленты. ру») (lenta.ru. 27.07.2020).

Регулярному появлению такой лексики способствует то, что в век цифровых технологий социальные сети и платформы позволяют людям делиться информацией о себе с другими, часто незнакомыми и неблагоприятно настроенными людьми, которые, исходя из существующих в их сознании психологических стереотипов, могут проявлять по отношению к окружающим нетолерантность и даже агрессию. Безусловно, большинство из этих явлений присутствовало в нашей жизни и раньше, но многим из них, в отличие от расовой и национальной дискриминации, не давали номинаций. Например, *эйджизм* (ущемление прав человека по возрастному признаку) — явление, с которым регулярно сталкиваются женщины на протяжении столетий. Так, всегда — и в позапрошлом столетии, и даже сейчас — женщины, не вышедшие замуж до 25 лет, считались «засидевшимися в девках», незавидными невестами, но специального названия для этого явления не было.

Семантические трансформации заимствований

Иногда при заимствовании лексики наблюдается изменение объема ее значения в русском языке по сравнению с языком-источником. В последние годы все чаще наблюдается сужение объема значения, выражающееся в закреплении заимствования за определенными контекстами. Это явление было отмечено, в частности, А. П. Крысиным. Так, «в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства (обычный продавец никто шопом не назовет)» [Крысин, 2002, с. 29]. В качестве новейшего заимствования, значение которого подверглось сужению в русском языке, можно привести слово *харрасмент* (от англ. *harrasment* — издевательство, домогательство). В англоязычном мире оно используется для описания ситуаций, в которых один человек унижает честь и достоинство другого (оскорбляет, притесняет, нарушает личные границы). В русскоязычном мире под этим словом практически всегда понимаются лишь сексуальные домогательства, как правило, на работе.

Некоторые из заимствований, давно закрепившихся в русском языке, метафорически переосмысляются, приобретая новые значения. В последние годы такое приращение смысла наблюдается у прилагательного *токсичный*. В жаргоне и языке СМИ оно получает новое значение: «такой, который оказывает негативное, губительное влияние на кого-либо что-л.» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 346], как и существительное *токсик* («токсичный человек», тот, кто производит неприятное впечатление, раздражает окружающих нетактичностью, занудством, эгоистичностью, склонностью советовать или требовать что-либо, жалобами или излишней привязчивостью, обидчивостью, неуместным поведением и т.д.» [Леонтьева, Щетинина, 2021, с. 347]: *В России появится реестр токсичного контента* (радио «Коммерсант FM». 31.01.2022); *Что значит токсик или вечно недовольный. В любом окружении всегда есть люди, которые вечно всем недовольны. Сталкиваясь с такой токсичностью, можно превратиться в резервуар для слива негатива* <...> (журнал «Лиза». 11.02.2022).

Слова *эгоист*, *эгоизм*, *эгоистичный*, которые давно и прочно вошли в русский язык, в последние десятилетия под влиянием западного мировоззрения стали приобретать положительные коннотации: <...> *это уже репетиционный зал, где юные артисты, выпускники Вагановского, упражняются у палки и блистательный эгоист Руди (Владислав Лантратов) впервые скандалит с балериной* (Ведомости. 10.12.2017); *Быть эгоистом — не просто не стыдно, это единственный разумный из всех способов поведения, убеждает Питер Шварц, последователь Айн Рэнд* (lenta.ru. 18.09.2015).

Уместность употребления заимствований в СМИ

С появлением новых жизненных реалий в наш язык входят и новые слова. Иногда в нем не существует однословных обозначений для только что появившихся явлений и процессов, и тогда эти лакуны заполняет иноязычная лексика. В таком случае ее употребление является вполне уместным. Так, слово *коворкинг* и производное от него *коворкинговый* обозначает недавно пришедший к нам из-за рубежа тип бизнеса: предоставление в аренду единого рабочего пространства для организации деятельности нескольких компаний или людей; а лексема *колл-центр* используется для номинации подразделения организации, специализирующегося на обработке обращений ее сотрудников или клиентов и информировании их по голосовым каналам связи: *Как общил партнер «БестЪ. Коммерческая недвижимость» и директор по развитию УК PAGE Станислав Ступников, в компании прорабатывают планиров-*

ки некоторых действующих кинотеатров для реализации в них **коворкингов** (журнал «РБК». 13.08.2022); *Все это время я буду работать здесь, в **колл-центре*** (программа «Вести». 16.12.2010).

Использование иноязычной лексики бывает эффективным потому, что позволяет экономить речевые усилия и печатное пространство. Так, ставшее модным в конце 2015 г. слово *краудфандинг* используется чаще, чем словосочетание *народное финансирование*, именно из-за своей однословности. Иногда они используются как синонимы: *Рынок **краудфандинга** вырос на 83%. **Народное финансирование** может стать альтернативой банковскому кредитованию* (Известия. 28.03.2018). Действительно, «в условиях современной глобализации проще и во многих случаях целесообразнее использовать готовую, да еще распространенную по всему миру английскую номинацию. Так появились необходимые *риелтеры, лоукостеры, брокеры*» [Матяшевская, Сиротинина, 2016, с. 157]. Активно функционируют эти слова в современных СМИ: ***Риелтор** Ирина Лаврухина отметила, что пониженная ставка позволяет улучшить жилищные условия даже совсем не богатым и молодым семьям, правда, при условии наличия первоначального взноса* (Парламентская газета. 09.11.2021); ***Лоукостер** из Египта откроет авиарейсы из Петербурга в Хургаду* (Московский комсомолец. 10.08.2022); *Но **брокеры** сейчас очень пессимистичны: кто-то говорит, что ситуация затянется на 10 лет, кто-то полагает, что на все 20* (Московский комсомолец. 24.07.2022).

Иногда для выражения смысла требуется слишком сложная описательная русская конструкция, вследствие чего целесообразнее использовать именно заимствование. Например, авторы рецензий, освещая произведения культуры, используют слова *спойлер* (от англ. to spoil — намеренное и преждевременное раскрытие концептуально важных деталей сюжета книги, фильма, спектакля) или *клиффхэнгер* (от англ. cliffhanger — художественный прием, заключающийся в обрывании повествования в кульминационный момент или в создании открытой концовки с целью заинтересовать читателя или зрителя и заставить их ждать продолжения в следующей части произведения). Делают это журналисты не столько из-за моды на все англоязычное, сколько для того, чтобы однословно выразить смысл, для реализации которого в русском языке понадобились бы громоздкие описательные конструкции: *Цыганов должен был играть в том несостоявшемся спектакле две роли — Самозванца и воеводу Басманова. В собственной постановке он не участвует. Как нет — небольшой **спойлер** — в этом эскизном спектакле о репетициях и самого Годунова...* (Известия. 30.07.2022); *Джон Маррс вообще искусный манипулятор, точно чувствующий момент, когда пора подбросить дрови-*

шек в ровный огонек читательского интереса: редкая глава не заканчивается **клиффхэнгером**, заставляющим поскорей перескочить к следующей (Известия. 29.03.2020).

В большинстве случаев иноязычные слова входят в нашу речь тогда, когда они действительно необходимы: «либо они закрывают какие-то лакуны в лексической системе (*риелтор, банкинг, дилер, брокер* и т.д.), либо обогащают синонимические ряды обозначением оттенков смысла: *киллер* — заказной убийца; *бойфренд* — больше, чем друг, но не просто любовник; *электорат* — не просто избиратели, но именно совокупность избирателей, объединенных по какому-то признаку» [Сиротинина, 2013, с. 191].

С помощью заимствований обогатилась не только лексическая, но и словообразовательная система русского языка. В качестве примера можно привести заимствованные суффиксы «*-ер, -ация, -ат*, которые продолжают активно участвовать в новых образованиях, а с конца XX в. все больше набирает активность новый для русской системы словообразования суффикс *-инг*» [Сиротинина, 2013, с. 192]. При этом, к сожалению, не всегда учитываются существенные различия в русской и английской грамматической системах: в английском языке нет флективных разграничений частей речи, а в русском каждая часть речи обладает своей словоизменительной парадигмой (что находит отражение во флексиях. Вследствие этого «при включении ряда заимствованных слов (*банкинг, джипинг, лифтинг*) нарушаются нормы русского словообразования процессуальных существительных при помощи нового для русского языка суффикса *-инг* от глаголов (*мониторить* — *мониторинг*, новое *шопить* — *шопинг*)» [Сиротинина, 2013, с. 192].

Мониторинг СМИ, регулярно проводимый О. Б. Сиротининой, показывает, что в современных газетах употребляется преимущественно обогащающая, а не засоряющая язык заимствованная лексика, необходимая для емкого выражения передаваемых журналистами смыслов. Если же употребляются новые, непонятные большинству заимствования, то они поясняются авторами материалов. Приведем примеры из статьи Жанны Голубицкой «Мексика, Малайзия, Макао: какие страны мира распахнут свои двери для российских туристов» (Московский комсомолец, 01.08.2022): *Если запустят чартеры <...>, для работающего человека цены приемлемые, климат хороший, страна многонациональная и многоконфессиональная, а потому привычно толерантная ко всем <...>; А вот отечественные лонгсеттеры — любители проводить в теплых краях весь зимний сезон, работая удаленно, — особые надежды возлагают на Малайзию; Возвращения в туристический строй Китая и Гон-*

конга <...> поджидают не только путешественники, но и **байеры** — закупщики товаров народного потребления, а попросту челноки.

Несмотря на некоторые положительные следствия появления заимствований в русском языке (обогащение лексического состава и морфемного репертуара, расширение синонимических и антонимических рядов, расширение семантической структуры существующих заимствований), можно констатировать, что засилие англицизмов, которое сейчас приобретает в нем катастрофические масштабы, приводит к его засорению. Иноязычная лексика уже давно используется русскими людьми не только для репрезентации явлений, которые невозможно выразить одним родным словом или словосочетанием, но даже для выражения эмоций (*Вау! Унс!*) и поддержания контакта с собеседником (*Окей! Гуд! Хай! Гуд-бай! Бай!*). Подобные словечки проскальзывают и в массмедийном общении: — **Вау, это хорошая идея!** (общественно-политическое ток-шоу «60 минут». 08.08.2022); *А чем еще в этой конфигурации можно было завлечь зрителей? Воспоминаниями о древних концертах «Миража» под фонограмму? Унс...* (Московский комсомолец. 14.09.2021). От междометия *Вау!* в русском языке было образовано слово *вау-эффект*, которое стало активно употребляться в СМИ: **Вау-эффект** достигается не за счёт того, что вас напугали или обрадовали, а за счет того, что вам очень приятно взаимодействовать с этим интерьером, антуражем, предметами из этого мира (Московский комсомолец. 17.04.2016); *Для ребят 7 лет очень часто приходится использовать вау-эффект. Ведь вначале пути их нужно заинтересовать, вовлечь в образовательный процесс игровыми технологиями* (Московский комсомолец. 31.08.2021); *Но, возможно, если бы они размещались в каком-то крупном СМИ, для которого интервью с голливудской звездой — это будни, публикации не произвели бы такого вау-эффекта* (lenta.ru. 14.05.2019).

Заимствований в разных сферах общения стало так много, что не знающим английского языка даже газету читать просто невозможно. О. Б. Сиротинина признается, что еще лет десять назад с удовольствием читала английскую художественную литературу свободно, сейчас же многих слов в русских газетах понять не может.

Некоторые англицизмы приводятся в СМИ в латинском написании, что никак не отражает стремление журналистов проявить заботу об адресате: *Наша статья поможет разобраться, в чем именно «Союз молодежи» стал первым и почему его значение в истории русского (на самом деле — мирового) искусства сложно переоценить, а заодно отвечает на вопрос: почему эта выставка из разряда **must see**?* (lenta.ru. 28.10.2019); *Все начиналось с продуманного функционала каждого поме-*

щения квартиры, теперь это уже **must have** (Коммерсант. 11.09.2020); **Event-индустрия** просит уточнить: как можно и нельзя проводить мероприятия (журнал «РБК». 20.09.2020).

Патриотические настроения в современном российском обществе подтолкнули правительство к рассмотрению возможности законодательного урегулирования использования иноязычной лексики. По данным газеты «Известия», в Совете Федерации и Государственной Думе принят к рассмотрению ряд мер по сохранению богатства и независимости русского языка. Так, уже разработан законопроект о запрете вывесок на иностранных языках. Кроме того, 5 июня глава крымского парламента Владимир Константинов сообщил, что в Крыму подготовили словарь по замещению англицизмов (Известия. 05.07.2022).

Меры, направленные на борьбу с засилием заимствований, кажутся нам особенно актуальными для СМИ, ведь многие журналисты в погоне за модой и социальным престижем неумеренно употребляют иностранную лексику, причем далеко не всегда правильно и уместно. Так, использование англицизмов, имеющих аналоги в русском языке, просто засоряет русскую речь (*инсайт* вместо *озарения*, *тинейджер* вместо *подростка*, *экспириенс* вместо *опыта*, *энтертеймент* вместо *развлечения*, *скилл* вместо *навыка*, *пруф* вместо *доказательства*, *топовый* вместо *лучшего* и мн. др.): *И вот тут с Маккейном случился инсайт!* (программа «Вести». 20.09.2015); *Судя по записям, которые тинейджер оставил в соцсетях, он собирался совершить нападение на образовательное учреждение* (Московский комсомолец. 07.12.2021); *Запуск Maker's Mark Private Select преподносится как экспириенс, сочетающий образовательную часть, энтертеймент и эстетику* (lenta.ru. 05.12.2019); *Исследователи Гарвардского университета теперь точно знают, как прожить до ста лет. Пруф? В течение семи с половиной десятилетий они наблюдали фокус-группу из более чем 600 человек, чтобы узнать секрет здорового, счастливого и долгого бытия* (lenta.ru. 10.05.2016); *В топовых вузах счет в битве за поступление идет на десятые доли балла!* (Комсомольская правда. 25.07.2020).

Еще одним типом неуместного употребления заимствований нам представляется использование современных англицизмов при описании событий прошлого, что воспринимается как анахронизм: *Патент на этот гаджет был получен в 1970 году* (Парламентская газета. 09.12.2021); *Русские топ-модели прошлого. Было среди них немало женщин благородного происхождения: виконтесс, баронесс, княгинь. Они <...> посещали светские рауты, становясь лицами брендов* (culture.ru. 01.08.2022); *Геометрическая резьба — самый древний оформительский*

тренд, известный человечеству еще с дохристианских времен (culture.ru. 10.07.2022).

Заключение

Итак, обойтись без использования заимствований современный русский язык просто не может, ведь с появлением новых жизненных реалий возникает необходимость в их однословной номинации, что не всегда возможно обеспечить лексическими средствами родного языка. Заимствованные слова, наиболее активно употребляющиеся в современном русском языке, можно условно объединить в следующие тематические группы: «Информационные технологии», «Экономика», «Политика», «Наука», «Культура», «Социально-психологические явления», «Мода и красота», «Спорт», «Гастрономия». Это одни из самых важных областей жизни и деятельности современного человека.

Сегодня массмедийная коммуникация является одной из сфер общения, которые наиболее открыты для всего нового, в том числе заимствований. Обращение к Национальному корпусу русского языка показывает, что в СМИ второго и третьего десятилетий XXI в. наиболее часто функционирует иноязычная лексика, связанная с информационными технологиями, что, безусловно, объясняется реалиями жизни в современном цифровом мире.

Заимствование — это языковой процесс, который имеет как положительные, так и отрицательные последствия. К позитивным явлениям можно отнести обогащение русского языка: расширение его лексического состава (включая пополнение синонимических и антонимических рядов), морфемного репертуара, появление новых значений у давно закрепившихся в языке заимствований. Негативным последствием является засорение родного языка, выражающееся в неуместном и неумеренном использовании иноязычной лексики, а ведь еще А. С. Пушкин учил нас руководствоваться чувствами соразмерности и сообразности. Именно поэтому необходимо проявлять заботу об экологии русского языка, сохранении и приумножении его богатств.

Библиографический список

Дегальцева А. В. Наречия коронавирусного периода: словообразовательные и семантико-синтаксические характеристики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования / под ред. И. Г. Родионовой. Пенза, 2022.

Ёрова С. Н. История заимствований слов в русском языке // Ученые записки Худжандского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (51).

Крысин А. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6.

Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 2.

Максимова Н. Г., Полякова И. М. «Короналексика»: особенности орфографии, смысло- и словообразования (на материале «Словаря русского языка коронавирусной эпохи») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования / под ред. И. Г. Родионовой. Пенза, 2022.

Новые слова и словари новых слов / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб., 2020.

Рацибурская Л. В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб., 2021.

Русский язык коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб., 2021.

Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1.

Сиротинина О. Б., Матяшевская А. И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб., 2021.

Сперанская А. Н. «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона // Коммуникативные исследования. 2021. № 1.

Ушаков Б. Ю. Семантика и функции лексических заимствований в современной русской прессе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Чувакин А. А. Основы филологии / под ред. А. И. Куляпина. М., 2011.

References

Degaltseva A. V. *Narechiya koronavirusnogo perioda: slovoobrazovatel'nye i semantiko-sintaksicheskie harakteristiki*. [Adverbs of the coronavirus period: word-formation and semantic-syntactic characteristics]. In: I. G. Rodioniva (Ed.). *Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya*. [Language policy and humanitarian education issues]. Penza, 2022.

Yorova S. N. *Istoriya zaimstvovaniy slov v russkom yazyke*. [The history of borrowing words in the Russian language]. In: *Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. [Scientific notes of Khujand State University. Humanities]. 2017. No. 2 (51).

Krysin L. P. *Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovaniye v russkom yazyke poslednih desyatiletij*. [Lexical borrowing and calculus in the Russian language

of the last decades]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. [Topics in the study of language]. 2002. No. 6.

Lashkova G. V., Matyashevskaya A. I. *Anglicizmy v sovremennom rusском yazyke*. [Anglicisms in modern Russian]. In: *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika]. 2022. Vol. 22. Iss. 2.

Maksimova N. G., Polyakova I. M. «Koronaleksika»: osobennosti orfografii, smyslo- i slovoobrazovaniya (na materiale «Slovarya russkogo yazyka koronavirusnoj epohi»). [«Coronalexics»: features of spelling, semantic and word formation (based on the material of the «Dictionary of the Russian language of the coronavirus era»)]. In: I. G. Rodioniva (Ed.). *Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya*. [Language policy and humanitarian education issues]. Penza, 2022.

Novye slova i slovari novyh slov. [New words and dictionaries of new words]. Ed. by N. V. Kozlovskaya. St. Petersburg, 2020.

Ratsiburskaya L. V. *Novye slovoobrazovatel'nye gnezda s «koronavirusnoj» leksikoj*. [New word-forming nests with «coronavirus» vocabulary]. In: M. N. Priemysheva (Ed.). *Russkij yazyk koronavirusnoj epohi*. [Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg, 2021.

Russkij yazyk koronavirusnoj epohi. [Russian language of the coronavirus era]. Ed. by M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021.

Sirotnina O. B. *Razmyshleniya o tom, kak dolzhna ponimat'sya bor'ba za ekologiyu yazyka*. [Reflections on how the struggle for the ecology of language should be understood]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2013. No. 1.

Sirotnina O. B., Matyashevskaya A. I. *K chemu mozhet privesti stremlenie k ekonomii rechevyh usilij v kommunikacii na rusском yazyke?* [What can the desire to save speech efforts in communication in Russian lead to?]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2016. No. 1.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi. [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Ed. by M. N. Priemysheva. St. Petersburg, 2021.

Speranskaya A. N. «Slovo goda» i «klyuchevaya situaciya»: o popolnenii aktual'nogo leksikona. [«The word of the year» and «the key situation»: on the replenishment of the current lexicon]. In: *Kommunikativnye issledovaniya*. [Communicative research]. 2021. No. 1.

Ushakov B. Yu. *Semantika i funkcii leksicheskikh zaimstvovanij v sovremennoj rusской presse*. [Semantics and functions of lexical borrowings in the modern Russian press]. Thesis of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2009.

Chuvakin A. A. *Osnovy filologii*. [Fundamentals of Philology]. Ed. by A. I. Kulyapin. Moscow, 2011.

ДИНАМИКА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РАДИОДИСКУРСЕ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Г. Нестерова, А. А. Орешкина

Ключевые слова: дискурсивные практики, изменения, радиодискурс, радиотекст, программы о русском языке, подкаст.

Keywords: discursive practices, changes, radio discourse, radio text, programs about the Russian language, podcast.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–02

Введение

Обращение к просветительскому дискурсу о русском языке актуально, так как вопросы языковой политики и культурно-речевой ситуации в России относятся к числу стратегических задач, нацеленных на укрепление национальной идентичности россиян.

Проблема ухудшения культурно-речевой ситуации в медиа активно обсуждается специалистами на протяжении нескольких десятилетий. Социокультурные перемены постсоветского времени открыли доступ к медиа непрофессиональным авторам и снизили культурный порог доступа в медиасреду. С развитием интернет-медиа ситуация только усугубилась: частотными стали такие проявления, как пренебрежение нормами русского литературного языка, отсутствие тематических ограничений, агрессивность речевого поведения участников коммуникации, рост вулгарного и нецензурного словоупотребления, жаргонизация речи, тиражирование речевых ошибок и т.д. [Скляревская, 1998; Костомаров, 1999; Сиротинина, 2001; Крысин, 2005; Кронгауз, 2007] и др.

Однако негативные процессы в речи сформировали и контр-интерес интеллектуальной аудитории к программам о русском языке, на что медиарынок ответил появлением просветительских медиапродуктов сначала в традиционных, а затем и в новых медиа (см., например, радио «Радио России», «Арзамас», «Лекториум» и др.).

Просветительский радиодискурс в последнее десятилетие неоднократно становился объектом изучения, в том числе в кандидатских диссертациях [Арсеньева, 2013; Коньков, Сурикова, 2018; Цзюй, 2018; Сабаяева, 2019; Фащанова, 2019], а также является сферой приложения усилий общественных движений и групп населения, которые заботят вопро-

сы культурно-речевой ситуации в медиа. Сказанное усиливает актуальность обращения к просветительскому радиодискурсу о русском языке.

Источниками материала для данного исследования послужили программа «Говорим по-русски»¹ и подкаст «Как это по-русски?»². Выбор программ обусловлен следующими критериями: соответствие тематике (просветительские, о русском языке); актуальность (соответствует просветительской стратегии); информативность (отвечает на информационный запрос целевой аудитории); коммуникативность (наличие подробной аннотации, вербально выраженной обратной связи); источниковедческий потенциал (предоставляет богатый материал для лингвистического исследования). Выбор программы и подкаста обоснован также авторитетом ведущих. Так, «Говорим по-русски» ведут Ольга Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник РАН, и Оксана Пашина, журналист радиостанции; в программе принимает участие гость — специалист в сфере русского языка и культуры речи. Подкаст «Как это по-русски?» представляет собой полилог трех постоянных участников: ведущая — журналистка Елена Майзель; гости — профессора кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена М. Я. Дымарский и В. А. Ефремов.

Избранные для исследования программы являются ярким свидетельством активных изменений в дискурсивных практиках, которые реализуются в просветительском радиодискурсе о русском языке.

Дискурсивные практики, реализованные в программе «Говорим по-русски», ранее были рассмотрены в кандидатской диссертации Т. Е. Арсеньевой и обстоятельно описаны через призму коммуникативных стратегий и тактик [Арсеньева, 2013]. Дискурсивные практики расцениваются автором как «динамическая система языковых (текстовых) и неязыковых (собственно дискурсивных) реализаций диалогического взаимодействия участников радиодискурса» [Арсеньева, 2013, с. 12]. Автором убедительно продемонстрировано, как генеральная просветительская цель программы достигается посредством коммуникативных стратегий обучения и формирования познавательной активности аудитории. Были выявлены и систематизированы способы языковой репре-

¹ Записи выпусков находятся в свободном доступе. Длительность выпусков в среднем составляет 50 минут.

² Анонсы всех выпусков размещены в социальной сети «ВКонтакте»; группа «Радио России». Длительность выпусков в среднем составляет 15 минут. Подкаст выходил на сайте «Радио России» еженедельно в течение нескольких лет (до июня 2020). Архивы подкаста представлены в Интернете.

зентации коммуникативных стратегий и тактик, присущих просветительскому радиодискурсу о русском языке.

Так, стратегия обучения реализуется с помощью тактик дефиниции, обращения к авторитетному источнику и переформулирования информации; стратегия формирования познавательной активности аудитории осуществляется применением тактик коммуникативного равенства и привлечения внимания аудитории. Обосновано, что коммуникативные тактики и ходы направлены на расширение у адресата знаний о русском языке и культуре речи, на обеспечение усвоения этих знаний массовым адресатом, на формирование навыков и умений владения языком в разных сферах коммуникации. Анализ контента программы «Говорим по-русски» показал, что репертуар коммуникативных ходов, используемых ведущими, обусловлен общей нацеленностью программы на эффективность коммуникации. Полученные в указанной диссертации результаты не потеряли своей значимости, так как выявленные тактики остаются ключевыми. При этом автором подчеркивалось, что перечень коммуникативных ходов открыт и может быть расширен с появлением новых коммуникативных практик.

Еще несколько лет тому назад в качестве ключевой медийной особенности радиодискурса отмечалось отсутствие визуализации этого СМИ, и для иллюстрации коммуникативного хода авторской дефиниции ведущими предлагался (в числе других) прием компенсации вневизуальности радио, основанный на включении коммуникантами воображения: *Мне кажется, что никаких там сложностей особых нет, нужно только представить себе картинку, две картинки. Первая картинка — это когда человек с рюкзаком, в кедах, костер, он отправляется в поход. Заменить, в туристский поход. Туристский — это то, что имеет отношение к туристу <...> Туристический — это то, что имеет отношение к туристической отрасли как к организации поездок и путешествий, это совсем другая картина* (Говорим по-русски. 13.02.2011) [Нестерова, Арсеньева, 2011, с. 102]. Новые коммуникационные условия определили целый ряд новых дискурсивных практик, которые реализуются в современном просветительском радиодискурсе.

Развитие Интернета обусловило не только конвергенцию традиционных СМИ, но и взаимодействие их с новыми медиа. Результатами отмеченных процессов стали разного рода трансформации в СМИ, наиболее существенные из которых претерпело радио. Это изначально аудальное средство массовой информации в XXI веке неоднократно меняло формы существования. Возможности Интернета сначала привели к организации интернет-сайтов радиостанций и интернет-радиостанций:

наряду с традиционным звучащим в эфире СМИ стало функционировать интернет-радио (об истоках интернет-радио см., например: [Денисова, 2006]). Сайты радиостанций обеспечили наличие визуальных компонентов, дополняющих аудиальную информацию. В период активного развития интернет-радио нами был проведен опрос радиоведущих (адресанта радиокommunikации) и студенческой аудитории (адресата радиокommunikации), который показал существенные изменения в дискурсивных практиках этого СМИ. Отмечался прежде всего новый признак — мультимедийность, которая проявилась во взаимодействии звуковых и визуальных компонентов, представленных графикой, фото, видео. Изменились функции адресанта, связанные с созданием контента. Как отмечали участники опроса, *журналист одновременно готовит материал и для Интернета, и радиный, и делает видеоматериал* [Нестерова, 2013, с. 21]. Изменились также возможности восприятия радио. Радиожурналисты отмечали: *Радио сейчас не только на волнах, но и в Интернете. Можно послушать звук, можно прочесть текст* [Там же]. Отмеченное расширение функционала сайтов радиостанций открыло возможность трансляции происходящего в радиостудии, а затем и демонстрации видеоконтента — появилось *видеорадио* [Журавлева, 2019] как результат, обусловленный интеграционными процессами в радиокommunikации.

Еще раньше, исследуя трансформации видеоконтента в Интернете и использование этого способа подачи информации в интернет-версиях традиционных СМИ, Л.А. Круглова включила в сферу своего анализа такие вопросы, как «появление видеоматериалов на порталах газет, радио и информационных агентств, их жанровое разнообразие и тенденции развития» [Круглова, 2010, с. 101]. То есть уже в это время были предопределены перспективы развития медиасферы, постулированные автором со ссылкой на генерального директора Google Э. Шмидта, который утверждал, что «через пять лет различия между ТВ, радио и интернет-ресурсами сотрутся окончательно» [Там же]. Следующим этапом развития радио стала его закономерная интеграция в социальные сети [Сабаева, 2019], такая форма реализации радиоконтента и взаимодействия с адресатом получила терминологическое обозначение «социально-сетевое» радио [Ермоленкина, 2020].

Подчеркнем, что в настоящее время ни специалистами, работающими в медиасфере, ни потребителями массовой коммуникации не отвергается существование радио, телевидения и прессы как самостоятельных средств массовой коммуникации. При этом в рамках данной статьи внимание направлено на новые дискурсивные практики, которые появились

и получили развитие в новых медиакоммуникационных условиях, обуславливающих гибридизацию средств массовой коммуникации. Объект рассмотрения обосновывает новизну исследования.

Основным методом выступил дискурсивный анализ, который обеспечил выявление новых дискурсивных практик. Медиалингвистический анализ был применен при включении в радиодискурс текстов, реализующихся в разных формах существования; при выявлении способов создания и восприятия медиатекста, а также особенностей взаимодействия в нем «вербального и медийного уровней» [Добросклонская 2015, с. 51]. Полученные результаты обобщены посредством метода научного описания.

Анализ и результаты

Рассмотрим новые дискурсивные практики, реализуемые в программе «Говорим по-русски».

Изменение формы существования и восприятия радиоконтента. Современный радиотекст (ключевая единица радиодискурса) представляет собой не только «сочетание вербального текста с музыкальными и аудиоэффектами» [Добросклонская, 2020, с. 27], он функционирует подобно телевизионному, который «разворачивается сразу на нескольких уровнях — вербальном, видеоряда и звукового сопровождения, образуя единое целое и приобретая черты объемности и многослойности» [Там же]. Динамика дискурсивных практик в связи с восприятием контента проявилась в том, что программу еще недавно можно было сначала прослушать 1) в определенное время радиоэфира; 2) затем — в любое удобное время на сайте радио; 3) вскоре появилась возможность скачать запись эфира на любое устройство и прослушать ее даже без доступа к Интернету; 4) на следующем этапе стало возможным посмотреть запись из студии и видеотрансляции на YouTube-канале «Эхо Культура». В настоящее время трансляции программы ведутся на одноименном с программой YouTube-канале «Говорим по-русски».

Расширение форм интерактивности. С вхождением радиодискурса в интернет-среду он приобрел возможность интерактивной обратной связи, которая реализуется в форме слушательских **комментариев**, обращенных к программе (к ведущим), и в комментариях между слушателями. Новой формой интерактивности стал чат во время прямого эфира, в котором слушатели могут поделиться своим мнением по ходу программы (обратная связь осуществляется в режиме онлайн) (см. рис.). Относительно комментария замечено, что он «сочетает в себе реализацию функции информирования с усилением компонента воздействия посредством

выражения субъективных мнений и оценок» [Колесникова, Пескишев, 2021, с. 259]. Эти же особенности свойственны чату в прямом эфире.

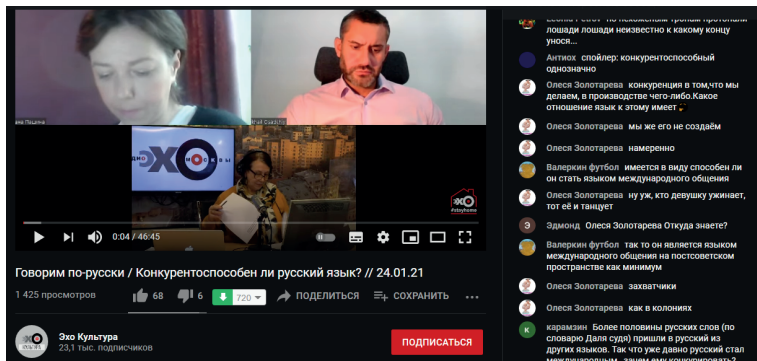
Изменение коммуникативного функционала адресанта. В качестве специфической новой дискурсивной практики реализуется **деятельность ведущего на двух площадках**: в эфире и социальной сети. В качестве примера представим фрагмент выпуска «Дайте я скажу то, что сказал». Памяти Михаила Сергеевича Горбачева» (05.09. 2022). О. Северская: *Кстати, мы опубликовали мемориальный пост во «ВКонтакте» и тут же получили комментарий: Как это может сообщество любителей русского языка такую кошмарную речь пропагандировать?*

Учитывая тот факт, что у каждой программы есть свои подписчики, можно говорить о формировании сообщества любителей русского языка. Эта мысль поддерживается, в частности, в обращении ведущей в начале программы: *Здравствуйте, дорогие любители говорить по-русски!; Приветствую всех любителей говорить по-русски; Дорогие любители говорить по-русски, от имени нашей команды приветствую вас.*

Изменение коммуникативного функционала адресата. К новым дискурсивным практикам относится расширение способов обратной связи, которая тоже реализуется на разных площадках. Во-первых, как следует из описания программы на сайте, слушатели имеют возможность (и реализуют ее) позвонить по телефону прямого эфира и, например, проголосовать в интерактивном опросе, выиграть призы за правильные ответы в викторине и т.д. Во-вторых, слушателям предоставлена возможность комментировать выпуски программы, участвовать в опросах³.

Подчеркнем, что усиливающаяся персонификация медиадискурса, как один из его важнейших новых признаков, существенно дополняет представление об участниках просветительского радиодискурса о русском языке.

³ Раньше комментарии размещались на сайте echo.msk.ru после окончания эфира, в настоящее время — на платформе YouTube.com (<https://www.youtube.com/channel/UCPIJMhAFVw7qYaw3eaQAwvA>) и в соцсети ВКонтакте (<https://vk.com/echoporusski>).

Скриншот эфира программы и онлайн-чата на Youtube-канале «Эхо Культура»

Продemonстрируем новую дискурсивную практику на примере онлайн-чата⁴. Так, гость программы, рассуждая о конкурентоспособности русского языка, утверждает: *«влияние виртуальной реальности на спрос на язык и на его функциональную нагруженность огромно. <...> Мы обратили внимание на то, <...> сколько пользователей сети Интернет выбирают тот или иной язык в качестве языка своего профайла»*. Это и многие другие наблюдения позволили гостю программы прийти к выводу, что самые популярные и конкурентоспособные языки в виртуальной реальности — английский и испанский. Реакцией на это заключение стал следующий комментарий: *«Везде, где можно, интерфейс включаю английский на сайтах. Потому что все термины будут одинаковы везде. А в русском каждый сайт по-своему одно и то же называет, пока поймешь, что имел в виду создатель»*. Данный комментарий позднее был зачитан ведущим программы: таким образом был осуществлен акт коммуникации между ведущим и конкретным слушателем.

Параллельно с обсуждением темы программы в онлайн-чате происходило обсуждение других вопросов, в частности связанных с фамилией гостя программы:

Ёжик с ружьём: Осадчий симпатный

Ольган: Ёжик. Фамильё у него знакомое)

Ёжик с ружьём: Ольга Н распространённая фамилия

Валеркин футбол: по моему даже футболист такой был

Приведенные примеры демонстрируют следующие особенности этой дискурсивной практики. 1. Представленный на рисунке онлайн-чат имитирует ситуацию реального устного общения. 2. Комментарии практи-

⁴ <https://youtu.be/ylOG6x84y9Y>

чески сразу же уходят за границы чата, как и слова, произнесенные устно. 3. Обсуждается лишь актуальная информация: то, что авторы и гости программы говорят в данный момент, а также то, что комментаторы **пишут** в данную минуту. 4. Реализуются диалоги по линии «автор-адресат» и «адресат-адресат».

Демонстрацией единства разных форматов изучаемого дискурса может послужить пост на публичной странице, выполняющий функцию анонса и побуждающий пользователей сети к участию в качестве слушателей эфира: *2 июля 1979 года в Риме состоялся единственный концерт Владимира Высоцкого в столице Италии. В программе «Лавка музыкальных редкостей» слушайте уникальную запись концерта и интервью советского барда. Завтра, 27 февраля, в 11.10 по Москве! # ЛавкаМузыкальныхРедкостей_РадиоРоссии#музыка# бард #Высоцкий.*

Изменения на уровне текста. Радиотекст (ключевая единица радиодискурса) в настоящее время представляет собой не только «сочетание вербального текста с музыкальными и аудиоэффектами» [Добросклонская, 2020, с. 27], он реализуется подобно телевизионному, который, «разворачивается сразу на нескольких уровнях — вербальном, видеоряда и звукового сопровождения, образуя единое целое и приобретающая черты объемности и многослойности» [Там же]. Эту особенность можно наблюдать уже в заставке к программе. (Закадровый голос): *Смотрите трансляцию этой программы на нашем канале ютуб! (Закадровый голос на фоне фотозаставки в формате мультикадр): Доброе утро! В студии Ольга Северская, Оксана Пашина и Анна Христочевская. (Затем заставка продолжается разными голосами): — Говорим по-русски! — По-русски? — Это не сложно.*

Итак, радиотекст стал поликодовым гипертекстом, он совмещает в себе черты, присущие текстам разных СМИ: радио, телевидения, прессы. Иллюстрацией последнего является, в частности, проанализированный выше чат в прямом эфире, его письменная форма, а также комментарий и пост на странице радио в социальной сети. Сближение устной и письменной форм существования радиотекста проявляется также благодаря одновременному восприятию адресатом устной речи ведущих и письменных сообщений, созданных адресатами.

Изменения на уровне языка. В современном радиодискурсе происходит увеличение доли разговорного пласта языка, обусловленное усилением субъективности коммуникации. Просветительский дискурс о русском языке не является исключением, если рассматривать его широко, как это осуществлено в данной статье.

Дополняет представление о динамике дискурсивных практик в аудиальном медиадискурсе подкаст — **новая форма радио в Интернете** [Дорофеева, 2018, с. 192].

В научной литературе представлены результаты систематизации и обобщения предложений относительно определения феномена «подкаст» и ассоциируемых с ним понятий «подкастинг» и «подкастер». А.А. Дорофеевой описаны базовые типы подкастов, выявлены особенности, по которым подкастинг отличается от традиционного радио и интернет-радио [Дорофеева, 2018]. В научной литературе обсуждается образовательный потенциал подкастов [Белинова, Сухарева, Шевченко, 2020]; рассматриваются философско-педагогические аспекты использования подкастинга в современной педагогической практике; описываются цели, преимущества и потенциал образовательных подкастов [Страшко, 2015], изучаются вопросы использования подкастов в обучении иностранному языку [Сысоев, 2014; Рублева, 2018; Горбачева, 2020].

Подкаст, будучи новым востребованным аудиоформатом средств массовой коммуникации, занял прочное место в медиaprостранстве. Первоначально этот термин употреблялся профессиональными журналистами для наименования контента, прозвучавшего на радио, а затем размещенного для скачивания на сайте (см.: [Нестерова, 2013, с. 22]). Современные форматы функционирования радио также воспринимаются адресатом как подкасты. Иллюстрацией к сделанному замечанию является, в частности, следующий комментарий слушателя к рассматриваемой в данной статье программе «Говорим по-русски»: *Племяшка Мульти: Горбачев впервые в СССР получил статус «хороший мужик», «хотя и болтлив». А ближе к концу 90-х возник мем «Хороший парень — это не профессия». Спасибо вам за этот подкаст.* (05.09. 2022).

Новые дискурсивные практики, обусловленные появлением и развитием подкаста, связаны прежде всего с возможностями восприятия контента адресатом, который может прослушать записи выпусков на сайте радио в любое удобное для него время, а также скачать записи себе на устройство. В группе «ВКонтакте»⁵ имеется возможность комментировать выпуски.

Рассмотрим новые дискурсивные практики в подкасте «Как это по-русски?» («Радио России»), который позиционирует себя так: *Программа для любителей русского языка — разбор конкретных примеров, разговор о развитии языка*⁶. Анонс конкретного выпуска программы определяет круг обсуждаемых вопросов: *«Какие слова бывают общего*

⁵ <https://vk.com/radiorusia1>

⁶ <https://www.radiorus.ru/brand/57203/about>

рода? Счетные существительные при парных предметах. Какая есть связь между словами „костер”, „кострец”, „кость”? Нормативно ли выражение „дико рад”? В Купчине или в Купчино? Считать ли вежливым выражение „пропустить мимо ушей”? Ответы на эти вопросы ищите в подкасте программы „Как это по-русски?” #Подкасты_РадиоРоссии #КакЭтоПоРусски_РадиоРоссии⁷.

В изучаемом подкасте некоторые темы для разговора определяются **звонок в эфир**, когда слушатель звонит и задает вопрос ведущей и гостям подкаста: *Стоит ли давать перевод заимствованным словам в газетах? Какого рода слово «коллега»? и т.д.* Вопросно-ответная форма коммуникации сопровождает все элементы подкаста, проходя красной нитью сквозь описание, аннотацию и текст конкретного выпуска. Данная дискурсивная практика примечательна тем, что звонки в эфир поступают не только с вопросами, но и с ответами участников из числа слушателей на вопросы других участников. Вопрос становится стимулом для формирования сложной, многоступенчатой коммуникативной ситуации. Так, например, один слушатель звонит с вопросами: *Что такое флешмоб? Можно ли подобрать русскую замену этому слову?* Другой слушатель звонит с предложением: *Моя версия перевода на русский «флешмоб», фразы английской, — «молниеносное сборище»;* и ведущие начинают обсуждать этот вариант. Подобная форма коммуникации отличается от привычных звонков в эфир высокой степенью вовлеченности адресата в ситуацию общения, при которой адресат становится источником информации.

Новой дискурсивной практикой в гипертекстах, реализующихся при посредстве новых медиа, является использование хэштега. «Прототипической функцией хэштега⁸ является структурирование информационных потоков в социальных сетях за счет тематического маркирования публикаций — как правило, через указание на описываемое событие, место, участника ситуации и т.п.» [Беловодская, 2018, с. 421]. Хэштеги представлены в тексте анонсов выпусков изучаемого подкаста, а также на странице подкаста на сайте «Радио России». В тексте анонсов хэштег повторяет название программы (#КакЭтоПоРусски_РадиоРоссии), а также указывает на принадлежность программы «Как это по-русски» к числу всех подкастов радиостанции (#Подкасты_РадиоРоссии).

Хэштеги обеспечивают структурированность информации, указывают на включенность данного текста в общий ряд других текстов (конкретный выпуск «встроен» в ряд всех выпусков подкаста, конкретный

⁷ <https://vk.com/radorussia1>

⁸ Сохранен вариант написания, принятый в цитируемой статье.

подкаст «встроен» в ряд всех подкастов данного радио и т.д.), а также дают характеристику тексту, к которому относятся. Так, на странице сайта radiorus.ru подкаст «Как это по-русски?» отмечен следующими хэштегами: #русский_язык, #грамотность, #лингвистика, #языкознание, #познавательный. Первые четыре хэштега указывают на тематику подкаста, а последний — на его формат (подкаст познавательный).

Объединяя различные тексты под одним названием, хэштеги облегчают поиск программ / выпусков по интересам, позволяют в короткие сроки найти необходимую информацию. В то же время по хэштегу #русский_язык на сайте radiorus.ru были обнаружены выпуски различных программ: «Онлайн-олимпиада по русскому языку объединила 147 стран» (программа «Нашли время»), «Можем ли мы обойтись в речи без англицизмов?» (программа «Сигналы точного времени»), «Как и почему меняется русский язык» (программа «Завтра в мире»), не связанных с изучаемым подкастом.

Программа «Говорим по-русски», несмотря на то что она дублируется в Интернете, хэштегов не имеет. Можно предположить, что авторы программы не используют потенциал данной дискурсивной практики, так как приоритетной считают установку на непосредственное взаимодействие со слушателями, в то время как хэштег выполняет функцию навигатора по программе и маркирует ее тематическое разнообразие.

Название подкаста «Как это по-русски?» мотивирует адресата задумываться о том, как правильно говорить на русском языке. Анализ комментариев в подкасте обнаруживает приоритетное положение вопросительных высказываний. Одни слушатели задают вопросы уточняющего характера: *А как правильно тАможня или тамОжня?* (30.01.2020); другие строят высказывания при помощи риторических вопросов (формально спрашивая, утверждают свою мысль): *Зачем в этом копать? Свое научное и передовое почти не имели в СССР (было наукообразие и поток бумажных, якобы, изобретений, а все передовое техническое поступало из-за рубежа). А сейчас вообще тупик — банки и храмы полностью задушили остатки науки* (дата публикации 20.06.2020); *Жидкий порошок для стирки — полный бред. Почему нельзя назвать это — жидкое средство для стирки, гель для стирки?* (дата публикации 13.01.2020).

Примечателен небольшой полилог трех слушателей, зафиксированный после эфира в ветке комментариев к программе в соцсети «ВКонтакте». Полилог состоял преимущественно из вопросов, в том числе с отсроченной реакцией на первый вопрос:

Игорь Синельников: До сих пор не пойму, можно ли склонять фамилию Гуцкая? (16.05.2020).

Константин Керосаров: Игорь, а свое мнение? (18.05.2020).

Ирина Прошкина: Игорь, а почему нельзя? (18.05.2020).

Игорь Синельников: Мое мнение: эту фамилию не следует склонять. Но буду придерживаться правил русского языка (18.05.2020).

Таким образом, просветительские программы о русском языке, направляя адресата на самостоятельный поиск, стимулирует познавательную активность адресата, сохраняющуюся за рамками эфира.

Итоги и выводы

Подводя итоги исследованию, отметим, что дискурсивные практики в просветительском радиодискурсе, рассмотренные в динамике через такие параметры, как формы существования и восприятия радиоконтента, формы интерактивности, коммуникативный функционал адресанта и адресата, изменения на уровне языка и текста, демонстрируют, каким образом происходила смена одних коммуникативных практик другими, как осуществлялось их расширение и какую роль они сыграли в обеспечении эффективности коммуникации. Совмещение в радиодискурсе возможностей разных семиотических систем способствует также индивидуализации взаимодействия с адресатом.

В качестве выводов констатируем, что наиболее существенными обстоятельствами, обуславливающими активное изменение в дискурсивных практиках на радио, являются связанные с развитием Интернета конвергенция СМИ, расширение функций сайтов СМИ, интеграция СМИ в социальные сети; появление новых разновидностей аудиальных средств массовой коммуникации.

В ходе исследования подтвердились сделанные нами ранее наблюдения, важные для оценки потенциала просветительского радиодискурса. Новые дискурсивные практики в просветительском радиодискурсе о русском языке способствуют увеличению числа участников просветительской радиокommunikации, продвижению контента о русском языке и, как следствие, удовлетворению разнообразных запросов адресата на получение информации.

Библиографический список

Арсеньева Т. Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»). Томск, 2013.

Белинова Н. В., Сухарева А. С., Шевченко Н. В. Образовательная ценность подкастов: дидактические свойства и технология создания // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–4.

Беловодская А.А. Хештег / хэштег // Медиалингвистика в терминах и понятиях. М., 2018.

Горбачева И. М. Применение технологий подкастинга в образовании // International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology. 2020. № 1.

Денисова В. Новый этап в жизни радиостанции «Интернет 101» // ТелеМультиМедиа: интернет-журнал по широкополосным сетям и мультимедийным технологиям. 2006. URL: <http://www.telemultimedia.ru/art.php?id=208&print>

Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6).

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020.

Дорофеева А.А. Подкастинг: новое радио в интернете // Век информации. 2018. № 1.

Ермоленкина Л. И. Контекстные макроструктуры как механизм формирования диалогических моделей коммуникации в дискурсе социально-сетевого радио // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208).

Журавлева А.А. Визуальное радио как важнейший тренд в развитии современного российского радиовещания // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института. Екатеринбург, 2019.

Колесникова О. И., Пескишев Г.А. Культурно-просветительский дискурс о литературе в новых медиа: к постановке проблемы // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021). Киров, 2021.

Коньков В. И., Сурикова Т. И. Радиоречь как поликодовое образование: содержание понятия и принципы описания // Экология языка и коммуникативная практика. 2018 № 3.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. М., 1999.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 2007. URL: http://modernlib.ru/books/maksim_krongauz/russkiy_yazik_na_grani_nervnogo_sriva/read/

Круглова Л.А. Гибридные медиа: роль видео в новых медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 4.

Крысин А. П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. М., 2005 № 2 (23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>

Нестерова Н. Г., Арсеньева Т. Е. Стратегия обучения в просветительском радиодискурсе // Kalba ir kontekstai: mokslo darbai. Vilnius, 2011. Т. 3 (2).

Нестерова Н. Г. Интернет-радио как новый тип медиа и основа новых дискурсивных практик // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376.

Рублева Е. В. Текст vs подкаст: дополнение или замещение? // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6.

Сабаева Ю. С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2019.

Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2001. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_139

Скляревская Г. Н. Введение. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

Страшко И. В. Образовательный потенциал подкастинга: философско-педагогический аспект // Гилея: научный вестник. 2015. № 103.

Сысоев П. В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2014. № 2 (26).

Фащанова С. В. Просветительские медиаресурсы в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык и литература в контексте глобализации. М., 2019.

Цзюй Ч. Интернет-комментарий как форма оценивания гостя культурно-просветительской радиопрограммы // Мир науки, культуры, образования. 2018 № 6 (73).

Список источников

«Как это по-русски?». URL: <https://www.radiorus.ru/brand/57203/about> (дата обращения: 20.01.21).

«Радио России»: группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/radiorussia1>

«Говорим по-русски». URL: <https://youtu.be/ylOG6x84y9Y>

References

Arsen'eva T. E. *Kommunikativnye strategii i taktiki prosvetitel'skogo radiodiskursa (na materiale programmy «Govorim po-russki»)*. [Communicative strategies and tactics of educational radio discourse (based on the material of the program «We speak Russian»]. Tomsk, 2013.

Belinova N. V., Suhareva A. S., Shevchenko N. V. *Obrazovatel'naya cennost' podkastov: didakticheskie svoystva i tekhnologiya sozdaniya*. [Educational value of podcasts: didactic properties and technology of creation]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. [Problems of modern pedagogical education]. 2020. No. 66–4.

Belovodskaya A. A. *Heshteg / heshteg*. [Hashtag]. In: *Medialingvistika v terminah i ponyatiyah*. [Media Linguistics in terms and concepts]. Moscow, 2018.

Gorbacheva I. M. *Primenenie tekhnologij podkastinga v obrazovanii*. [Application of podcasting technologies in education]. In: *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology*. 2020. No. 1.

Denisova V. *Novyj etap v zhizni radiostancii «Internet 101»*. [A new stage in the life of the radio station «Internet 101»]. In: *TeleMul'tiMedia: internet-zhurnal po širokopolosnym setyam i mul'timedijnym tekhnologiyam*. [Telemultimedia: Internet magazine on broadband networks and multimedia technologies]. 2006. URL: <http://www.telemultimedia.ru/art.php?id=208&print>

Dobrosklonskaya T. G. *Massmedijnyj diskurs v sisteme medialingvistiki*. [Mass media discourse in the system of media linguistics]. In: *Medialingvistika*. [Media linguistics]. 2015. No. 1 (6).

Dobrosklonskaya T. G. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya*. [Media linguistics: theory, methods, directions]. Moscow, 2020.

Dorofeeva A. A. *Podkasting: novoe radio v internete*. [Podcasting: new radio on the Internet]. In: *Vek informacii*. [Information Age]. 2018. No. 1.

Ermolenkina L. I. *Kontekstnye makrostruktury kak mekhanizm formirovaniya dialogicheskikh modelej kommunikacii v diskurse social'no-setevogo radio*. [Contextual macrostructures as a mechanism for the formation of dialogic models of communication in the discourse of social network radio]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2020. No. 2 (208).

Zhuravlyova A. A. *Vizual'noe radio kak vazhnejshij trend v razvitii sovremennogo rossijskogo radioveshchaniya*. [Visual radio as the most important trend in the development of modern Russian radio broadcasting]. In: *Cifrovizaciya kommunikativno-kul'turnoj pamyati: rol' zhurnalistiki kak social'nogo institute*. [Digitalization of communicative and cultural memory: the role of journalism as a social institution]. Ekaterinburg, 2019.

Kolesnikova O. I., Peskishev G. A. *Kul'turno-prosvetitel'skij diskurs o literature v novyh media: k postanovke problem*. [Cultural and educational discourse on literature in new media: towards the formulation of the problem]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2021)*. [Society. The science. Innovations (NPC-2021)]. Kirov, 2021.

Kon'kov V. I., Surikova T. I. *Radiorech» kak polikodovoe obrazovanie: sodержanie ponyatiya i principy opisaniya*. [Radio speech as a polycode education: the content of the concept and principles of description]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Ecology of language and communicative practice]. 2018. No. 3.

Kostomarov V. G. *Yazykovoju vkus epohi. Iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media*. [The linguistic taste of the epoch. From observations on the speech practice of the mass media]. Moscow, 1999.

Krongauz M. A. *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva*. [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. 2007. URL: http://modernlib.ru/books/maksim_krongauz/russkiy_yazyk_na_grani_nervnogo_sriva/read/

Kruglova L. A. *Gibridnye media: rol' video v novyh media*. [Hybrid media: the role of video in new media]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. [Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism.]. 2010. No. 4.

Krysin L. P. *Yazykovaya norma i rechevaya praktika*. [Language norm and speech practice]. In: *Otechestvennye zapiski*. [Domestic notes]. Moscow, 2005 No. 2 (23). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>

Nesterova N. G., Arsen'eva T. E. *Strategiya obucheniya v prosvetitel'skom radiodiskurse*. [Learning strategy in educational radio discourse]. In: *Kalba ir kontekstai: mokslo darbai*. [Language and contexts: scientific works]. Vilnius, 2011. Vol. 3 (2).

Nesterova N. G. *Internet-radio kak novyj tip media i osnova novyh diskursivnyh praktik*. [Internet radio as a new type of media and the basis of new discursive practices]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2013. No. 376.

Rubleva E. V. *Tekst vs podkast: dopolnenie ili zameshchenie?* [Text vs podcast: addition or substitution?]. In: *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii*. [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. 2018. No. 6.

Sabayeva Yu. S. *Yazykovaya reprezentatsiya mediaobraza Sibiri v regional'nom prosvetitel'skom diskurse*. [Linguistic representation of the media image of Siberia in the regional educational discourse]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2019.

Sirotnina O. B. *Osnovnye kriterii horoshej rechi*. [Basic criteria of good speech]. In: *Horoshaya rech'*. [Good]. Ed. by M. A. Kormilicyna, O. B. Sirotnina. Saratov, 2001. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_139

Sklyarevskaya G. N. *Vvedenie. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka konca HKH veka. Yazykovye izmeneniya*. [Introduction. Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century. Language changes]. St. Petersburg, 1998.

Strashko I. V. *Obrazovatel'nyj potencial podkastinga: filosofsko-pedagogicheskij aspekt*. [Educational potential of podcasting: philosophical and pedagogical aspect]. In: *Gileya: nauchnyj vestnik*. [Gilea: scientific bulletin]. 2015. No. 103.

Sysoev P. V. *Podkasty v obuchenii inostrannomu yazyku*. [Podcasts in teaching a foreign language]. In: *Yazyk i kul'tura*. [Language and culture]. 2014. No. 2 (26).

Fashchanova S. V. *Prosvetitel'skie mediaresursy v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu*. [Educational media resources in teaching Russian as a foreign language]. In: *Russkij yazyk i literatura v kontekste globalizacii*. [Russian language and Literature in the context of Globalization]. Moscow, 2019.

Czyuj Ch. *Internet-komentarij kak forma ocenivaniya gostya kul'turno-prosvetitel'skoj radioprogrammy*. [Internet comment as a form of evaluating a guest of a cultural and educational radio program]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. [World of Science, culture, education]. 2018. No. 6 (73).

List of sources

«*Kak eto po-russki?*»: *opisanie*. [«How is it in Russian?»: description]. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/57203/about>

«*Radio Rossii*»: *gruppa VKontakte*. [«Radio of Russia»: Kontakte group]. URL: <https://vk.com/radiorussia1>

Govorim po-russki. [Do we speak Russian. URL: [https://youtu. be/ylOG6x84y9Y](https://youtu.be/ylOG6x84y9Y)

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОПИСАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Е. Э. Базаров

Ключевые слова: академическая лексикография, толковый словарь, орфографический словарь, сниженная лексика.

Keywords: academic lexicography, explanatory dictionary, orthographic dictionary, substandard lexis.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–03

Не далее чем год назад автору настоящей статьи довелось принимать участие в международной конференции, посвященной проблемам современной лексикографии. В одном из представленных на конференции докладов затрагивались вопросы, связанные с описанием слов сниженной стилистической окраски в «Академическом толковом словаре русского языка» (далее — АТРС), создаваемом в настоящее время в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. После выступления докладчика возникла небольшая полемика: слушатель (кстати сказать, филолог, человек, в той или иной мере связанный с лексикографией, во всяком случае, интересующийся этой областью лингвистики) возмущенно спросил, может ли и должен ли словарь, имеющий статус академического, содержать в словнике просторечные, областные, жаргонные и т. д. лексические единицы (иными словами, лексику подсистем, стоящих на границе и за гранью литературного языка) и не является ли сам факт включения таких элементов в академический словарь утверждением их в качестве нормативных. Подобное мнение нельзя назвать непопулярным: тезис о недопустимости представления сниженной лексики в нормативных словарях высказывается регулярно, в том числе, как видно, и в научной среде. В рамках данной статьи мы постараемся опровергнуть этот тезис на примере толкового и орфографического академических словарей.

1. Похоже, что выраженное на конференции недовольство по поводу включения в словарь сниженной лексики — явление нередкое и неновое. Так, в 1935 г. на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия. В статье под хлестким названием «Игруны» в весьма резкой манере критикуется первый том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) (далее — СУш). Ста-

тья открывается ироничным вступлением: «„Игруны” — множественное число от слова „игрун”, что, по уверению редакции „Толкового словаря русского языка”, означает: „шалун, любящий играть, резвиться”. Это, мягко выражаясь, несколько необычное слово применимо и к редакторам „Толкового словаря”, отнесшимся по меньшей мере „шаловливо” к взятым ими на себя серьезнейшим обязательствам» (К. Казимирский. Аптекарь. 1935, с. 4). Среди многочисленных и, кстати говоря, несправедливых претензий к лексикографам указывается и наличие в словаре слов сниженной окраски: авторы критической заметки пишут «о большом количестве **ругательных и вульгарных выражений** (выделено нами. — Е. Б.), приводимых как в терминах, так и в примерах: «коричневая рвань», «вшивый чорт», «катись колбасой» (то же, что «катись колбаской»), «иродово семя», «а ну тебя!», «кишка тонка», «накося выкуси», «гости все выкурились», «играть на арапа», «киношка», «дербалызнуть», «втяпаться», «втрескаться» (пример в «Словаре»: «втрескаться в блондинку»), «влопаться», «он меня так бабахнул», «довертелся до тюрьмы», «зачем ты вплел меня в эту сферу», «он кочевал из кабака в кабака», «выпить по баночке» и многое другое» [Там же]. Авторы статьи категорично заключают: «Словарь не дает представления об образцовом русском языке. Пронизывающие „Словарь” образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, „которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся»» [Там же].

Д. Н. Ушаков в ответной статье подробно ответил на критику, в том числе и на замечание авторов по поводу большого количества стилистически сниженных слов: «Авторы статьи ухитрились „не заметить” даже обширной вводной статьи к словарю, занимающей 56 столбцов и озаглавленной „Как пользоваться словарем”. Неудивительно поэтому, что они пользоваться словарем не умеют. Из этой статьи они узнали бы, что имеющиеся в словаре просторечные и вульгарные выражения помещаются в словарь **не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистического качества** (выделено нами. — Е. Б.). Так, например, они узнали бы, что если при слове или выражении помещена помета „вульг.», то это означает, что слово или выражение „вульгарное, по своей бесцеремонности и грубости неудобное для литературного употребления”. Соответствующие разъяснения наставительного или прямо запретительного содержания сделаны и при пометах „простореч.» (просторечное), „фам.» (фамильярное), „обл.» (областное)» (Д. Н. Ушаков. 1935, с. 6).

Действительно, в инструкции к СУш подробно описана содержательная сторона помет, указывающих на разновидности устной речи. Так, помета «разг.» сопровождается объяснением «свойственно преимущественно разговорной речи; **не нарушает норм литературного употребления** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.), но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту не книжный, разговорный характер»; помета «простореч.» — «свойственно простой, непринужденной или даже грубоватой устной **речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления**. Между прочим, помета имеет **характер предостережения** от употребления слова в книжном языке, а в тех случаях, когда при посредстве ее одни формы противопоставляются другим, вполне литературным, она носит **запретительный характер**»; о помете «обл.» сказано: «Слова местные, или областные, ... в словарь не включаются. Но многие из них широко распространены и полезно поместить такие слова в словарь, однако с указанной пометой, которая для пишущих должна носить **характер предупреждения** о том, что слово может оказаться не общепонятным. Кроме того, эта помета имеет иногда **запретительный характер...**» и т. д. [см. СУш, 1935, XXVI].

Как видно, в СУш, заложившем, по сути, основы традиции толковой лексикографии русского языка, была разработана разветвленная система помет, которая впоследствии послужила остоном системы помет других академических словарей. Ученые неоднократно подчеркивали значимость СУш для всей отечественной лексикографической науки (ср.: «Ни в одном предыдущем и ни в одном последовавшем за тем словаре русского языка не было такой густой сетки помет, характеризующих круг и особенности употребления слов. ... Эти принципы нормативно-стилистической оценки лексики современного языка во многом были несовершенными и противоречивыми, но они оказали самое сильное воздействие на все наши последующие словари, ... сам принцип, впервые широко проведенный в этом словаре, сохраняет свое значение и требует дальнейшего развития» [Сорокин, 1967, с. 23–24]). При этом важно подчеркнуть, что само по себе явление — система помет — не нововведение СУш. Пометы, указывающие на подсистемы, в рамках которых употребляется слово или значение (так называемые нормативно-стилистические пометы), встречаются и в более ранних словарях: например, в «Словаре русского языка», составленном Я. К. Гротом в конце XIX в., содержатся пометы *Народн.* (народное, более в языке простонародия употребительное), *Простон.*, *Простонар.* (простонародное, более простым народом употребляемое), *Простор.* (речение, более употребительное в обы-

денной, простой и разговорной речи), *Простор.*, *Простореч.* (просторечие) и т.д. (см. [Круглов и др. 2015]). Однако именно в СУш последовательно и достаточно подробно раскрывается сущностная сторона помет.

Традиции толковой академической лексикографии отражаются и в АТоСе, создаваемом в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН (в 2016 г. вышло два первых тома (А — Г) под ред. А.П. Крысина, в настоящее время руководителем словарной группы и редактором словаря является А.Э. Цумарев), что вполне закономерно, поскольку за основу АТоСа взято 2-е издание «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, также известного как «Малый академический словарь» (далее — МАС), который, безусловно, опирался на СУш. Как и в словарях-предшественниках, в АТоСе представлены самые разные пласты лексики: в первую очередь, разумеется, лексика и фразеология современного литературного языка, но также и сниженные (разговорные, просторечные, жаргонные, областные и т.д.) лексические единицы. В инструкции АТоСа указано: «...В словник включены **наиболее употребительные** (выделено нами. — Е. Б.) в современной речи слова просторечного, диалектного и жаргонного происхождения» [АТоС, 2016, с. 9]. Сниженные слова обязательно снабжаются соответствующими пометами (например, *прост.*, *груб. прост.*, *обл.*, *жарг.* и т.д.). В отдельной, можно сказать, программной статье, написанной коллективом составителей словаря сразу после выхода в свет первых двух томов, особо подчеркивается: «Включение в словарь таких лексических единиц **поддерживается традицией** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) толковой лексикографии русского языка..., информация о них **полезна в культурно-речевом отношении**» [Цумарев и др., 2017, с. 3].

В словник АТоСа введены следующие слова и значения (в некоторых случаях в скобках приводятся иллюстрации из словаря):

- 1) с пометой *разг.*: *алгебра* «школьный урок по этому учебному предмету» (*пропустит алгебру, после алгебры у нас биология*), *безнал* «безналичные деньги, безналичный расчет» (*заплатить безналом*), *бутылка* «об одной емкости спиртного (обычно водки)» / «о спиртном» (*дружить с бутылкой*), *бюджетник* «работник сферы (образования, науки, здравоохранения и др.), финансируемой из государственного бюджета» (*зарплата бюджетника*) / «студент, обучение которого в вузе финансируется из государственного бюджета», *географ* «учитель географии»; также помета может встречаться в сочетании с другими пометами: *разг. шутл.* — *везунчик* «человек, которому постоянно везет» и т.д.;

- 2) с пометой *прост.*: *алкаш* «алкоголик, пьяница», *бодун* «похмелье (обычно тяжелое)» (с *большого бодуна*), *бомжатник* «место, где собираются и временно проживают бомжи» / «грязное, запущенное жилище, помещение», *бомжеватый* «похожий на бомжа, свойственный бомжу» (*бомжеватого вида мужчина*), *бомжевать* «вести образ жизни бомжа», *внапряг* «трудно, требует определенных усилий, напряжения», *водяра* «водка» и т.д.; также помета может встречаться в сочетании с другими пометами: *прост. неодобр. бандура* «громоздкий и нескладный предмет» и т.д.;
- 3) с пометой *жарг.*: *башня* «о голове человека», *безбашенный* «безрассудный, бесшабашный» (*безбашенный человек*), *бомбить* «подрабатывать частным извозом», *бухнуть* «выпить спиртного», *глухарь* «преступление, которое трудно или невозможно раскрыть», *грохнуть* «убить, застрелить» и т.д.;
- 4) с пометой *сленг.*: *баксы* «доллары США», *балдеть* «приятно проводить время без определенной цели» / «получать удовольствие, быть в восторге от кого-, чего-л» (*балдеть от фильма*), *въехать* «вникнуть во что-л., понять, сообразить», *вырубить* «сильным ударом привести кого-л. в бессознательное состояние» и т.д.

В соответствии с академической лексикографической традицией различные грамматические формы и сочетаемостные возможности слова, описываемого в АТoCe, иллюстрируются посредством кратких речений и цитат из письменных текстов (прежде всего — из художественной литературы). Единицы сниженных пластов лексики (разговорная речь, просторечие, сленг, жаргон и т.д.), употребляемые преимущественно в устной речи, иллюстрируются в первую очередь цитатами из литературных произведений, реже — краткими предложениями, поскольку велик риск зафиксировать в виде предложения, представляющего собой относительно устойчивое, употребительное сочетание, искусственное, не свойственное данной подсистеме выражение; в этом отношении цитаты служат более надежным гарантом достоверности представляемой в словаре информации. Однако вызывает вопрос то, что факты устной речи в словарях иллюстрируются письменными — художественными, публицистическими и т.д. — текстами, которые, как водится, создаются при помощи средств кодифицированного литературного языка (ср.: «Следует признать некоторую противоречивость лексикографического описания стилистических помет *разг.* и *прост.* с точки зрения их употребления преимущественно в непринужденной устной речи: ведь основную часть иллюстративных примеров в нормативных толковых словарях составляют цитаты из художественной литературы, научных текстов и публици-

стики [Пестова, 2020, с. 54–55]). Думается, что подобный, небесспорный способ иллюстрирования сниженных лексических единиц является своего рода компромиссом. С одной стороны, это позволяет избежать попадания в нормативный словарь примеров, в которых могут содержаться лексические единицы или грамматические конструкции, нарушающие норму кодифицированного языка: вполне закономерно, что текст словаря, служащего источником литературной нормы, должен быть безупречным в языковом отношении, наличие ошибок, языковых шероховатостей в академическом нормативном словаре едва ли послужит повышению а) речевой культуры читателя, б) уровню доверия словарю. (Разумеется, это не говорит о том, что все без исключения словари, издаваемые под грифом РАН, должны включать только литературные текстовые примеры; содержание зависит от специфики словаря. Так, в издаваемом в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина (далее — ТСРР) в качестве иллюстраций широко привлекаются тексты из устного корпуса Национального корпуса русского языка, различные записи устной речи, словом, тексты, которые могут показаться читателю-пуристу неграмотными и недопустимыми в словаре. Однако ТСРР не является нормативным словарем, он носит характер дескриптивного (что важно, не прескриптивного!) лексикографического издания.) С другой стороны, нельзя утверждать, что художественная, публицистическая литература и устная речь прямо противопоставлены и не пересекаются: к примеру, прием стилизации активно используется в художественной литературе с давних времен, а сознательно употребленное в публицистическом тексте сниженное слово может служить для достижения определенной коммуникативной цели.

В любом случае иллюстрирование сниженной лексики литературными примерами, равно как и сам по себе факт отражения словарем такой лексики, не нарушает традиций толковой лексикографии. Важно подчеркнуть, что иллюстративная зона словарных статей, описывающих лексику некодифицированных подсистем русского языка, должна являть собой средоточие аргументов (аргументами служат сами текстовые иллюстрации), доказывающих справедливость включения в словарь данного слова сниженной окраски.

Обратимся к материалу АТoCa. Словарная статья, описывающая употребительное в разговорной речи слово *встречка*, выглядит следующим образом:

ВСТРÉЧКА, *-и, ж.* Разг. Сторона дороги, предназначенная для встречного движения. *Езда по встрече.* □ *Тот парень, что в аварии виноват, умудрился при обгоне еще и выйти на встречу.* Д. Губин. Жизнь в про-

тивотоке. *Неопытный водитель нажал на тормоз и потерял управление, автомобиль беспомощно вихляет со своей полосы на встречку, обратно, и снова через двойную сплошную.* А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею [АТос-2, 2016, с. 228].

Слово иллюстрируется речением *езда по встречке* и цитатами из произведений современных писателей («1961. Послание к Тимофею» А. Архангельского — издано в 2006–2007 гг.; «Жизнь в противотоке» Д. Губина — 2013).

Современными литературными примерами («Бунташный остров» Ю. Нагибина — 1994; «Ликвидаторы» А. Волкова — 2001) иллюстрируется и регулярно употребляемое в экспрессивной речи просторечное слово *амбал*:

АМБАЛ, -а, м., одуш. Прост. Большой и сильный мужчина, обычно грубый и не развитый интеллектуально. *Пашка не ошибся: прислал три амбалов, похоже, из лагерной вохры, на возраст, но здоровенных.* Ю. Нагибин. Бунташный остров. *Там такой амбал при входе стоит, что тебе никакое фехтование не поможет.* А. Волков. Ликвидаторы [АТос-1, 2016, с. 81].

Обратимся к словарной статье, описывающей часто встречающееся в непринужденной речи носителей языка (в особенности — молодых) слово *бабки*:

БА́БКИ, -б о к, мн. Жарг. То же, что д е н ь г и. *Заколачивать бабки. Вложить кучу бабок во что-л. Бабок не хватает.* □ *Крб сразу перешел к делу: — Бабки есть? — Какие у меня бабки! — уклончиво ответил Томас.* В. Левашов. Заговор патриота. — *Думаешь, очень приятно за тобой подтирать? — А это твоя работа, — назидательно растягивая слова, заявил он. — Тебе за это бабки платят.* А. Берсенева. Поет над разлукой.

◇ **Делать бабки** (жарг.) — зарабатывать деньги, обычно в большом количестве. [Там же, с. 138].

Как видно, слово *бабки* снабжено пометой *жарг.*, иллюстрируется тремя речениями (что косвенно свидетельствует об употребительности этого слова в речи) и цитатами из произведений современных писателей («Заговор патриота» В. Левашова — 2000; «Поет над разлукой» А. Берсеновой — 2003–2005). Отметим, что в словарной статье выделено жаргонное идиоматическое выражение *делать бабки*, это говорит о том, что слово активно функционирует в живой речи, образуя при этом устойчивые лексико-синтаксические связи.

В словарной статье, представляющей многозначное слово *вырубить*ся, выделено сленговое значение:

ВЫРУБИТЬСЯ, -б л ю с ь, -б и ш ь с я; сов. (несов. вырубаться).

<...>

3. Сленг. Перестать на время воспринимать окружающее (крепко уснув, потеряв сознание и т. п.). *Он упал вперед и чуть влево... Замер ослабленно, голова не поднималась, и я понял, что на какие-то минуты он вырубился.* В. Богомолов. Момент истины. Я хорохорился под местной анестезией, шутил с врачешкой, потом скосил глаза, увидел входящий в меня синеватый скальпель, услышал хруст — и потерял сознание. Тогда еще говорили «отключился», а не «вырубился»... А. Кабаков. Последний герой. Он мог вырубиться, как рубильник, на двадцатом часе труднейшей работы, вырубиться, уснуть на месте. Г. Щербакова. Армия любовников. [АТос-2, 2016, с. 372].

Актуальность выделенного в АТосе сленгового значения подтверждается цитатами из современной литературы (причем, судя по примерам, слово в данном значении употребляется уже на протяжении нескольких десятилетий: «Момент истины» В. Богомолова — 1973; «Последний герой» А. Кабакова — 1994–1995; «Армия любовников» Г. Щербаковой — 1997).

Рассмотренные выше словарные статьи АТоса, представляющие лексикографическое описание слов сниженной стилистической окраски (элементов разговорной речи, просторечия, жаргона, сленга), как кажется, наглядно демонстрируют необходимость отражения таких единиц. Едва ли можно считать достоверным и актуальным содержание лексикографического пособия, игнорирующего целые пласты лексики. Важно помнить, что сам факт включения в словарь академического словаря сниженных лексических единиц не должен восприниматься пользователями словаря как акт признания этих слов нормативными, соответствующими литературной норме, ведь словарь располагает таким уникальным инструментом, как разветвленная система помет, которые могут предупреждать (сообщать о функциональной ограниченности данного слова или значения) или даже запрещать использование некоторых языковых средств. Думается, что на фоне сниженной лексики более отчетливо проступает лик языка кодифицированного, нормированного, более четко очерчиваются границы языка литературного, образцового.

Еще одним аргументом в пользу словарного описания сниженных слов является то, что словарь может отражать динамику непрерывных стилистических процессов, ведь границы между подсистемами русского языка весьма подвижны, элементы разных лексических пластов взаимодействуют друг с другом. Так, авторским коллективом АТоса было проведено исследование, посвященное стилистической стратификации лек-

стики современного русского языка и проблемам ее отражения в толковом словаре⁹; обследовались различные группы слов, в том числе разговорная лексика просторечного происхождения. Исследование показало, что значительная часть слов, в МАСе снабженных пометой *прост.*, постепенно расширила свои функциональные возможности, многие из просторечных (по МАСу) слов повысили свой стилистический статус в связи с широкой употребительностью их в разговорной речи (более подробно об исследовании — в [Шестакова, Кулева, 2019; Кулева, Шестакова, 2019; Пестова 2019; Базаров и др., 2021; Кулева, Шестакова, 2021]).

Из *прост.* в *разг.* перешли, например, слова: *бедолага*, *бзик*, *болтаться* «проводить время зря», *вертихвостка*, *высоченный*, *дрейфить*, *жадина*, *заварка* «заваренный, настоявшийся чай», *залезть* «надеть на себя что-л.» (ср.: *залезть в халат*), *ляпнуть* «сказать что-л. необдуманно, бестактно, некстати», *маета*, *мазать* «делать промахи», *мальшиня*, *мастак*, *махнуть* «отправиться, поехать куда-л.», *мелочиться*, *мельтешишь*, *мерзляк*, *мерзлячка*, *мода* «обыкновение, привычка» (ср.: *Дети завели моду дерзить старшим*), *мореходка* «мореходное училище», *морочка*, *мотаться* «проводить время в беготне, хлопотах, утомительных занятиях и т. п.», *мягчить* «становиться добрым, спокойным или менее суровым» и др. Думается, академический словарь, отражающий актуальные стилистические процессы, происходящие в сниженных пластах лексики, поможет носителю языка — пользователю словаря составить мнение о функциональных возможностях того или иного слова, определить стилистический статус единицы и, быть может, смелее использовать те языковые элементы, которые прежде оценивались им как грубые, просторечные и, соответственно, нежелательные.

II. До сих мы рассматривали проблему отражения сниженной лексики на примере толкового академического словаря. Однако нередко о недопустимости отражения такой лексики говорят и в применении к академическим орфографическим словарям. Рассмотрим этот вопрос на примере академического «Русского орфографического словаря» (далее — РОС) под ред. В. В. Лопатина¹⁰.

⁹ Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17–29–09063 офи_м «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре» (руководитель проекта Л. Л. Шестакова). Страница проекта: <https://ruslang.ru/rffi-stratifikaciya-leksiki-sovremennogo-russkogo-yazyka>.

¹⁰ Материалы РОСа, которыми мы оперируем в статье, почерпнуты с сайта орфографического академического ресурса «Академос», который соответствует нормам академического РОСа (2012) и является официальной публикацией ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Ссылка на сайт: <https://orfo.ruslang.ru/>.

В предисловии к 1-му изданию РОСа (1999) указано: «Новый „Русский орфографический словарь“, являясь нормативным справочником для самого широкого круга пользователей, отражает лексику русского литературного языка середины 90-х годов XX века. Наряду с активной общеупотребительной лексикой в словарь включаются **просторечные, диалектные (областные), жаргонные** (выделено нами. — Е. Б.), устаревшие слова, историзмы — в той мере, в какой эти категории слов отражаются в художественной литературе, в газетно-публицистической и разговорной речи» (цит. по: [РОС, 2013, с. 5]). В первых изданиях РОСа для маркирования элементов сниженных пластов лексики применялись такие дифференцирующие нормативно-стилистические пометы, как *разг.*, *прост.*, *обл.*, *жарг.* и пр. (как и в толковой лексикографии). Однако в одном из последних, 4-м издании, составители РОСа отказались от данных помет, заменив их общей пометой *сниж.* Такое решение объясняется следующим образом: «По мнению составителей и редакторов, рациональное и отвечающее сущности орфографического словаря решение состоит **в отказе от широкого применения стилистических помет** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) с тем, чтобы перенести акцент с демонстрации нормативного словоупотребления на показ нормативного написания. Именно поэтому в словарь в новом издании была введена новая **недифференцирующая помета *сниж.***, приписываемая просторечным, жаргонным и грубо-просторечным словам, словам, для которых зачастую трудно с уверенностью установить стилистическую характеристику, например, *валютка, встреча, однушка, озвучка, академка* — разговорные или просторечные? *виповоз, кавер, кепор, налик, неуставняк, подсознанка, задрыга* — жаргонные или просторечные?» [Иванова, 2014, с. 36]. Маркирование элементов разных подсистем русского языка (ср.: *бабло, водила, в отключке, всехний и всехный, гуглить, джинса, динамить, жлоб, жмот, картоха* и проч.) общей пометой *сниж.* кажется нам вполне оправданным: для жанра орфографического словаря (в отличие от толкового) детальное разделение сниженной лексики на группы не является существенной и первостепенной задачей.

В своих научных работах составители РОСа более подробно (в сравнении с информацией, содержащейся в предисловии к 1-му изд.) и четко обозначают свою позицию относительно представления в словаре элементов некодифицированных подсистем: «РОС — это академический словарь, в котором **критерии орфографической нормативности** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) распространяются **на функционально и стилистически разнородные массивы** русской лексики и фразеологии: это **не словарь узко понимаемого письменного ли-**

литературного языка (данная проблема дискуссионна, поскольку существует мнение, что орфографическая кодификация может применяться только к лексике литературного языка). РОС нацелен на отражение всех категорий лексики, которые обслуживают интересы классической и современной художественной, публицистической, деловой и профессиональной литературы, лексика которых зачастую употребляется за пределами своих специфических текстов» [Бешенкова, Иванова, 2018, с. 473]. Стремление составителей РОСа кодифицировать самые разные пласты лексики, в том числе и сниженные, можно, как кажется, по праву считать оправданным: вероятно, каждый человек, работающий со словом, рано или поздно вставал перед необходимостью передать на письме то или иное слово сниженной стилистической окраски, и РОС может помочь с этим.

Какие же доводы могли бы привести оппоненты, не разделяющие мнения составителей РОСа? Обратимся к работе, в которой критикуется позиция составителей РОСа относительно словарного представления сниженной лексики: «Включение данных образований (лексем сниженной стилистической окраски, в том числе и слов типа *по фигу*, *на фиг* и т. п. — Е. Б.) в словари и правила русского языка создает иллюзию того, что письменной фиксации поддается любое слово русского языка, главное, чтобы оно было написано так, как в словаре. Тем самым мы размываем веками сложившуюся грань письменной и устной речи, декларируем, что нормы культуры письменной речи разрушены» [Николенкова, 2011, с. 182–183]. Далее автор статьи объясняет, почему в принципе элементы некодифицированных подсистем нежелательно включать в академический орфографический словарь: «Переход с устной речи на письменную требует перехода на другой способ оформления высказываний. Пишущий знает это и считается с таким требованием. Нормализуя орфографическое оформление любого возможного в устной речи словоупотребления, мы тем самым даем носителю языка понять, что следить за выбором слова в письменной речи сегодня не очень важно» [Там же, с. 143]. Однако обратиться к орфографическому словарю с целью уточнить облик того или иного, например, просторечного слова может не только человек, не заботящийся о культуре своей речи и нарушающий нормы литературного языка (скорее всего, такой человек вовсе и не подумает уточнять информацию в словаре), но и, например, корректор издательства, вычитывающий текст художественного произведения, автор которого стилизует разговорную, просторечную, жаргонную речь; едва ли корректора можно обвинить в том, что он не следит за выбором слова в письменной речи.

Думается, что к процессу фиксации академическим орфографическим словарем сниженной лексики не следует относиться как к чему-то деструктивному; напротив, словарь помогает упорядочить ту область письма (и действительности), которая прежде игнорировалась лингвистами. Регистрируя языковые элементы, функционирующие в непринужденной разговорной речи, просторечии, жаргонах и т. д., академический орфографический словарь тем самым удовлетворяет культурные потребности, существующие в обществе. Приведем лишь один пример. Не так давно в Справочную службу русского языка ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН поступил письменный запрос: гражданин, к слову — учитель основной школы, попросил дать ответ на вопрос, который ему задали учащиеся: каким образом на письме должно быть оформлено стилистически сниженное вопросительное местоимение *чѐ* — *чо* или *чѐ*? Учитель признается, что этим вопросом ученики поставили его в тупик, и пишет: «Как мне казалось всегда, правильно „чо“, т. к. это производная от „что“. Но, посмотрев в Интернете, я нашел и другое обоснование: „чѐ“, т. к. это форма местоимения „чего“. А компетентного регулирующего правила нигде не значится». Вполне однозначный ответ на данный вопрос содержится в РОСе: «*чѐ* (вместо чего́, при передаче прост. произношения)»¹¹. Ссылка на такое авторитетное научное издание, как РОС, удовлетворила гражданина. Думается, регистрация в РОСе слов сниженной стилистической окраски нужна прежде всего для решения подобных, весьма неоднозначных вопросов.

Важно подчеркнуть, что фиксация сниженных лексем в орфографическом словаре, как и в случае с толковым, не означает утверждение их в качестве нормативных: в РОСе активно используется нормативно-стилистическая (ограничительная) помета *сниж.*, а также комбинированная помета *нарочито-сниженное* и *прост.* в словарных статьях: *да́ден*, -а, -о (*нарочито-сниженное* и *прост.* к дан, дана́, дано́, от дать); *де́ло*, -а, *мн.* дела́, дел и (*нарочито-сниженное* и *прост.*) дело́в (всего́-то и дело́в, то́лько и дело́в), -а́м; *расе́йский* (от Расе́я — *нарочито-сниженное* и *прост.* к Росси́я)¹².

III. Включение в академические нормативные (в нашем случае — толковый и орфографический) словари лексических единиц сниженной стилистической окраски в первую очередь соотносится с давней традицией академической толковой лексикографии, оно целесообразно и оправданно, по крайней мере, самой целью данного лексикографического пособия: словарное описание лексики современного русского литератур-

¹¹ <https://orfo.ruslang.ru/>

¹² Там же.

ного языка не может быть признано полным и более или менее исчерпывающим, если словарем игнорируются целые пласты функционально ограниченных, но при этом употребительных слов.

Отражение стилистически сниженной лексики в академических словарях является скорее закономерностью, продиктованной развитием самого языка. Границы литературного языка очерчиваются более четко именно в сравнении с некодифицированными подсистемами, на их фоне (как бы парадоксально это ни казалось противникам идеи введения сниженной лексики в академический словарь), что может способствовать повышению культуры речи читателя. Исключение сниженных единиц из состава словаря неминуемо приведет к тому, что представленный в нем материал будет в значительной степени фрагментарным, такой словарь нельзя будет назвать актуальным и отражающим современное состояние языка. Включение в академический словарь сниженной лексики ценно еще и потому, что такой словарь отражает активные языковые, стилистические процессы, происходящие в лексике, и удовлетворяет культурные запросы носителей языка, расширяя их познания о языке.

Подчеркнем также мысль, неоднократно высказанную в рамках настоящей статьи: сам факт включения в академический словарь стилистически сниженных слов не является утверждением этих единиц в качестве нормативных, ведь в словарях используется разветвленная система помет, в числе которых есть и ограничительные (запретительные) пометы, они сигнализируют читателю о том, что данное слово находится на границе или за рамками литературного языка.

Библиографический список

- АТoS-1 — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 2016.
АТoS-2 — Академический толковый словарь русского языка. Т. 2. М., 2016.
Базаров Е. Е. и др. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1.
Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. М., 2018.
Иванова О. Е. Лексикографическая концепция «Русского орфографического словаря» // Русская речь. 2014. № 2.
Круглов В. М. и др. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.
Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Изменения в стратификации сниженной лексики (из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка») // Русский язык: Исторические судьбы и современность. М., 2019.

Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Просторечная лексика в динамике ее словарного описания // *Русская речь*. 2021. № 3.

Николенкова Н. В. Орфографический словарь и кодификация современной нормы: проблемы несогласованности // *Вопросы культуры речи*. М., 2011.

Пестова А. Р. Стилистические процессы в лексике и их отражение в словарях (на примере пометы *прост.* в академических толковых словарях) // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции. Калуга, 2019.

Пестова А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2020. Т. 79. № 5.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. М., 2013.

Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // *Вопросы языкознания*. 1967. № 5.

СУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.

Цумарев А. Э. и др. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное о новое // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2017. Т. 76. № 5.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // *Настоящее и будущее стилистики*. М., 2019.

Список источников

Ушаков Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» // *Литературная газета*. № 63 (554), 1935.

Казимирский К. Аптекарь М. «Игруны» // *Литературная газета*. № 58 (549), 1935.

Орфографический академический ресурс «Академос». URL: <https://orfo.ruslang.ru/>

References

AToS-1 — *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 2016.

AToS-2 — *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow, 2016.

Bazarov E. E., i dr. *Stilisticheski snizhennaya leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniya v upotreblenii prostorechnoy leksiki*. [Substandard Vocabulary in the Modern Explanatory Dictionary: Changes in the Use of Vernacular Lexeme]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the

Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021. T. 80. No. 1.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Aspektnoe opisanie russkoy orfografii*. [Aspect description of Russian Orthography]. Moscow, 2018.

Ivanova O. E. *Leksikograficheskaya kontseptsiya «Russkogo orfograficheskogo slovarya»*. [The lexicographic concept of the Russian Orthographic Dictionary]. In: *Russkaya rech'*. [Russian Speech]. 2014. No. 2.

Kruglov V. M. i dr. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka*. [Normative-Stylistic Marks in the Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. St. Petersburg, 2015.

Kuleva A. S., Shestakova L. L. *Izmeneniya v stratifikatsii snizhennoy leksiki (iz opyta raboty nad «Akademicheskim tolkovym slovarem russkogo yazyka»)*. [Changes in the Stratification of Low Vocabulary (From Experience of Working on the «Academic Dictionary of the Russian Language»)]. In: *Russkiy yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'*. [Russian Language: Historical Fates and the Present]. Moscow, 2019.

Kuleva A. S., Shestakova L. L. *Prostorechnaya leksika v dinamike ee slovarnogo opisaniya*. [Substandard Lexis in the Dynamics of Its Dictionary Description]. In: *Russkaya rech'*. [Russian Speech]. 2021. No. 3.

Nikolenkova N. V. *Orfograficheskii slovar' i kodifikatsiya sovremennoy normy: problemy nesoglasovannosti*. [Orthographic dictionary and codification of the modern norm: problems of inconsistency]. In: *Voprosy kul'tury rechi*. [Questions of culture of speech]. Moscow, 2011.

Pestova A. R. *Stilisticheskie protsessy v leksike i ikh otrazhenie v slovaryakh (na primere pomety prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh)*. [Stylistics Processes in Vocabulary and Their Reflection in Dictionaries (On the Example of the Mark «Vernacular» in Academic Explanatory Dictionaries)]. In: *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits*. [Semantics and Pragmatics of Language Units]. Kaluga, 2019.

Pestova A. R. *O nekotorykh problemakh stilisticheskoy kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh*. [On Some Problems of Stylistic Qualification of Words in Explanatory Dictionaries]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020. Vol. 79. No. 5.

ROS — *Russkiy orfograficheskii slovar'»: okolo 200 000 slov*. [Russian Orthographic Dictionary: about 200 000 words]. Moscow, 2013.

Sorokin Yu. S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennoy russkogo yazyka*. [On the Normative-Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. [Topics in the Study of Language]. 1967. No. 5.

SUsh — *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language:]. In 4 Vols. Moscow, 1935–1940.

Tsumarev A. E. i dr. «*Akademicheskij tolkovyy slovar' russkogo yazyka*»: *traditsionnoe o novoe*. [«Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language»: the Traditional and the New]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017. Vol. 76. No. 5.

Shestakova L. L., Kuleva A. S. *Povyshenie stilisticheskogo statusa snizhennoy leksiki i ego otrazhenie v tolkovom slovare*. [Stylistic Status Upgrade of Low Vocabulary and Its Reflection in the Explanatory Dictionary]. In: *Nastoyashchee i budushchee stilistiki*. [The Present and the Future of Stylistics]. Moscow, 2019.

List of sources

Ushakov D. N. *Vokrug «Tolkovogo slovarya»* [Around the Explanatory Dictionary]. *Literaturnaya gazeta*. [Literary newspaper]. No. 63 (554), 1935.

Kazimirskiy K., Aptekar' M. «*Igruny*» [Players]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. No. 58 (549), 1935.

Orfograficheskij akademicheskij resurs «Akademos». [Orthographic academic resource «Academos». URL: <https://orfo.ruslang.ru/>.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА ПО ВОПРОСАМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. А. Клементьева

Ключевые слова: искусственный интеллект, русский язык, предикация, метафора, научный дискурс.

Keywords: artificial intelligence, Russian language, predication, metaphor, scientific discourse.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–04

В начале XXI века в России началось активное обсуждение методологических проблем искусственного интеллекта (далее — ИИ). В 2005 году в Московском институте электроники и математики (МИЭМ) состоялась первая Всероссийская междисциплинарная конференция «Философия искусственного интеллекта», которая «вызвала широкий общественный резонанс и оказалась крайне востребованной в условиях бурного становления электронной культуры», а также положила начало современному этапу «систематического развития отечественной философии ИИ» [Алексеев, 2015, с. 8]. Результатом работы конференции стало создание Научного Совета РАН по методологии ИИ. Деятельность Совета была направлена на «содействие интегративным процессам в многообразных направлениях научных исследований и технической деятельности, связанных с ИИ», а также на «повышение эффективности междисциплинарного диалога по проблемам ИИ» [Дубровский, Лекторский, 2006, с. 4].

Дальнейшая разработка проблем ИИ на стыке сразу нескольких научных дисциплин (философии, математики, логики, психологии, лингвистики, правоведения и др.) способствовала превращению ИИ из феномена современной культуры в предмет отдельного научного направления. В рамках данного направления, помимо вопросов математики, роботизации, моделирования систем ИИ, изучаются вопросы соотношения естественного и искусственного интеллекта, моделирования естественного языка, когнитивные и социокультурные аспекты ИИ. В результате выделения ИИ в отдельную междисциплинарную область изучения сложилась особая языковая ситуация. Ученые, владеющие понятийным аппаратом той науки, в рамках которой они проводили свои научные изы-

скания, столкнулись с необходимостью создания иного языка, коррелятивного новому объекту исследования. Так формируется особый «язык междисциплинарного общения» [Зотов, 2005, с. 31], позволяющий обществу представителей различных дисциплин осуществлять научный поиск в единой области.

Одновременно с этим ИИ становится предметом обсуждения в другой сфере — государственного управления. В государственных программах, стратегиях цифровой трансформации и развития ИИ предстает не предметом научного осмысления, а элементом цифровизации, технологии которого нужно внедрить, развитие которого нужно обеспечить и ускорить. Разумеется, в таких документах не поднимаются вопросы методологии ИИ, не предпринимаются попытки на них ответить. В рассматриваемых стратегиях развития и трансформации, носящих декларативный характер (Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2023 года; Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»), об ИИ говорится как об уже созданном, имеющем границы применения «продукте», на основе которого будет происходить разработка всевозможных «технологических решений» в различных отраслях экономики.

Итак, мы являемся наблюдателями двух разных социолингвистических ситуаций. С одной стороны, существует особый язык научного сообщества, используемый для научного поиска в новой области, влияющий на «стратегию исследования, его организацию, его планирование, оценку ближайших и отдаленных перспектив» [Зотов, 2005, с. 31]. С другой стороны, мы наблюдаем формирование языка государственного института, «перед которым стоит задача задумать, спроектировать, реализовать, поддержать или оценить цифровую трансформацию деятельности» [Потапова и др., 2021, с. 25]. Однако нельзя утверждать, что в разных сферах мы имеем дело с разными образами ИИ. Присутствие феномена ИИ в одной области (научно-исследовательской) обуславливает его присутствие в другой (сфере государственного управления), и наоборот. Научным исследованиям нужна материальная поддержка, обеспечить которую может государство.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу языка научно-го дискурса, отметим, что слова, используемые учеными для описания объекта исследования, существенно влияют на его понимание и представление. Так, один из основателей квантовой механики, В. Гейзенберг, говоря о недостатках естественного языка, применяемого для научного описания, подчеркивает, что «он не является настолько точным языком,

чтобы его можно было использовать для нормальных процессов логического вывода, этот язык вызывает в нашем мышлении образы, а одновременно с ними и чувство, что эти образы обладают недостаточно отчетливой связью с реальностью» [Гейзенберг, 1989, с. 113]. Предлагая решение этой проблемы, ученый призывает применять язык с измененной логикой «как дополнение к обычному» языку [Гейзенберг, 1989, с. 117].

О важности выбора словаря для научного описания говорит и академик И. П. Павлов в лекциях «Об уме вообще, о русском уме в частности» [Павлов, 1999]. Слова как «новые символы действительности» могут быть «неточными, неподходящими», могут «затемнить, исказить истину». Из-за них действительность может быть представлена «в ненадлежащем, неверном виде». Задачу познающего ума Павлов видит в том, чтобы при посредстве словесных сигналов «дойти до непосредственного видения действительности».

Итак, взгляд на объект описания напрямую зависит от используемого словаря. В основе понимания нами любого высказывания лежит информация о том, «кому (чему) какой признак приписан в данном высказывании, какое языковое оформление и почему приобретают этот субъект и признак» [Сидорова, 2022, с. 21]. Выражение этой информации обеспечивается через такую языковую операцию, как предикация — приписывание субъекту какого-либо признака. Существует вытекающая «из самой природы явлений» «взаимная избирательность» использования субъекта и предиката [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 105]. Так, «для акциональных предикатов, сообщающих о целенаправленном, намеренном действии, естественным будет субъект, представляющий лицо или одушевленное существо», а для функтивных предикатов — имена предметов [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998, с. 106]. В научных работах по проблемам ИИ описанная выше субъектно-предикатная взаимообусловленность нарушается почти всегда. Авторы статей, посвященных сопоставлению функций человеческого мышления и ИИ, активно используют акциональные предикаты, сообщая о прогнозируемых действиях систем ИИ.

В примерах, представленных ниже, позицию предикатов занимают глагол *моделировать* (исследовать, основываясь на методах подобия; представлять в виде модели [БАС]) и синонимичный ему глагол *имитировать* (моделировать какие-либо процессы, условия [БАС]), что позволяет представить ИИ как самостоятельно **действующий субъект**: *Мозг и ЭВМ, моделирующая работу мозга, являются информационными системами...; Имитировать же эти способности ЭВМ в состоянии* (Кочергин А. Н. Искусственный интеллект, психика, творчество, 2006);... по-

зволяет проектировать и создавать сложные многоуровневые **системы ИИ, моделирующие** процесс решения человеком сложных и масштабных задач (Свириденко Д. И., Витяев Е. Е. Задачный подход к искусственному интеллекту и его теоретическая и технологическая база, 2020);... объектом исследования является **искусственный автономный агент, действующий** в виртуальной или реальной среде и **имитирующий** поведение живого организма (Карпова И. П. Навигация анимата на основе визуальных ориентиров и распознавания сцен, 2021).

В следующих примерах предикаты *получать информацию* (принимать к сведению, узнавать что-либо, приобретать о ком-либо, чем-либо представление [БАС]) и *решать проблемы, задачи* (находить разрешение чему-либо, осуществив, выполнив что-либо [БАС]) называют **ментальные действия** ИИ, которые обычно способен выполнять только человек. Кроме того, роботу приписывается даже способность иметь мнения и знания. *При условии, если машина получает информацию из внешней среды, являющейся бесконечной информационной системой, она оказывается способной решать неконструктивные проблемы...* (Кочергин А. Н. Искусственный интеллект, психика, творчество, 2006); *Однако в последние годы появляются исследования и разработки, которые позволяют интеллектуальным агентам решать более широкий класс задач...* (Молодченков А. И. Картина мира агента-онколога для решения задачи диагностики рака поджелудочной железы, 2019); *Когнитивная робототехника изучает то, как робот получает информацию о внешнем мире, в какой форме он ее представляет, как она хранится в памяти и преобразуется в его мнения и знания...* (Лебедев О. Б., Бартини Р. В. Гибридный алгоритм планирования траектории подвижного объекта, 2020).

Следующие предложения с предикатами *создать* (путем творческих усилий и труда дать существование чему-либо [МАС]) и *играть* (прикидываться, принимать какой-либо вид с целью обмана; притворяться [БАС]) иллюстрируют приписывание ИИ **творческих способностей**: *ЭВМ «играет» человеческую личность, как более или менее искусный актер образ своего героя;... ЭВМ может выступать творцом, способным к созданию произведений искусства.* (Самохвалова В. И. «Человеческое, слишком человеческое», или процессор в экстазе, 2006); *Если системе предложить нарисовать, скажем, кошку, она создаст свой уникальный рисунок кошки* (Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? 2019).

Наконец, глагол *вытеснить* (замещать, заменять собою кого-либо [БАС]) в данных ниже примерах помогает нарисовать перспективу, ко-

гда ИИ полностью **уподобится человеку**, займет его место: *Казалось бы, можно ожидать, что машина вытеснит человека из иерархии цивилизации* (Редько В. Г., Самсонович А. В. Формализация процессов озарения, 2021); *...цифровизация, искусственный интеллект вытеснит людей и приведет к окончательной победе машин и высокой технологической безработице* (Шестакова Н. Н. Изменения в сфере труда и занятости в контексте роботизации и использования искусственного интеллекта, 2019).

Размышляя о проблеме моделирования ИИ, сравнивая естественный и искусственный интеллект, ученые используют компаративные конструкции, включающие и сравнительно-сопоставительные предикаты — глагольные и субстантивные: **сравнение** мозга с работой компьютера, **отождествляя** интеллект с процессом вычисления, **уподобление** компьютерных процессов и способностей человека (Огурцов А. П. Возможности и трудности моделирования интеллекта, 2006). ИИ даются особые номинации, подчеркивающие его сходство с человеческим интеллектом. ИИ выступает в роли *интерпретатора* человеческого языка, *органопроекции* и *амплификации* представлений об интеллекте и мышлении.

Акциональность искусственным интеллектуальным системам приписывается и в официально-деловых текстах. Так, в Стратегии цифровой трансформации Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» на период до 2025 года и перспективу до 2030 года ИИ предлагается понимать как *свойство роботов, компьютерных программ и систем выполнять интеллектуальные и творческие функции человека, находить способы решения задач, уметь делать выводы и принимать решения*. В национальном стандарте, посвященном техническому регулированию, ИИ — это *способность субъекта (оператора) к отвлеченному мышлению, абстрагированию, позволяющая с возникновением самосознания и рефлексии использовать имеющуюся у него информацию некоторым полезным целенаправленным образом* (ГОСТ Р 43.0.5–2009 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения). Как в научном, так и в деловом дискурсе утверждается образ одушевленного, активнотдествующего ИИ.

Таким образом, мы наблюдаем следующую лингвистическую проблему: использование акциональных предикатов вместо возможных функциональных позволяет уподоблять интеллектуальные системы человеку, «очеловечивать» их. Рассуждая о потенциальных «действиях» ИИ, ученые моделируют не сам ИИ, а его образ, формируют наши текущие представления о нем. Сам создатель термина «искусственный интеллект»

Дж. Маккартни отмечает, что «приписывать определенные „мнения“, „знания“, „свободу воли“, „намерения“, „сознательность“, „способности“ или „желания“ машине или компьютеру — дело вполне законное, если такое приписывание выражает относительно машины ту же информацию, какую оно выражает относительно человеческой личности» [Арутюнова, Журинский, 1990, с. 373]. Проблема видится в том, что «реальность все более предстает человеку своей технологически и лингвистически сконструированной стороной» [Никитина, 2005, с. 409].

Другая проблема состоит в том, что наука еще не дала точного определения ИИ. Оно изменяется в зависимости от применяемых методов и подходов. В одних случаях в основе понимания ИИ лежит представление о выполняемых им когнитивных функциях, в других — о присутствующих ему результативных свойствах [Холодная, 2015, с. 149]. ИИ представляется феноменом, границы которого не очерчены. Обсуждая проблемы ИИ, авторы научных работ прибегают к использованию различных типов предикатов, не считая важным и нужным сформулировать, что за ними стоит. Так, имея представление о свойствах и функциях ИИ, «мы ничего не знаем о том, что представляет интеллект как таковой» [Холодная, 2015, с. 151].

Пытаясь определить, что такое ИИ, ученые прибегают к аналогиям. Неизвестное явление легче всего познать и понять через уже известное, доступное нам в силу приобретенного опыта. «Нет ничего более фундаментального для мышления и языка, чем наше ощущение подобия», — справедливо отмечал американский философ У. О. Куайн [Quine, 1977, с. 157]. Поэтому разработчики ИИ, решая проблему его отношения к человеческому мозгу, наделили ИИ памятью, разумом, а в некоторых случаях и сознанием, осуществив тем самым метафорический перенос, сделал метафору «орудием описания» [Нолман, 1985, с. 327]. Неодушевленный механизм (алгоритм?) приобрел биологическую и социальную природу.

Однако наблюдается и обратная ситуация: сравнение живого организма с машиной, которое восходит еще к Декарту, который, сопоставив человека с механическими часами, сделал его «дебиологизированным и десакрализированным» [Роуз, 1995, с. 92]. Метафора человеческого мозга как машины нашла отражение в языке, а с развитием информационных технологий актуализировалась. В мозге происходят *процессы, операции, сбои*; он имеет *программы, запоминающее устройство, передает команды и получает сигналы*: **Она [машина] делает те же операции, что и мы, но разложенные на десятки или сотни мелких последовательных этапов; однако делает это в тысячи раз быстрее, чем мы** (Самохвалова В. И. «Человеческое, слишком человеческое», или процессор

в экстазе, 2006). Мы имеем дело с «инверсированием» метафоры: «вместо биологизации компьютера мы сталкиваемся с настойчивыми утверждениями, что человеческая память — это всего лишь менее совершенный вариант компьютерной памяти» [Роуз, 1995, с. 96].

Подтверждение этой мысли находим и в официальных текстах. В некоторых стратегиях цифровой трансформации ИИ дается следующее определение: *Комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека* (Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования; Методические рекомендации по разработке Стратегий цифровой трансформации организаций Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», 2021). Так в официально-деловой дискурс проникает взятое из научных дискуссий представление об ИИ как о феномене, превосходящем возможности человека.

На первый взгляд может показаться, что такая «взаимная» метафора очень полезна и ее использование вполне оправданно. Работу человеческого мозга легко объяснить, уподобляя его компьютеру. И наоборот, проектирование ИИ, который должен заменить человека, заставляет приписывать ему биологические свойства. Как отмечает М. Минский, «такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы „в свете“ другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области» [Минский, 1988, с. 291]. Мы же считаем, что полный или частичный отказ от буквального толкования феномена ИИ дает простор для различных трактовок и языковых манипуляций, переносит внимание с природы данного феномена на его проектируемые (и часто идеализируемые) функции и свойства. Выбор в пользу языка метафор и аналогий помогает ученому, по замечанию [Роуз, 1995, с. 117], «игнорировать реальность».

Возможность использования метафоры в научном описании ставили под сомнение многие философы. Так, Т. Гоббс отмечал, что «рассуждать при их [метафор] помощи — значит бродить среди бесчисленных нелепостей» [Гоббс, 1962, с. 62]. А Дж. Локк писал, что метафоры в науке способны «лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок» [Локк, 1985, с. 567]. Поскольку «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова, Жури-

ский, 1990, с. 14], нельзя быть полностью уверенными в том, что, прибегая к ней, мы передаем и получаем «чистое», объективное научное знание. Важно следить за тем, чтобы метафора не превращалась из орудия в «продукт научного поиска» [Арутюнова, Журинский, 1990, с. 15].

Кроме того, описывая природу естественного интеллекта с целью переноса его свойств на ИИ, исследователи рассматривают абстрактную, упрощенную модель интеллекта человека. Человеческий интеллект рассматривается «вне процесса его естественного функционирования» [Никитина, 2005, с. 401]. Берутся во внимание исключительно те его возможности и особенности, которые будут учтены при моделировании ИИ. Разработчики ИИ «совсем перестали думать о том, как работает настоящий мыслящий мозг», и вместо этого начали моделировать то, что не имеет «никакого отношения к биологическим системам, которые вначале предполагалось моделировать» [Роуз, 1995, с. 103]. Теряя связь с действительностью, предлагаемая модель искажает наши представления о естественном интеллекте и самом человеке. Е. А. Никитина, анализируя данную ситуацию с методологической и философской точки зрения, называет ее «антропологическим переворотом»: «речь уже идет не столько об искусственном интеллекте, но и об искусственном человеке, искусственной личности» [Никитина, 2005, с. 409].

Последнюю мысль подтверждает и следующее наблюдение. В ряде исследований по методологии ИИ проводится тождество между психическими процессами (имеющими субъективную составляющую) и информационными (кибернетическими, лежащими в основе моделирования систем ИИ). Доказывая эту точку зрения, ученые иногда прибегают к почти схоластическим высказываниям: *Именно поэтому анализ психических функций мозга можно проводить с позиции концепции информации. Нервная система, как известно, осуществляет в организме функцию управления. Управление же без информации невозможно — процесс управления есть процесс информационный* (Кочергин А. Н. Искусственный интеллект, психика, творчество, 2020). Утверждая применимость информационного подхода к психике человека, исследователи упрощают, формализуют ее. Описывая психическую деятельность тем же языком, что используется для описания работы вычислительных машин, они меняют наше представление о ней: из сложного, многогранного явления она превращается в набор действий, сопоставимых с действиями компьютера.

Обратного же процесса не происходит: язык современной психологии по определенным методологическим причинам оказался «нерелевантным» моделированию ИИ [Огурцов, 2005, с. 45]. Если системы ИИ создавались с целью имитации человеческого мышления, а изучение ра-

боты человеческого мозга проводилось в том числе и затем, чтобы впоследствии смоделировать ИИ, то сейчас мы наблюдаем обратное. Человек и ИИ поменялись местами, что отразилось на соответствующих текстах. Изначально планируемой «биологизации» компьютера не случилось. Исследования в области моделирования ИИ стали основой для изучения операций, программ и сигналов человеческого мозга.

Таким образом, мы можем отметить следующие особенности формирующегося на наших глазах междисциплинарного научного дискурса в рамках разработки и методологии ИИ.

1. Приписывание системам ИИ акциональных свойств посредством предикации формирует особый образ ИИ. Он представляется не просто живым и активным субъектом. Его деятельность оказывается сопоставимой с деятельностью человека.

2. Использование многочисленных аналогий, метафор служит инструментом для ухода от конкретизации, смещения фокуса с сущности феномена ИИ на его функции и свойства.

3. Описанные выше черты находят отражение в официально-деловых текстах (стратегиях развития и трансформации отраслей), авторы которых опираются на результаты научного диалога.

4. Имеет место «взаимная» метафора (машина как человек, человек как машина), которая переиначивает наши представления о сложноустроенной человеческой природе, создает почву для ее концептуального переосмысления.

Библиографический список

Алексеев А. Ю. Философия искусственного интеллекта: концептуальный статус комплексного теста Тьюринга: дисс. ... докт. философских наук. М., 2015.

Большой академический словарь русского языка. Т. 3, 7, 10, 18, 23. М., СПб., 2004-2019.

Гейзенберг В. Язык и реальность в современной физике // Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.

Гоббс Т. Левиафан. М., 1936.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Зотов А. Ф. Роль феноменологии в организации междисциплинарных исследований // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2005.

Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / ред. Д. И. Дубровский, В. А. Лекторский. М., 2006.

Локк Дж. Соч. в 3-х тт. Т. 1. М., 1985.

Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Никитина Е. А. Антропологический поворот в искусственном интеллекте // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2005.

Огурцов А. П. Возможности и трудности в моделировании интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006.

Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / ред. Е. Г. Потапова, П. М. Потеев, М. С. Шклярчук. М., 2021.

Павлов И. П. Pro et contra. М., 1999.

Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию. М., 1995.

Сидорова М. Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» // Филология и человек. 2022. № 2.

Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М., 1990.

Холодная М. А. Структура и функции естественного интеллекта в контексте проблемы искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006.

Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985.

Quine W. O. Natural kinds // Naming, necessity, and natural kinds. Ithaca - London, 1977.

Список источников

ГОСТ Р 43.0.5–2009 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200079262>.

Карпова И. П. Навигация анимата на основе визуальных ориентиров и распознавания сцен // Девятнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2021. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2021.

Концепция регулирования технологий искусственного интеллекта и роботехники до 2023 года. URL: <https://base.garant.ru/74560628/>.

Кочергин А. Н. Искусственный интеллект, психика, творчество // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006.

Лебедев О. Б., Бартини Р. В. Гибридный алгоритм планирования траектории подвижного объекта // Восемнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2020. М., 2020.

Методические рекомендации по разработке Стратегий цифровой трансформации организаций Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». URL: <https://digital.ac.gov.ru/>.

Молодченков А. И. Картина мира агента-онколога для решения задачи диагностики рака поджелудочной железы // Семнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2019. Ульяновск, 2019.

Редько В. Г., Самсонович А. В. Формализация процессов озарения // Девятнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2021. Ростов-на-Дону, Таганрог, 2021.

Самохвалова В. И. «Человеческое, слишком человеческое», или процессор в экстазе // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006.

Свириденко Д. И., Витяев Е. Е. Задачный подход к искусственному интеллекту и его теоретическая и технологическая база // Восемнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2020. М., 2020.

Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2019. № 2.

Стратегия цифровой трансформации Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» на период до 2025 года и перспективу до 2030 года. URL: <https://ckbtm.org>.

Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390417/.

О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

Шестакова Н. Н. Изменения в сфере труда и занятости в контексте роботизации и использования искусственного интеллекта // Региональная экономика и развитие территорий. СПб., 2019.

References

Alekseev A. Yu. *Filosofiya iskusstvennogo intellekta: kontseptual'nyy status kompleksnogo testa T'yuringa*. [The Philosophy of Artificial Intelligence: The Conceptual Status of the Comprehensive Turing Test]. Thesis of Philol. Doct. Diss. Moscow, 2015.

Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka. [The Great Academic Dictionary]. Vol. 3, 7, 10, 18, 23. Moscow, St. Petersburg, 2004–2019.

Heisenberg W. *Yazyk i real'nost' v sovremennoy fizike*. [Language and Reality in Modern Physics]. In: *Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe*. [Physics & Philosophy. Part and Whole.] Moscow, 1989.

Hobbes T. *Leviafan*. [Leviathan]. Moscow, 1936.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. [Communicative Grammar of the Russian]. Moscow, 1998.

Zotov A. F. *Rol' fenomenologii v organizatsii mezhdistsiplinarykh issledovaniy*. [The Role of Phenomenology In the Organization of Interdisciplinary Researches]. In: *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinaryy podkhod*. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2005.

Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinaryy podkhod. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Ed. by D. I. Dubrovskiy, V. A. Lektorskiy. Moscow, 2006.

Locke J. *Soch.* [Essays in Three Volumes]. Moscow, 1985. Vol. 1.

Malyy akademicheskyy slovar'. [Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, 1981-1984.

Minskiy M. *Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo*. [Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike, Kognitivnye aspekty yazyka*. [Novel Issues in Linguistics Abroad. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, 1988.

Nikitina E. A. *Antropologicheskyy povорот v iskusstvennom intellekte*. [Anthropological Revolution in Artificial Intelligence]. In: *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinaryy podkhod*. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2005.

Ogurtsov A. P. *Vozmozhnosti i trudnosti v modelirovanii intellekta*. [Opportunities and Difficulties in Modeling Intelligence]. In: *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinaryy podkhod*. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2006.

Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat', chtoby vypolnit' [Digital Transformation Strategy: Write to Execute]. Ed. by E. G. Potapova, P. M. Poteev, M. S. Shklyaruk. Moscow, 2021.

Pavlov I. P. *Pro et contra*. Moscow, 1999.

Rouz S. *Ustroystvo pamyati. Ot molekul k soznaniyu*. [Memory Device. From Molecules to Consciousness]. Moscow, 1995.

Sidorova M. Yu. *Sub'ektnaya struktura tekstov o «novoy real'nosti»*. [Subject Structure of texts about the «new reality»]. In: *Filologiya i chelovek*. [The Philology and a Person]. 2022. No. 2.

Teoriya metafory. [Theory of Metaphor]. Ed. by N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya. Moscow, 1990.

Kholodnaya M. A. *Struktura i funktsii estestvennogo intellekta v kontekste problemy iskusstvennogo intellekta* [The Structure and Functions of Natural Intelligence in the Context of the Problem of Artificial Intelligence]. In:

Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarnyy podkhod. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2006.

Hoffman R. *Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science*. The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985.

Quine W. O. *Natural kinds*. Naming, necessity, and natural kinds. Ithaca — London, 1977.

List of sources

GOST R 43.0.5–2009 *Informatsionnoe obespechenie tekhniki i operatorskoy deyatel'nosti. Protsessy informatsionno-obmennye v tekhnicheskoy deyatel'nosti. Obshchie polozheniya*. [GOST R 43.0.5–2009 Information Support of Equipment and Operator Activities. Information Exchange Processes in Technical Activities. General Provisions.]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200079262>.

Karpova I. P. *Navigatsiya animata na osnove vizual'nykh orientirov i raspoznavaniya stsen*. [Animate Navigation Based on Visual Landmarks and Scene Recognition]. In: *Devyatnadsataya Natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2021*. [The Nineteenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2021]. Rostov-on-Don, Taganrog, 2021.

Kontseptsiya regulirovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2023 goda. [The Concept of Regulation of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2023]. URL: <https://base.garant.ru/74560628/>.

Kochergin A. N. *Iskusstvennyy intellekt, psikhika, tvorchestvo*. [Artificial Intelligence, Psyche, Creativity]. In: *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarnyy podkhod*. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2006.

Lebedev O. B., Bartini R. V. *Gibridnyy algoritm planirovaniya traektorii podvizhnogo ob'ekta*. [Hybrid Algorithm for Planning the Trajectory of a Moving Object]. In: *Vosemnadsataya Natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2020*. [The Eighteenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2020]. Moscow, 2020.

Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke strategiy tsifrovoy transformatsiy organizatsiy gosudarstvennoy korporatsii po kosmicheskoy deyatel'nosti «Roskosmos». [Methodological Recommendations for the Development of Strategies for Digital Transformation of Organizations of the State Corporation for Space Activities «Roscosmos»]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/>.

Molodchenkov A. I. *Kartina mira agenta-onkologa dlya resheniya zadachi diagnostiki raka podzheludochnoy zhelezy*. [A Picture of the World of an Oncologist Agent to Solve the Problem of Diagnosing Pancreatic Cancer]. In: *Semnadsataya Natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym*

uchastiem. KII-2019. [The Seventeenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2019]. Ulyanovsk, 2019.

Red'ko V. G., Samsonovich A. V. *Formalizatsiya protsessov ozareniya*. [Formalization of Enlightenment Processes]. In: *Devyatnadsataya Natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2021*. [The Nineteenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2021]. Rostov-on-Don, Taganrog, 2021.

Samokhvalova V. I. «*Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe*», ili *protessor v ekstaze*. [«Human, Too Human,» or a Processor in Ecstasy]. In: *Iskusstvennyy intellekt: mezhdistsiplinarynyy podkhod*. [Artificial Intelligence: The Interdisciplinary Approach]. Moscow, 2006.

Sviridenko D. I., Vityaev E. E. *Zadachnyy podkhod k iskusstvennomu intellektu i ego teoreticheskaya i tekhnologicheskaya baza*. [Problem-Based Approach to Artificial Intelligence and Its Theoretical and Technological Base]. In: *Vosemnadsataya Natsional'naya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2020*. [The Eighteenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2020]. Moscow, 2020.

Somenkov S. A. *Iskusstvennyy intellekt: ot ob'ekta k sub'ektu?* [Artificial Intelligence: From Object to Subject?]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*. [Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. Moscow, 2019. No. 2.

Strategiya tsifrovoy transformatsii Gosudarstvennoy korporatsii po kosmicheskoy deyatel'nosti «Roskosmos» na period do 2025 goda i perspektivu do 2030 goda. [The Strategy of Digital Transformation of the State Corporation for Space Activities «Roscosmos» for the Period up to 2025 and the Prospect up to 2030]. URL: <https://ckbtm.org>.

Strategiya tsifrovoy transformatsii otrasli nauki i vysshego obrazovaniya. [Strategy of Digital Transformation of the Branch of Science and Higher Education]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390417/.

Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. N 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii». [Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation»]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

Shestakova N. N. *Izmeneniya v sfere truda i zanyatosti v kontekste robotizatsii i ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta*. [Changes in the Sphere of Labor and Employment in the Context of Robotics and the Use of Artificial Intelligence]. In: *Regional'naya ekonomika i razvitie territoriy*. [Regional Economy and Territorial Development]. St. Petersburg, 2019

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТНОШЕНИЯХ СВОЙСТВА В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КУБАНИ

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

Ключевые слова: когнитивная диалектология, диалектная картина мира, лексико-семантическое поле «Некровные родственники», лингвокультурная специфика, кубанские говоры.

Keyword: cognitive dialectology, the dialect world view, Marriage lexicosemantic field, lingua-cultural specificity, Kuban sub-dialects.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–05

Кубанские говоры (далее — КГ), будучи частью национального языка и общерусской культуры, в то же время принадлежат пространству оригинальной культуры кубанского казачества, сформировавшейся на базе локальных вариантов южнорусской и украинской этнических культур и во взаимодействии с культурой северокавказских этносов [Бондарь, 2019, с. 41]. Отражая традиционные и современные представления о мире, актуальные для жителей кубанских станиц, КГ аккумулируют и вербально транслируют выработанные поколениями членов диалектного сообщества взгляды на отношения свойства. Разделение на кровных и некровных родственников релевантно и для современных диалектоносителей.

Цель данной статьи — описать лингвокультурные представления об отношениях между некровными родственниками в диалектной картине мира (далее — ДКМ) жителей Кубани. Исследование проводилось с опорой на данные региональных словарей, отражающих лексику и фразеологию КГ (В. И. Андриященко и др., 2006; В. И. Андриященко и др., 2009; О. Г. Борисова, 2019; Лексика..., 2019; Русский говор Кубани, 1992), фольклорные сборники (А. Д. Бигдай; П. И. Ткаченко, 2008). В представленных в них материалах раскрывается традиционное для данного диалектного сообщества понимание категории свойства. Привлечение «культуроносных» [Смирнов, 2022, с. 7] записей устной речи диалектоносителей¹³ помогает репрезентировать смысловые приращения понятий, номинированных конститuentами лексико-семантического поля «Некровные родственники». Разнообразные по степени информативности

¹³ Материалы полевых экспедиций 2005–2019 гг.

и временной отнесенности источники делают возможным описать данное поле в синхронии и диахронии, отразив динамику одних его участков и устойчивость других. В работе использованы общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, обобщение), традиционные лингвистические методы (этно-этимологический анализ, анализ семантики номинаций, компонентный и смежные с ним дефиниционный и контекстный анализ, полевой метод), а также концептуальный анализ.

Лексико-семантическое поле «Некровные родственники» составляют номинации людей, находящихся в отношениях свойства. В исследовании учтены как словарные значения лексем и фразеологизмов, так и их контекстуальная семантика, реализованная в речи диалектоносителей и фольклорных текстах. В данном поле специфически реализуется антропоцентричное по своей сути фундаментальное противопоставление *свой* — *чужой*. С одной стороны, конститuentы поля воспринимаются как *свои*. С другой — в силу диалогичности и переходного характера взаимоотношений между *своим* и *чужим* происходит взаимопроникновение *чужого* в *свое* и *своего* в *чужое*, что поддерживается экстралингвистическим фактором — отсутствием кровных уз. Родственники по свойству входят в круг родных, а концепт «родные» представляет собой «важную русскую категорию мысли» [Вежбицкая, с. 142]. В основе восприятия некровных родственников как *своих*, «родных лежит совершенно особая идея: я к тебе так отношусь, как будто ты мой кровный родственник» [Зализняк..., 2002].

Действительно, свойство тесно связано с кровным родством, поскольку образуется вследствие сближения не родственных по крови людей. Стереотипные образы супругов формировались у носителей КГ в соответствии с менталитетом, укладом и трудовым опытом членов диалектного сообщества. Воспринимаемые как два отдельных индивида муж и жена, будучи *чужими*, объединяются в одной семье, т. е. становятся *своими*. Недавно поженившихся супругов на Кубани могли называть *молодя'тки*¹⁴. Отсутствие формы ед. ч. подтверждает восприятие поженившейся пары в сознании носителей КГ как единого целого (ср. общенародное *молодожены* — *молодожен*). Лингвокультурологическая когнитивная тема «муж и жена — одно целое» отражается в поговорке: *Муш и жына' — цэ одно' цэ'лэ. Куды' го'лка, туды' и ны'тка*¹⁵ (стани-

¹⁴ Здесь и далее диалектные слова и фразеологизмы подаются в канонической форме.

¹⁵ Здесь и далее высказывания информантов подаются приемом малограмотного письма, принятого во многих диалектных лексикографических источниках. Данный способ подачи языкового материала позволяет передать основные особенности местной огласовки, при этом не затрудняет восприятие текста неспециалистом.

ца Динская). В речи пожилых диалектоносителей встречается существительное *дружи́на* «супруг или супруга»¹⁶. Корень ДРУЖ- демонстрирует, что мужа и жену связывают прежде всего дружба, взаимопонимание, преданность — залог прочного брака. Усиливает концептуальный признак единения отнесенность данного термина родства к общему роду. Муж и жена — сложная конструкция единства, что прослеживается в паремиях: *Муж да жена — одна сатана. Чёловик та жинка — одна душа*¹⁷. В них подчеркивается: муж и жена одинаковы в своих желаниях и стремлениях, причем как в добрых, так и в осуждаемых обществом. Приведем местную ироничную присказку: *Черэвы́к, черэвы́к, яка́ в тэ́бэ ди́рка! Якы́й сам мужы́нёк, така́ в ёго и жы́нка* (хутор Братский). Украинизм *чёлови́к* — диалектное наименование мужа в говорах Кубани, имеющих украинскую языковую основу (далее — КГУЯО). Мужа на Кубани называют также просторечными словами *мужи́к* и *хозя́ин*.

Многие паремии о супругах обладают антиномичной природой, проявляющейся в противопоставлении функций мужа и жены, их реакций на поведение друг друга, а также в причинно-следственной связи между их поступками: *Казак воюе, а жинка горюе. Муж пье, а жинка горшки бье*. Противопоставление обязанностей казака и казачки отражаются в речи диалектоносителей: *Жэ́нцина, ана́ жы́на́, мать, на иё́ плича́х фсе́ хазя́йства, а вин, казацу́ра, он вою́е, слу́жить* (г. Славянск-на-Кубани).

В ДКМ жителей Кубани транслируются общенародные взгляды на роль мужчины в семье: прежде всего он ее глава. Главенствующую роль мужа можно объяснить андроцентричностью картины мира русского народа. Согласно православной традиции, во главе идеальной семьи стоит мужчина. Женское доминирующее начало считалось отголоском язычества, против которого церковь вела непримиримую борьбу.

На Кубани традиционно принято после свадьбы забирать жену из дома родителей. Однако в силу обстоятельств (бедность супруга, большое количество братьев и сестер в его семье, большая обеспеченность семьи невесты и т. п.) молодые после женитьбы поселялись у родителей жены. В этом случае о муже говорили: *приста́лу(в)зятья́*. Отсутствие собственного жилья у мужчины, как правило, вызывало негативную реакцию у окружающих, в силу чего иронической окраской в КГ обладают номинации мужа, живущего в доме жены: *при(ы)ма́к, прый-*

¹⁶ Здесь и далее значения кубанских диалектизмов приводятся из словаря О. Г. Борисовой «Опыт словаря кубанских говоров» (Краснодар, 2018).

¹⁷ Здесь и далее извлеченные из фольклорных сборников (А. Д. Бигдай; П. И. Каченко, 2008) пословицы и поговорки, а также отрывки из народных песен подаются в той же форме, что и в источнике.

ма'к (ср. *прыма'ть* «принимать»), *чужедо'мник* и универбы *завчу'ха*, *зачу'ха* — *заведующий чужим хозяйством*. Однако перечисленные лексические единицы (далее — ЛЕ) употребляются и как нейтральные, в чем видится влияние современных нравов на институт семьи. Ср.: *Иногда' быва'ло и так, шо муш пириходи'л к жыне' как чужыдо'мник* (хутор Братский). *А цэй прыма'к начина'е, а я кажу': «Заткны'сь! Я сама' хазя'йка»* (станция Брюховецкая). *Тю, да ви'н жэ прыйма'к: свое'й ха'ты нэма'* (станция Динская). *Жына' умирла', вот. Там прада'л дом, а сюда', да ба'бушки, прышо'л в прымаки'. Жыву' завчу'хаю. А чё тако'й завчу'ха? За чужы'м хазя'йствам* (станция Кубанская). *Е'сли у жэныха' не'где жыть, то вин остае'цця у нэви'сты, ёго' «прымако'м» называ'лы* (станция Марьянская). *Тётку На'ткы лю'ди так писо'чили, шо сын пашо'л в прымаки' (г. Усть-Лабинск)*. Следует отметить, что в речи современных жителей Кубани существительные *прыма'к* и *чёлови'к* используются в значении «сожитель». См., напр.: *Вона' (внучка) тэпэ'р' жывэ' на кварти'ри с чилаве'кам. Ото' так. Я нэ пыта'ю, оно' мэнэ' нэ ну'жно* (станция Дядьковская). *А тоди' ото' я прыня'ла соби' прыймака', то'жы называ'ицця нэзако'нный муш. Зако'нный муш як сва'йба, роспыса'вся по зако'ну* (станция Новониколаевская). Иронический оттенок в КГ имеет диалектная фразеологическая единица (далее — ДФЕ) *приблудный байда'к* «сожитель, живущий в доме женщины».

Частотны рассказы о неблагоприятном поведении мужа и его вредных привычках. По мироощущению сельской женщины главная беда семьи — пьянство ее главы. Приведем показательное высказывание: *Ско'лько мужыко'в в стани'цэ ро'том заболé'ло (ро'том заболé'ть «пьянствовать»), а в се'мьях одно' го'ре* (станция Крыловская).

По рассказам информантов, муж часто бил жену. В патриархальных воззрениях на семью такое поведение принималось как должное. Эта мысль подтверждается в кубанских пословицах, отражающих андроцентрический взгляд на мир: *Казак жинку бье, укоряе, ругае не туди, колы вона вынувата, а колы у ёго на цэ врэмя е. Любы жинку як душу, а трысы як грушу*. Согласно гноцентрическому миропониманию, хороший муж — тот, который не бьет. См. контекст: *Харо'ший був (о муже): у го'лаву ни загляда'л (в го'лову загляда'ть «таскать за волосы»), усю' жызнэ пражы'ли дру'жна* (хутор Братский). В наших материалах зарегистрированы многочисленные жалобы жен на побои мужей: *Чёлови'ку мо'ёму нычэго напро'тив ны скажы', кы'даицця, як скажэ'нный* (станция Азовская). *Мужы'к мий ох ы бу'сорный був. Бив мэ'нэ и гуля'в по'чёрному* (станция Батуриинская). *Мужы'к бив тако'й, шо протяга'л ру'кы. А в ху'тори так: е'сли дырэ'сса — сканда'л, лю'ды всэ зна'ют* (хутор

Красный). См. также строфу из казачьей песни «Ой, там за яром брала дивка льон»: *Ой, отдала мэнэ матуся моя, За кого я нэ хотила. Шумить-гудэ дротяна нагайка Биля мого билого тила*. Причиной рукоприкладства могла быть ревность, часто необоснованная. Между тем многие мужья нередко сами изменяли женам: *Вин гуля'л як пёс, по вси'м двора'м хвосто'м виля'л* (станция Бриньковская). *Ёму нычёго ны ну'жно: ны жы'нка, ны ди'ты! Ла'зэ скризь! Блудвэ'й прокля'тый* (станция Гривенская).

Опираясь на кубанскую паремиологию и рассказы информантов, в которых муж «пил, бил, гулял», можно констатировать наличие у понятия муж отрицательных концептуальных признаков, представляющих собой своеобразное триединство «пьянство — рукоприкладство — неверность».

Концептуально важной для характеристики понятия «муж» в сознании сельских жителей является семантическая оппозиция «трудолюбие — лень». На селе прожить без мужчины тяжело. Важнейшим качеством хорошего мужа в ДКМ является умение работать: *Муш был камбайнёр. Рабо'тать — душа' дало'й!* (станция Архангельская). *Муш был двухжы'льный, выно'сливый* (станция Родниковская). Напротив, лень и бесхозяйственность закономерно вызывают неприятие: *Муш был лянн'вый казача'ка* (станция Архангельская). *Амуш е'йный — межьдво'рка: ни лю'бить рабо'тать, зна'чить* (станция Кирпильская).

Обладая юмором и самоиронией, казачки подмечали недостатки мужа и относились к нему снисходительно (*Брак бачу и сама, шо чёловик без ума, а куды ёго динешь. Нема чёловика — купыла бы, а е — прода-ла бы*). Народная мудрость представляет жизнь без мужа как антинорму для женщины [Сокур, Адзинова, 2018, с. 113]. См. также песенный фольклор: *Ой, нэ лай ты його, моя матинко, Та пьяницу мого. Е у мэнэ диточки дрибнэньки. Бо як умрэ гиркий пьяница, Горэ будэ бэз його* («Розцвисталася червона калына»). Потеря мужа, даже горького пьяницы, для женщины большое горе.

Иметь хорошего мужа чрезвычайно важно: *Дивча'та, диржы'тися за харо'шыва му'жа как рипя'х за кожу'х* (станция Бриньковская). Однако каким бы хорошим муж ни был, для кубанской казачки дети важнее, они воспринимаются в народном сознании как когнитивная доминанта бытия: *Я вам, дивча'та, так скажу': чёлови'к нэ на ви'к, а ди'ты до гро'ба. Ди'ты — цэ для жэ'ничины са'мэ гла'внэ* (станция Старомышастовская).

Таким образом, при характеристике мужа указываются его реальные качества, он не наделяется какими-либо воображаемыми недостатками, что, как правило, фиксируется при оценке *чужих*. Такое представление

о муже в кубанском фольклоре и в речи носителей диалектов демонстрирует его принадлежность к кругу *своих*.

Диалектным наименованием жены в КГ является существительное *жи́нка*: нейтральное в КГУЯО и шутливо-ироническое в кубанских говорах с южнорусской языковой основой (далее — КГЮЯО). Слово *жи́нка* — гипероним для гипонимов *бобы́лка* «бездетная замужняя женщина», *бро́шенка* «женщина, оставленная мужем», *вдо́вка* «вдова», *молода́йка*, *молоды́ця* «молодая замужняя женщина, еще не родившая», *молоду́ха* «молодая замужняя женщина». Гиперо-гипонимическая парадигма содержит культурно релевантную концептуальную информацию, важность которой обусловила необходимость категоризации понятия «жена» посредством следующих концептообразующих признаков: наличие — отсутствие детей, родившая — еще не рожавшая женщина, наличие — отсутствие мужа, живущая с мужем — оставленная мужем.

Выбору супруги придавалось большое значение, поскольку предполагалось, что с ней нужно прожить всю жизнь: *Жинка нэ рукавыця — минять нэ годыцця*. К будущей жене предъявлялось много требований: растить детей, ухаживать за скотиной, работать по дому, в огороде, *сте [э] ну́*, что находит отражение в поговорках: *Ни сматри́ на де́вку, шо да цэ́ркви идэ́, а сматри́, шо да са́жа* (станция Некрасовская). *Ву́мна жона́, як е бо́чка пиона́, а як пшыно́ у вузли́, так и ум у гузни́* (станция Старонижестеблиевская). См. также другие мудрые советы: *Добру жинку взять — горя не знать. Выбирай дружину, шоб была работяца*. Важное качество жены — крепкое здоровье: *Чёлови́ку жы́нка ну́жна здоро́ва, а бра́ту систра́ бага́та* (станция Елизаветинская). Красота не была значимым критерием при выборе жены: *З красивого льця воды нэ пыть, а з жинкою вик жить*. Не случайно *Жинку выбирають нэ глазами, а ушамы*, т. е. больше ценились покладистость, кроткий нрав: *А вам, хло́пцы, када́ жэ́нытысь, шоп жы́нка хоро́ша була́, шо́бы зря ны ла́ялась* (станция Старомышастовская). Неоднозначно отношение к возрасту супругов. С одной стороны, среди казаков были распространены браки, в которых муж значительно старше жены (*Казак на кони, а дивка в пэлэни*). С другой — большая разница в возрасте не приветствовалась: *Бида, у кого жинка молода*.

В традиционной кубанской семье казачка должна была подчиняться и угождать мужу: *Прожыла́ я, дивча́та, усю́ жы́знь пид ногтём* (станция Старотитаровская). См. также: *Воля и хорошу жынку портэ*. Приведем рассказы о порядках в казачьих семьях, содержащие стереотипизированные микросценарии поведения женщины: *Када́ каза́к подб́ийжжа́е, жына́ должна́ воро́та му́жу открыва́ть*. — А если она не заме-

тила, что он уже подъехал? — *А хай выгляда'* (станция Дядьковская). *Каза'чка му'жа пачи'тывала. Муш пад'ежжа'ить — ана' схва'тываицца, аткрыва'ить варата'* (станция Попутная). *Чёлови'к до ха'ты вырта'ецця — на сти'л гото'втэ* (станция Азовская). Жена должна проявлять уважение к мужу, оставаясь в его тени. См. показательный контекст: *По'мню, как ради'тили разгава'ривали: «Шли таки'и, и ана' прёцца папэ'рэди, а он вза'ди». Ну как-та ни при'нята так бы'ла. Каза'к, мущи'на до'лжын итти' папэ'рэди* (станция Пластуновская).

Между тем казачка могла и постоять за себя, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания: *Жына' ви'дить: муш идёть и де'ржыть за та'лию сасе'тку. Ана' как папёрла на ниго': «Ах ты на'воль, варахо'ба!»* (хутор Братский). *А оды'н рас му'жа побы'лы дрючко'м* (станция Бриньковская). *Дет у на'с был, гавари'л ба'бе: «Щас ска'лки-кача'лки палучу'!» Ба'ба руга'ицца, вот гавари'т: «Кача'лку щас вазьму', те'ста как раската'ю тибе'!»* (станция Тверская). О женщине с крутым нравом говорили, что она мужа *подтопта'ла под каблу'к*.

Большинство контекстов отражают негативные стороны семейно-брачных отношений, что можно объяснить пессимизмом носителей ДКМ, заключающимся в актуализации отрицательных моментов действительности [Радченко, Закуткина, 2004, с. 25, 42]. Между тем зафиксированы рассказы и о счастливой семейной жизни: *С му'жым пражыла' два'иццать пять лет — как лёду. — Это как? — Харашо'* (станция Тверская). *Вот ужэ' шыися'т ади'н гот вме'сти. Биз ру'ганки ни быва'ит, но бы'стра астыва'им, ми'римся* (станция Успенская). Наиболее наглядно гармоничные отношения супругов отражаются в зооморфных сравнениях: *Мы никагда' ни разлуча'лись ф свае'й жы'зни. Мы как ле'бэди жылы'! Ф хати лёх — сумно' так, нэдо'бро, нэую'тно — нема'е жыны', хатя' ана' у мэ'нэ на рука'х умирла'. Вро'ди ужэ' и ажыда'л... И фсё равно' стра'шно, и фсё равно' жду я, и фсё равно' жду йиё, во'силь лет ужэ' жду* (станция Натухаевская). Этноспецифично использование уменьшительно-ласкательных диалектных наименований супругов: *Я на ёго ни каза'ла (ёго звать Ко'ля, мэ'нэ — Ве'ра). Вин на мэ'нэ Ви'ра нэ каза'л, я на ёго Ко'ля ни каза'ла. А чёлове'чик — жи'ночка, чёлове'чик — жи'ночка* (станция Ахтанисовская). Счастливых супругов старались приглашать сватами на свадьбу как залог благополучия зарождающейся семьи: *Я с му'жам харашо' жыла', паэ'таму миня' ча'ста прыглаша'ли свашкава'ть* (станция Линейная).

Рациональное осмысление жизненного опыта диалектной личностью приводит к осознанию того, что брак предопределен свыше, поэтому должен сохраняться независимо от того, счастливый он или нет: *З Бо'*

гом ны бы'цця, як жи'нка ны лю'бэ (станция Марьянская). По рассказам информантов, разводы случались и раньше, однако они были редки и вызывали осуждение: *Вот ски'кэ я зна'ю, ныхто' ны разво'дывся. Понажыва'ють дэтэ'й и живу'ть* (хутор Ананьевский). *Тут напро'буй, развиди'сь ж жы'нкай, иму' в па'ртии как даду'т чих-ных, а сича'с ви'дите, кака'я бизабра'зия* (станция Владимировская). Разведенным (разводны'м, разводя'щим) не просто было снова обрести семью: *Ана' была' развадя'ца и бо'льшы ни выхо'дила* (хутор Саньков). *Е'сли кака'я застаре'лая де'вушка пайдёт' за'муш за вдавца' и'ли за развадя'цива, то сва'дба абы'чна ни о'чинь бага'тая* (станция Ярославская).

Неодобрительная оценка современного отношения к замужеству находит отражение в следующих контекстах: *Вот сматрю' на тиливи'зару «Дава'й пажэ'нимся». Ду'маю: о! каки'и, жи'рнаи! Ей вон ни нра'вицца. Гля'ниш: тако'й муци'на! Зараба'туить, машы'ну име'ит, свой дом. А ана' кавы'рзуить, ка'бы ей вирталёт'ы. Ду'маю: о! каки'и, жи'рнаи! А мы...* (станция Бесстрашная). *Я до то'го пла'кала, як за'миж, выхо'дыла, а сча'с як иду'ть за'миж, так ыржу'ть як кобы'лы* (станция Новоберезанская).

Сложность и неоднозначность супружеских отношений раскрываются в многообразных житейских ситуациях, которые супруги переживают. Если муж и жена становятся *своими*, поскольку дают начало родству по крови, то принадлежность других некровных родственников к разным родам обуславливает их оценку друг друга не как *своих*, а как *чужих*. Фундаментальная семантическая оппозиция *свой* — *чужой* в лексико-семантическом поле «Некровные родственники» наиболее ярко выражается в отношениях свекрови / свекра и невестки, а также тещи / тестя и зятя.

Особенно показательна оппозиция *свекровь* / *свекор* и *невестка*. Невестка для родственников мужа «невесть что», «неизвестная», «незнакомая» (Н. М. Шанский и др., 1971, с. 287), поэтому оценивается негативно. Общепринятое слово *невестка* в КГУЯО имеет характерную огласовку *не[э/ы]ви'стка*, в КГЮЯО зарегистрирован структурный вариант *невещо'нка*. В КГ функционируют также существительное *сноха'* и его акцентно-словообразовательный вариант *сношу'ха*. Этимологическая версия, возводящая существительное *сноха'* к *сыно'хе*, буквально — «жена сына» (Н. М. Шанский и др., 1971, с. 419), позволяет рассматривать *сноху* как принадлежащую миру *своих*. Таким образом, в номинациях жены сына с корнями НЕВЕ (И) СТ- и СНОХ- заложено отношение к женщине со стороны родственников мужа и как к *чужой*, и как к *своей*. Семантика слов *сноха'* и *неве'стка* претерпела изменения: *снохой* раньше называл

жену сына только его отец, затем оба родителя, а невесткой — родители мужа и все остальные родственники. Процесс семантического развития ЛЕ *сноха* и *невестка* отражается в толковых словарях русского языка (Толковый словарь русского языка; Словарь современного русского литературного языка, VII, с. 736; XIII, с. 1512; Словарь русского языка, II, с. 426; IV, с. 167; Большой толковый словарь русского языка, 1998). Устаревшими являются лексемы *молода́йка* «младшая невестка» и *ятро́вка* «невестка, жена брата мужа», находящиеся со словами *неве́(и)стка* / *невещо́нка* в родо-видовых отношениях (как гипонимы и гиперонимы). Семантическое размежевание этих ЛЕ вызвано тем, что раньше семьи были большими и в них могло быть несколько невесток.

Психологическое отторжение невестки от семьи прослеживается в бытующей на Кубани паремии: *Невистка — чужа кистка*. Приведем ее с объяснением информанта: *Нэви́стка — чужа́ ки́стка. Цэ зна́чит, шо чужа́ дьты́на, чужо́й ко́сти дьты́на, нэ твоя́, всэ равно́ бу́дэ нэ родня́* (станция Старотитаровская). Высказанную мысль подтверждает фрагмент беседы, записанной в станице Зассовской: *Мы са свикру́хай дру́жна жы́ли. А ана́ да до́чки пашла́ жыть и ни ужыла́сь с радно́й до́чкэй. Я ей гаварю́: «Ма, ну чё Вы уxóдिति?» А ана́: «Зна́иш, Зи́на, ты всё равно́ мне чужа́я чужы́на, а э́та ш до́чка радна́я».*

Стереотипное отношение к невестке как к причине всех бед выражается и в следующих диалогизированных паремиях: — *Хтось усра́всь? — Ныви́стка. — А дэ вона́? — Та ви́вци пасэ́, а виттиля́ ви́тэр нысэ́* (станция Старотитаровская) / — *Хтось набзди́в? — Нэви́стка. — Так вона ж корову́ пасэ́. — Так видти́ль жэ ви́тэр нэсэ́!* (ср. функционирование этих сценариев ритуального отталкивания невестки от рода в украинской паремике [Марфина, 2018, с. 285]). Многочисленны контексты, указывающие на лень, бесхозяйственность, неаккуратность, плохой характер невестки: *Ана́ (невестка) пло́ха за дитя́ми смо́трит: ани́ у ниё́ ве́чна зацу́цканныи* (поселок Пашковский). *Внук жыны́всь, взяв таку́ зачу́ханку* (поселок Пашковский). — *Невестка ваша хорошая хозяйка? — Яка́ там харо́ша! Засэ́ря, за́сранка!* (станция Старотитаровская). *Нэви́стка попа́лась с кандибо́биром — мы до йи́х и ны хо́дъм* (станция Старотитаровская). В семье мужа невестка ассоциируется со злом. Показательно, что в КГ функционирует фразеологизм *неве́стке на отме́стки* «назло» (ср. фразеологизм *невестке в отместку* (сделать что-либо) «отплатить за обиду обидой» (Большой академический словарь, т. 7, с. 736). Пресуппозициональный пласт ДФЕ демонстрирует, что невестка совершила или может совершить нечто такое, за что заслуживает *отместки*.

Недоброжелательное отношение к невестке проявляется в желании нагружать ее работой: *Було́ такэ́ ра́ньшэ: ныви́'стку во́зьмутъ, она́ ра́но встает́ и борц ва́рэ и свыкру́'хы нэсэ́ куштува́'ть* (станция Новотитаровская). *Идэ́'ш за́'миж — знай, шо трэ́'ба ни́зно лягты́, ра́но встает́'ты. А щас...* (станция Сергиевская). Зафиксированы контексты, свидетельствующие о доброжелательном отношении к невестке: *Пришла́ да му́жа жыть. Миня́ там харашо́ при́няли. Ани́ миня́ паджа́-ливали: я ш ху́'диньякая была́, ру́чки то́нинькии, жы́'лочки наскро́'сь святы́'лись, жале́'ли* (село Кулешовка).

В традиционном представлении носителей КГ к положительным качествам жены сына относятся ее хозяйственность, аккуратность, трудолюбие, забота о детях: *Ниве́'стка папа́'лась чисто́'ха, грех жа́'лавацца* (станция Зассовская). *Ниве́'стка харо́'шая. В до́'ми чи́'ста всё, харашо́. Даде́'льница!* (станция Константиновская). *В мэ́'нэ нэви́'стка така́ сэмиди́'лыха: и жа́'рэ, и па́'рэ, и за дыты́'ной ды́'выцца* (станция Новокорсунская). Паремия *Нэ в тим дило, скількэ́ нэвистка йистъ, а в тим дило, куды крохы со стола згортае* представляет собой своеобразный тест, по которому определяли плохую или хорошую хозяйку: если невестка съедает оставшиеся на столе после еды крошки или относит их скотине — значит, хорошая хозяйка, а если сметает их на пол — значит, плохая. Вопреки стереотипному представлению о второстепенности внешних данных невестки, часто ее красота становилась предметом гордости семьи мужа: *Ниве́'стка — краса́'вица, краснащэ́кая, уве́'жливая, краси́'вая* (станция Кубанская). *Им гаваря́'ть, ну смю́'цца: «Взя́-ли ниве́'сту: ни пад мишо́'к, ни пад гаршо́'к!» А ани́'вро́'ди захища́-ють: «Нам ни мишки́'наси́'ть, нам ли́'ж бы двор краси́'ть!»* (станция Родниковская).

Концепт «невестка» наиболее ярко объективируется в семантической оппозиции *невестка — свекровь*. Слово *свекро́'вь*, согласно народной этимологии, ассоциируется со словосочетанием *своя кровь*, этим обозначено принятие жены в семью мужа через кровь — рождение детей. Носители КГ наряду с общенародным словом *свекро́'вь* активно используют его нейтральные структурные диалектные варианты: *свекру́'ха, свекро́'вка, свекро́'вья, свекруся, свекру́'шка, свёкра*, экспрессив *свеку́'рва* (*ку́'рвой* в русских говорах называют «сплетницу, плутовку, хитрого, лицемерного человека») [Словарь русских народных говоров, т. 16, с. 113]).

Свекровь проявляет свое отношение к невестке, опираясь как на «стереотипные представления, так и на сформированные на основе непосредственного опыта» [Новоселова, Храмцова, 2012, с. 199]. См. послови-

цу: *У хорошей свекрухи сноха без шлычки и во двор не выйдет*, где *шлыч-ка* «головной убор замужних казачек, надеваемый на пучок волос». В паремийном тексте раскрывается важная роль свекрови — следить за тем, чтобы поведение и внешний вид снохи соответствовали принятым в казачьем сообществе нормам.

В традиционной казачьей семье свекровь стремилась подчинить невестку своей воле. Приведем высказывание информанта о прошлой жизни: *Цэ ж як жылы': свикру'хы булы', а ниве'стки паткаря'лыся* (станция Новотитаровская). Невестки должны были угождать матери мужа: *Рас свикро'вы дагади'ш, бу'диш харо'шая* (станция Архангельская). *Опя'ть жэ свэкру'хы ны угоды'ш: то чэ'тверть ны побан'ныш...* (станция Калужская). *Ма'чихи на'да було'годы'ть, за'миж вы'шла — свэкру'хы на'да годы'ть* (станция Старотитаровская). Эта мысль отражается в песенном фольклоре: *Ой, свэкруси годы* (угождай) — *сорочку пэры* (стирай), *Ой, свэкруси годы — головку чеши* («Ты ходыла Марусэнька по крутий гори»). Подчиненное, почти бесправное положение невестки демонстрируют фрагменты рассказов информантов: *В кино'итты', ста'ну просы'ть. А вона'* (свекровь): *«Ны'чэго разно'сыть гро'щи»* (станция Копанская). *Дитэ'й сажалы за кру'глый стил — сы'рно. И тут, за сы'рном, ми'сто ныви'сткы. Сажалют, е'сли шо доста'нэцця йши'. А то, мо'жэ, и нычэго нэ доста'нэцця* (г. Славянск-на-Кубани).

Многие носители КГ отмечают существенные изменения в отношениях свекрови и невестки: *Ны'нчи сно'хи ни дю'жы слушають, чуть шо ни та'к — сра'зу свикро'вки куде'лю сыгра'ють* (станция Новолабинская). *Цэ щас, от сматрю': маи'диты таки'цыка'ви, ска'жыш, шо ты...* *А ра'нышы, ба'чиш, сказа'ла свэкру'ха...* (село Первореченское). *От ра'нышэ було': ди'вчина выхо'дэ за'миж, она' потчиня'лась свэкру'хи. А сича'с и ро'дной ма'тэри нэ хо'че потчиня'цця* (станция Пластуновская.).

Напряженные отношения между свекровью и невесткой «обусловлены разнородными факторами, в том числе и фактором использования языка» [Байкулова, 2014, с. 40]. В основном недовольство друг другом свекровь и невестка выражают в словесной перепалке. Этот сценарий поведения воплощен в паремийном тексте-максиме: *Ночна(я) кукушка / зозуля дневну(ю) перекукует*. Данная пословица, в которой свекровь и невестка представлены в образе кукушки / зозу'ли, выражает существующую в народном сознании мысль о большем влиянии жены на мужчину, чем его матери. Свекровь убеждена в том, что сын находится под влиянием жены, и это вызывает у нее неприятие: *Нэви'стка сы'на захамута'ла* (хут. Саньков). *Ве'рка* (невестка) *Ви'ткы захамута'-*

ла, он типе'рь биз ниё ша'гу ни сту'пит. Как ана' ска'жыт, так ы бу'дит (г. Усть-Лабинск).

Негативная маркированность концептуальной корреляции «свекровь — невестка» подтверждается и стремлением свекрови настроить сына против жены: *Свикру'ха ёго'пря'мо е'дом е'ла, щё ви'н миня'взяв з ма'лой дыты'ной* (станция Бородинская). *Я слы'шала, как начи'на'ют други'е свикро'ви сы'ну начи'тывать, што ана'ни так zde'лала и'ли ни паслу'шала* (станция Платнировская). Информанты описывают случаи, когда свекровь прибегала даже к черной магии: *Моя'до'чичка вы'шла за'муш, а мать йиго'ей поде'лала. Она'мо'жэ причарова'ть, мо'жэ и на сме'рть. Як она', моя'до'чичка, пожыла'з ным полго'да и начала'горе'ть: со'хла-со'хла бе'днэнька. А мнэ сра'зу каза'ли: «Ей поде'лано, ей поде'лано»* (хутор Незаймановский). *Я бале'ла си'льна, и все гаваря'т, шо ана', свикру'ха, мне zde'лала* (станция Родниковская). Микросценарий поведения свекрови, советующей сыну жестоко обращаться с женой, проигрывается и в песенном фольклоре: *Маты сына науча: «Ой, ты сыночку мий, Ой, ты сыночку мий, ты дэтына моя. Чом ты жинку нэ бьеш, чом ийий нэ лаеш* («В мэнэ батэнько свит»); *Пиды, сыну, на ярмарок пишкы, та купы, сыну, дротяну нагайку. Купы, сыну, дротяну нагайку, Та й бый жинку с вечор и до ранку* («Ой, на гори васылэчки сходять»).

Изменения в укладе современной семьи, когда усиливается влияние женщины, привели к тому, что широко бытующая в КГ поговорка *Лучше у сына пид столом, чем у зятя за столом* претерпела следующие трансформации: *Лучше у зятя пид столом, чем у сына за столом; Лучше у зятя пид столом, чем у нэвисткы за столом*. Приведенные паремии демонстрируют психологическое отторжение свекрови от невестки. См. также высказывание информанта: *Я ей сказа'ла: «Куды'ты пайде'ш? К ниве'сткам? Хвасты'паднаси'ть („угодничать”)?»* (станция Новолокинская).

Между тем их взаимоотношения могли складываться по-разному. Одни информанты отзываются о свекрови негативно, вспоминают ее тяжелый характер, несправедливые обиды и упреки, другие говорят о матери мужа с благодарностью (она помогала по хозяйству, нянчила детей, даже защищала невестку от побоев мужа — своего сына). Ср. высказывания диалектоносителей: *Ну свикро'вья, ана'нимно'шка з душко'м была'* (станция Архангельская). *Свикру'ха така'лю'та ба'ба була'* (станция Бородинская). *Свикро'вья была'дю'жэ скупна'и ни любви'ла миня'* (село Новопавловка). — *Свикро'вь харо'шая была', нируга'тильная. Я никагда'на ниё ни абижа'лась. Памага'ла*

(станция Воздвиженская). *Свыкро'вья харо'шая была'. Он миня' рас хате'л наби'ть, а свыкро'вья защити'ла: «Ты е'сли ру'ку пртя'ниш, я тибе' иё атабью'»* (станция Михайловская). *Спаси'ба ей* (свекрови) *за усё, што ана' дите'й маи'х вы'глядела* (станция Передовая). Часто после смерти сына свекровь оставалась жить с невесткой, которая до-сматривала ее: *Муш у'мир, я оста'лась са свикро'вьей. Я свикро'вью ни-куда' ат сибя' ни аткида'ла, вот у э'тай ха'ти мы с ней жы'ли* (ста-ница Архангельская). Использование информантом возвратного ме-стоимения в выражении *от себя' не откида'ть* по отношению к све-крови свидетельствует, что она в сознании невестки находится в бли-жайшем родственном окружении.

Двойственное отношение невестки к свекрови отражается и в фольк-лорных произведениях. Так, в песнях кубанских казаков «Ой, пиду я до гаю», «Ой, у поли риченька» с одинаковым двустижием «Збудуй / здобудь (мылый) хату з лободы, а в чужую нэ воды. Бо чужая такая, як свэкруха лыхая» слово *свэкру'ха* имеет отрицательный эпитет *лыха' (я)*. Приведенные песенные строчки в редуцированном виде зафиксирова-ны в речи информантов: *Ой, дивча'та: чужа' ха'та така', як свыкру'ха лыха'* (станция Елизаветинская). На доброжелательное отношение к ма-тери супруга настраивает обрядовая лирическая песня «Суботонька, нэ-дэлинька, як одын дэнь»: *Ой назаву я «свэкрушенька, та й нэ гожэ», / Ой назаву я «матинькой», мылый гожий*. В станице Зассовской у слова *све-кро'вь* зафиксирован синоним *ма'тушка*. При этом на Кубани во мно-гих семьях до сих пор принято называть мать мужа мамой, а отца — па-пой, отцом, батенькой, что восходит к древнему обычаю приравнять свойственное родство к кровному, воспринимать *чужое* как *своё*. Двоя-кое отношение к свекрови характерно для русской лингвокультуры [ср. Пономарева, 2015, с. 187].

Двойственностью характеризуются и отношения невестки со све-кром. С одной стороны, отец мужа мог быть для молодой хозяйки за-ступником: *Ба'тинька жале'л миня', как ате'ц* (станция Некрасов-ская). С другой — зафиксированы воспоминания, в которых рассказы-вается о его излишней строгости, даже грубости: *Простоволо'су ри'т-ко побачиш. Цэ ти'льки хто там до'ма, би'ля не'чки, як жа'рко воно'и. Тай ще' сви'кор нагарчи'ть: «Шо па'тли роспусты'ла!»* (станция Старомышастовская).

В КГУЯО лексема *свёкр* имеет специфичную огласовку [*свэкр*], [*св'и'кор*]. В проанализированных материалах рассказы о свекре не-многочисленны. Это обусловлено объективными причинами: невест-ка не так часто взаимодействовала со свекром, поскольку он не участ-

вовал в женских хозяйственных делах. Отсюда бытующее на Кубани УС *як свєкр пєлюшкы' стира'ть / прать* «о чём-л. маловероятном, невозможном»: — *Вот ищє гаваря'т: як свєкр пєлюшкы' стира'ть*. — Это долго? — *Та эта вапице' нивазмо'жна прицта'вить*. Э'тава ни мо'жит быть, штоп свєкар, и он стира'л пєлюшки'. Э'та луна' ле'хчи упадєт, не'жыли тако'е праизайдєт (станция Натухаевская). Не приветствовал свєкр и стремление сына помочь жене: *Я пєлєнкы постира'ла*. Муш говори'т: «Дава'й, я пиду' пове'шаю!» А оте'ц и говоры'т: «Пытро', шо ты за коза'к, шо ты пєлюшкы' ви'шаиш?!» И прыцтавля'иш, мы и ны жы'лы, та'к ы розийшы'сь. Ота'к пєлюшкы'... (станция Марьянская).

Свєкра и свєкровь в КГ называют *све'[э/е]кры* (ср. *батьки'(ы')*, *отцы'* «отец и мать», *деды'* «дед и бабушка»), при этом для родителей жены в КГ общее наименование отсутствует.

Лексемы *тєсть* и *тєща* образуют универсальную семантическую оппозицию со словом *зять*. Поскольку в старину принято было молодым жить в доме мужа, отношения зятя с тестем и тещей, как правило, отличались неконфликтностью. К родителям жены приезжали только погостить, в силу чего в народном сознании о них сложилось мнение как о гостеприимных хозяевах: *У хорошєй тєщи зять нє будє тощий*. В дореволюционном словаре Л. К. Розенберга зарегистрирована ДФЕ *увидеть тєщу* «напиться до тошноты» (Л. К. Розенберг, 1908, с. 37). Вероятно, в ее основу положена прототипическая ситуация обильного и долгого застолья зятя у тещи в доме. В КГ бытует также идиорефлекс *не у (в) тєщи в (у) гостя'х*, используемый в случаях, когда человек попадает в некомфортную для него ситуацию.

Теща часто воспринимается зятем как вторая мать, для которой муж дочери — любимый сын. Она переживает за него, жалеет его, ценит: *Зять бале'ить, тако'й заблєклый стал* (станция Некрасовская). *Зять у мене' тако'й ба'сливый, тако'й жа'ласливый* (станция Новолабинская). Зять в благодарность помогает по хозяйству, проявляет заботу: *Дочки'н муш (зять) помо'х стро'ицца* (хутор Ананьевский). *А тєпэ'р ужэ' до смэ'рти дожива'ю, жду смэ'рти*. *Зять ка'жэ: «Оддыха'й тэпэ'р»* (станция Стародеревянковская). Отсюда желание многих женщин, имеющих и сына, и дочь, доживать в старости в доме зятя: *Лучше у зятя под столом, чем у сына за столом*.

Между тем зарегистрированы высказывания, в которых упоминается неприязненное отношение зятя к тестю и теще: *Зять на на'с смо'трит бузаєм* (станция Бородинская). *Зять гру'бый, он мо'жит и ма'там сруга'цца* (станция Успенская). *Прые'хали да до'чки в Краснада'р, а зять с на'ми крозь зу'бы* (г. Усть-Лабинск).

К отрицательным характеристикам зятя родители жены прежде всего относят склонность к алкоголю: *Зять — каплю́ жник и шалапу́т* (станция Васюринская). *Зять твирёзый и зло́й хо́дит* (станция Зассовская). *Зять с утра́ пья́ный, глаза́ ва флю́гер. Кака́ я типе́рь рабо́та. Паго́нят с рабо́ты!* (станция Кущёвская). *Зять выпива́ит, до́чка жа́луица. А я гаварю́: ба́чили о́чи, шо купува́лы. Я, када́ ани́ рышы́ли пажыни́цца, гавары́ла, шо сматры́: у них ба́тько пьёт* (поселок Пашковский). Неодобрение вызывают лень, бесхозяйственность зятя, отсутствие у него мастеровитости: *Зять с Краснода́ра, хоти́ в вы́шню попиля́ть, а сам пилу́ в рука́х ны дыржа́в. А я кажу́: «С чужо́го коня́ сэра́дъ доро́гы гэть!»* (станция Елизаветинская). *Зять взя́вся машы́нку стира́льну пачини́ть, та ни пачини́в, а далама́л. Ни кава́ль, так ы рук ни пага́нь!* (поселок Пашковский). *Зять хо́дэ и на мотню́ наступа́: нычэго́ нэ хо́че до́ма робо́ть* (станция Старотитаровская).

На основе проанализированного диалектного материала можно реконструировать образ идеального мужа для дочери, выделив в понятии «зять» следующие концептуальные признаки: непьющий, работающий, мастеровитый, обходительный, здоровый. Представляется, что именно на эти качества указывает местоимение *такы́й* в следующем высказывании диалектоносителя, записанном украинским собирателем В. Билозерским на Кубани еще в XIX в.: *Зять як бы мэни зять такый, я б ноги мыв та юшку пыв* [Чалов, 1981, с. 30]. Желание тестя и тещи иметь хорошего зятя выражается и в свадебном присловье: *Будь, зятю, добрэсэннький, як кужух тэплэсэннький*.

В лексико-семантическое поле «Некровные родственники» входят также в диалектные номинации братьев и сестер мужа и жены: *ди́вер / ди́верь* «деверь, брат мужа», *золовы́ця / зовы́ця / зовы́ца* «золовка сестра мужа», *шуря́к* «шурин, брат жены», *свая́чена / своя́ченка* «свояченица, сестра жены». Восприятие в языковом сознании носителей КТ этих некровных родственников как *своих* вербализуется по-разному: благодаря прозрачной внутренней форме (корень СВОЙ- в ЛЕ *свая́чена / своя́ченка*), наличию синонимов, номинирующих в первом значении кровных родственников (*у ди́вера / ди́веря — бра́тка, у золовы́ци / зовы́ци / зовы́цы — ня́ня* (первый ЛСВ — «старшая сестра») и *сестру́шка*). Между тем у понятия *золо́вка* можно выявить концептуальные признаки *злая, хитрая, коварная* на основе широко известного паремийного текста *Золовка — змеина(я) головка* и ассоциации лексем с существительным *зло*, что позволяет отнести сестру мужа и к миру *чужих*. В традиционной кубанской семье невестка должна была угождать не только свекрови, но и золовке, взяв на себя большую часть обязан-

ностей по дому. Показательны строчки казачьей песни «Ты ходыла Марусенька по крутий гори»: *Ой, зовыщи годы — русу косу чеши, Та дэрги в свитльци всэ чистэнько.*

Проанализированные наименования братьев и сестер мужа и жены в отношении к их новому родственнику и друг к другу находятся на периферии анализируемого микрополя, что обусловлено снижением их актуализации в языковом сознании диалектоносителей ввиду изменений традиционного семейного уклада — распада большой семьи. В русском литературном языке, как отмечают исследователи, происходит замещение этих номинаций набором описательных оборотов типа *брат мужа* вместо *деверь*, *сестра жены* вместо *свояченица* и т. п.

В КГУЯО жену дяди называют словом *дя́ды(и)на*, омонимичным общерусскому притяжательному прилагательному *дядин(а)*. Лексема имеет параллели в других русских говорах, напр. архангельских — *дейна*, *деенка*, *дедина* и др., и относится, по выражению И. Б. Качинской, к наиболее «экзотическим» из сохранившихся терминов свойства [Качинская, 2016, с. 219]. Во внутренней форме данного диалектизма эксплицитно заложен концептуальный признак *свой* как «принадлежащий дяде — кровному родственнику».

Колоритный пласт образуют в КГ ДФЕ, номинирующие дальних или фиктивных родственников. Функциональная энергетика подобных устойчивых выражений, обладающих ярко выраженной иронической коннотацией, как справедливо отмечает В. М. Мокиенко, обусловлена тем, что они созданы по узнаваемым языковым моделям [Мокиенко, 2018, с. 305–306]. В речи носителей КГ активно функционирует фразеологизм *седьмая вода на киселе* с характерной для КГУЯО огласовкой *сидьма́ вода́ на кисили́*. В местных говорах фразеологизм имеет диалектный нумерологический вариант *пя́та(я) вода́ на киселе́ /и́*. Исходный образ этого выражения вытекает из традиционного в русских деревнях способа приготовления киселя [Федоров, 1980, с. 33]. Характеристика дальнего или мнимого родства возможна и через другие привычные сельскому человеку реалии — забор, плетень (*на́ шему забо́ ру двою́ родный плете́нь*). Закономерно включение во фразеобразовательную основу наименований человека. Причем в этих оборотах используются как антропонимы, так и нарицательные существительные, номинирующие родственников, к которым относятся и работники, поскольку в народном сознании семья традиционно понимается как совокупность всех живущих в одном доме, ведущих совместное хозяйство (работники, нанятые на время сезонных сельскохозяйственных работ, в этот период разделяли с хозяевами пищу и кров). Зарегистрированные идиомы мож-

но объединить в два фразеологических гнезда на основании сходства механизмов фразообразования, выявление которых дополняет знания о характере когнитивных процессов в сознании носителей КГ: 1) *Петро' / Васы' ль ба' бе ри' дный Хве' дир, як двою' родного Хве' дира ку' ма сват; Це В' аська мое' й ба' бе тётка*; 2) *Ку' мыной сва' хи молотныкы' ; Ди' дова су- си' да молотныкы' (молотни' к — тот, кто молотит (Словник української мови, IV, с. 791); Роды' на — ку' мового найми' та дety' на (найми' т «наёмный работник»)*. Ироничное отношение к дальнему родству подчеркивается алогичностью компонентов ДФЕ — *че' рез доро' гу на (в) при' (ы') сядки(ы)*. Доминантой выражения *як чётр кози' дя' дько* является демонизм *чётр*. Как свидетельствует иконография, *чётр* заимствует большую часть своих черт от *козла*: обладая звероподобной внешностью, он имеет рога, копыта и хвост, что, с одной стороны, допускает родственную связь черта и козы, отраженную в устойчивом выражении. Однако, с другой стороны, согласно народным представлениям, *коза* объединяет в себе черты как нечистой силы, так и оберега от нее, что создает неоднозначное представление о родстве козы и черта. Идея родственности / неродственности подчеркивается лексемами *дя' дько* и *чётр*, репрезентирующими парный концепт «свой — чужой».

Языковой материал показал, что в ДКМ жителей Кубани некровные родственные отношения эмоционально насыщены. В лексико-семантическом поле «Некровные родственники» ярко реализуется архетипическая оппозиция *свой — чужой*. Традиционно противопоставление данных концептуальных признаков выражается в отношениях свекрови / свекра и невестки, а также тещи / тестя и зятя. ЛЕ, номинирующие мужа, жену, деверя, золовку, шурина, свояченицу, обозначая *чужих* по крови, приобретают концептуальный признак *свой* за счет разнообразных языковых средств. Одно из них — паремийная поддержка, способствующая появлению у номинаций некровных родственников концептуальных признаков, позволяющих относить их к миру *своих*. Аналогичную роль играют и контекстные средства семантической поддержки конститuentов данного поля. У некоторых терминов свойства семантический компонент *свой* содержится в их внутренней форме. К лексическим средствам относится наличие синонимов, номинирующих в КГ также и кровных родственников. Возможны формальные показатели принадлежности к *своим*: грамматические признаки (отсутствие формы ед. ч., создающее прагматический эффект восприятия поженившейся пары как единого целого; отнесенность номинации мужа и жены к общему роду); словообразовательный (выражение семантики *своего* за счет суффикса -ИН). Семиотическая оппозиция *свой — чужой*, проявляясь в лексико-семантическом поле «Не-

кровные родственники», респондирует культурно значимые представления жителей Кубани о категории свойства.

Языковой материал свидетельствует о двойственности отношений между некровными родственниками, демонстрирующей как сохранение стереотипизированных образов и сценариев жизненных ситуаций, так и их трансформацию. В большей части зарегистрированных контекстов отражаются негативные стороны семейно-брачных отношений, что обусловлено пессимизмом ДКМ — актуализацией диалектоносителями отрицательных моментов действительности. Этнокультурно релевантную информацию транслирует категоризация отдельных понятий свойства посредством важных для носителей КГ концептообразующих признаков. На периферии находятся номинирующие дальнюю родню фразеологизмы, основной прагматический признак которых — ярко выраженная ироническая коннотация.

На основе проведенного исследования можно заключить, что система отношений между некровными родственниками совмещает в себе устоявшиеся и изменившиеся лингвокультурные представления о семейно-брачных отношениях жителей Кубани.

Библиографический список

Байкулова А. Н. Факторы дисгармонии в общении некровных родственников, свекрови и невестки: пути урегулирования конфликтного взаимодействия // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2014. Вып. 14.

Бондарь Н. И. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос — пространство — время // Дерево жизни: очерки традиционной народной культуры. Этнография, антропология, семиотика. Краснодар, 2019.

Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216270>

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3. URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/klyuchevye-idei-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira>

Качинская И. Б. Термины свойства в архангельских говорах: жена сына — невестка, сноха, молодка // Вестник Костромского государственного университета. 2016. № 3.

Марфина Ж. В. Вербализация стереотипа свойских отношений в русских и украинских паремиях // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литературы. Симферополь, 2018.

Мокиенко В. М. Структурно-семантическая модель в Полном фразеологическом словаре русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб, 2018.

Новоселова О. А., Храмцова Л. Н. Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9.

Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «свой — чужой» как способ объективации концепта «теща / свекровь — mother-in-law» в русской и английской лингвокультурах // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 11 (151).

Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6.

Смирнов Е. С. Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья // Филология и человек. 2022. № 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/560/249>

Сокур Е. А., Адзинова А. А. Микроконцепты «муж» и «жена» в русской лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2018. Вып. 2 (217).

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология языка. Новосибирск, 1980.

Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Источники

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани. Армавир, 2009.

Андрющенко В. И., Иванова Р. И., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Фразеологический словарь говоров Кубани. Армавир, 2006.

Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков. URL: https://imwerden.de/pdf/bigdaj_pesni_kubanskikh_kazakov_1992__ocr.pdf

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание. СПб., 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар, 2018.

Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику. Армавир, 2019.

Розенберг Л. К. Некоторые своеобразные и малопонятные слова, вошедшие в говор станиц Северного Кавказа: пословицы, поговорки с примечаниями, объясняющими значение некоторых слов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып. 38.

Русский говор Кубани (РГК): Словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. Деп. В ИНИОН РАН. № 47266.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–40), С. А. Мызников (вып. 41–51). М.; Л.; СПб., 1955–2017.

Словарь русского языка: в 4 т. М., 1985–1988.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950–1965.

Словник української мови: в 11 т. Київ, 1970–1980.

Ткаченко П. И. Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар, 2008.

Толковый словарь русского языка: в 4 тт. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

References

Baykulova A. N. *Faktory disgarmonii v obshchenii nekrovnykh rodstvennikov, svekrovi i nevestki: puti uregulirovaniya konfliktного vzaimodeystviya*. [Factors of disharmony in the communication of non-blood relatives, mother-in-law and daughter-in-law: ways to resolve conflict interaction]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii*. [Problems of speech communication]. Saratov, 2014. Iss. 14.

Bondar' N. I. *Kubanskoe kazachestvo v kontekste problemy: etnos — prostranstvo — vremya*. [Kuban Cossacks in the context of the problem: ethnos — space — time]. In: Bondar' N. I. *Drevo zhizni: ocherki tradicionnoy narodnoy kul'tury. Etnografiya, antropologiya, semiotika*. [Tree of life: essays on traditional folk culture. Ethnography, anthropology, semiotics]. Krasnodar, 2019.

Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. [Understanding cultures through keywords]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24216270>

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira*. [Key ideas of the Russian language picture of the world]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. 2002. No. 3. URL: <https://strana-oz.ru/2002/3/klyuchevye-idei-russkoy-yazykovoy-kartiny-mira>

Kachinskaya I. B. *Terminy svoystva v arkhangel'skikh govorakh: zhena syna — nevestka, snokha, molodka*. [Terms of relatives by marriage in Arkhangelsk dialects: nevestka, snokha, molodka]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Kostroma State University]. 2016. No. 3.

Marfina Zh. V. *Verbalizatsiya stereotipa svoyskikh otnosheniy v russkikh i ukrainskikh paremiyakh*. [Verbalization of the stereotype of relations between relatives by marriage in Russian and Ukrainian proverbs]. In: *Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literature*. [Dialogue of cultures. Theory and practice of teaching languages and literatures]. Simferopol', 2018.

Mokienko V.M. *Strukturno-semanticheskaya model' v Polnom frazeologicheskom slovare russkikh narodnykh govorov*. [Structural-semantic model in the Complete phraseological dictionary of Russian folk dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018*. [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2018]. St. Petersburg, 2018.

Novoselova O.A., Khramtsova L.N. *Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira*. [Daughter-in-law and mother-in-law in the dialectal picture of the world]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2012. Vol. 11. Iss. 9.

Ponomareva E.Yu. *Kontseptual'naya oppozitsiya «svoe — chuzhoy» kak sposob obektivatsii kontsepta «teshcha / svekrov' — mother-in-law» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh*. [Conceptual opposition «native — alien» as a mean of concept «mother-in-law» objectivization in Russian and English linguistic cultures]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2015. Vol. 20. Iss. 11 (151).

Radchenko O.A., Zakutkina N.A. *Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskii fenomen*. [Dialectal picture of the world as an idioethnic phenomenon]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Questions of linguistics]. 2004. No. 6.

Smirnov E.S. *Subkontsepty «otets' i «mat'» v traditsionnoy lingvokul'ture Severnogo Priangar'ya*. [The subconcept «father» and «mother» in the average linguoculture of the Northern Angara region]. *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2022. No. 1. URL: <http://journal.asu.ru/pm/issue/view/560/249>

Sokur E.A., Adzinova A.A. *Mikrokontsepty «muzh» i «zhena» v russkoy lingvokul'ture*. [Microconcepts «husband» and «wife» in Russian linguistic culture]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie*. [Bulletin of the Adyghe State University. Series: Philology and Art History]. 2018. Iss. 2 (217).

Fedorov A.I. *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya yazyka*. [Siberian dialectal phraseology of the language]. Novosibirsk, 1980.

Chalov V.P. *Istoriko-lingvisticheskij ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchij ego istoriyu, voennyj byt i duhovnuyu kul'turu*. [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks, reflecting its history, military life and spiritual culture]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1981.

List of sources

Andryushchenko V.I. i dr. *Slovar' kubanskih govorov. Krasnodarskij kraj: vostochnyj region Kubani*. [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar territory: Eastern region of Kuban]. Armavir, 2009.

Andryushchenko V.I. i dr. *Frazeologicheskiy slovar' govorov Kubani*. [Phraseological dictionary of Kuban dialects]. Armavir, 2006.

Bigday A. D. *Pesni kubanskikh Kazakov*. [Songs of the Kuban Cossacks]. URL: https://imwerden.de/pdf/bigdaj_pesni_kubanskikh_kazakov_1992__ocr.pdf

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Great Dictionary of Russian language]. Ch. ed. S. A. Kuznetsov. First edition. St. Petersburg, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskih govorov*. [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar, 2018.

Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo linejnogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku. [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: materials for the dictionary-reference]. Armavir, 2019.

Rozenberg L. K. *Nekotorye svoeobraznye i maloponyatnye slova, voshedshie v govor stanits Severnogo Kavkaza: poslovitsy, pogovorki s primechaniyami, ob'yasnyayushchimi znachenie nekotorykh slov*. [Some peculiar and obscure words included in the dialect of the villages of the North Caucasus: proverbs, sayings with notes explaining the meaning of some words]. In: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza*. [Collection of materials for describing the areas and tribes of the Caucasus]. 1908. Iss. 38.

Russkij govor Kubani: slovar'. [Russian dialect is the Kuban]. Edited by E. P. SHEjninov and E. F. Tarasenkovo. Krasnodar, 1991. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266.

Slovar' russkih narodnyh govorov. [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. by F. P. Filin (vol. 1–23), F. P. Sorokoletov (vol. 23–40), S. A. Myznikov (vol. 41–50). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, 1955–2017. (SRNG)

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of Russian]. In 4 vols. Moscow, 1985–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Moscow, Leningrad, 1950–1965.

Slovník ukrajinš'koi movi. [Dictionary of Ukrainian]. In 11 vols. Kiev, 1970–1980.

Tkachenko P. *Kubanskije poslovitsy i pogovorki*. [Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, 2008.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117

Shanskiy N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkiy etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Brief etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, 1971.

А. И. КУПРИН И «МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО»: ИСТОРИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Ю. С. Ромайкина

Ключевые слова: Куприн, «Московское книгоиздательство», литературные сборники «Земля», Блюменберг.

Keywords: Kuprin, Moscow Publishing House, literary digests *Zemlya*, Blumenberg.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–06

«**М**осковское книгоиздательство» было основано в 1907 г. представителем парижских бумажных фабрик «Пализен» Густавом Алексеевичем Блюменбергом и его сыном, отставным кавалерийским офицером Георгием Густавовичем Блюменбергом. В период с 1908 по 1917 гг. было выпущено двадцать литературных сборников «Земля», одним из основных авторов которых являлся А. И. Куприн.

Несмотря на обилие историко-литературоведческого материала, посвященного творческому наследию Куприна, сотрудничество писателя с «Московским книгоиздательством» и, в частности, его участие в литературных сборниках «Земля» до сих пор отдельно не освещалось. Между тем в альманахах «Земля» были впервые изданы выдающиеся произведения Куприна: «Суламифь» (Сб. 1, 1908), «Яма» (Сб. 3, 1909; Сб. 15, 1914; Сб. 16, 1915), «Гранатовый браслет» (Сб. 6, 1911), «Каждое желание» («Звезда Соломона») (Сб. 20, 1917).

Существуют всего две давние литературоведческие работы, специально посвященные альманаху «Московского книгоиздательства». В исследовании 1960 г. О. Д. Голубева позиционировала сборники «Земля» в целом как реалистические, приводя фамилию Куприна в перечне основных сотрудников альманаха: «<...> сборники „Земля“ объединяли главным образом писателей-реалистов. Основными сотрудниками сборников были М. Арцыбашев, В. Винниченко, Н. Крашенинников, А. Куприн, Е. Чириков» [Голубева, 1960, с. 324]. В работе 1984 г. А. А. Тарасова резко отмежевала Куприна-реалиста «от арцыбашевско-винниченковского и сологубовского направлений» [Тарасова, 1984, с. 61]. Таким образом, очевидно, что тема сотрудничества Куприна в проектах «Московского книгоиздательства» нуждается в серьезной проработке.

Сотрудничество Куприна с «Московским книгоиздательством» началось с истории перекупки повести «Суламифь» для первого сборника «Земля» у петербургского издательства «Шиповник» (владельцы С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин).

Изначально «Суламифь» предназначалась литературно-художественному альманаху издательства «Шиповник». В конце третьей книги «Шиповника» (1907) помещалось объявление о скором выходе «Суламифи» в ближайшем сборнике (Литературно-художественный альманах..., 1907, с. 309). Младшая дочь писателя К. А. Куприна в книге об отце сделала следующую запись: «*В октябре в Даниловское приезжает из издательства „Шиповник“ Гржебин и предлагает продать повесть „Суламифь“ за 500 рублей за лист*» (К. А. Куприна, 1999, с. 28).

Редактором двух первых сборников «Земля» (1908–1909) являлся И. А. Бунин. В своих воспоминаниях Бунин так писал о непростых, неровных отношениях с Куприным: «*Странно вообще шла наша дружба в течение целых десятилетий: то бывал он со мной нежен, любовно называл Ричардом, Альбертом, Васей, то вдруг озлоблялся, даже трезвый*» (цит. по: [Бабореко, 1967, с. 139]).

По словам принимавшего активное участие в работе «Московского книгоиздательства» в 1907–1909 гг. Н. С. Клёстова, идея перекупить у «Шиповника» «Суламифь» принадлежала именно Бунину: «*Хорошо бы взять вещь у Куприна, — сказал мне Бунин, — иначе мы полновесный сборник не составим. Надо поехать к нему в Гатчину или в Петербург, у него есть повесть, называется „Суламифь“, но, кажется, уже запродана „Шиповнику“, а у Гржебина отбить будет нелегко*» (Н. Клёстов-Ангарский, 1992, с. 337). В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала разговор о «Суламифи» Куприна и приехавшего в Петербург Бунина: «*— Знаешь, Ваня, мне деньги вот как нужны, если дадите, — и он (т. е. Куприн. — Ю. Р.) назвал внушительную сумму за лист, — то я пошлю всех к черту, но деньги „на бочку“.* — *Хорошо, дадим, дадим!* — *ответил Ян. — Завтра днем мы увидимся, и ты получишь требуемую сумму, если передашь мне рукопись*» (В. Н. Муромцева-Бунина, 1989, с. 404–405). Н. С. Клёстов в деталях описывал полудетективные события, связанные с передачей рукописи «Суламифи» (Н. С. Клёстов-Ангарский, 1992, с. 337–339). Бунин и Н. С. Клёстов застали Куприна в гостинице «Пале-Рояль» в компании приятелей, в числе которых были Гржебин и Копельман. Представители «Московского книгоиздательства» выманили Куприна в коридор и забрали начало «Суламифи», договорившись заплатить семьсот рублей за лист.

Куприн не спешил передавать «Московскому книгоиздательству» окончание повести. Бунин в письмах близкому другу А. М. Федорову

сообщал подробности завязавшихся непростых переговоров: *«Дорогой Митрофаныч, ради Бога, прости за молчание, — сбился с ног от хлопот и неприятностей. Куприн дал мне „Суламифь”, взял 1600 р. — и под давлением „Шиповника” отдал „Суламифь” „Шиповнику”, — спьяну, — пил зверски»* (И. А. Бунин, 2007, с. 67). Сам Куприн в одном из писем Бунину жаловался на то, что Гржебин, представитель «цепкого и ловкого народа» книгоиздателей, якобы шантажировал его задержкой с изданием IV тома собрания сочинений и брал «измором»: *«Он (Гржебин. — Ю. Р.) приходил по четыре раза в день. Я сопротивлялся. Он ныл, плакал, грозил, предлагал мне продиктовать тебе такое письмо, после которого уже ты непременно уступишь и т. д.»* («Врут, как зеленые лошади...», 2020, с. 72–73). В другом письме конца 1907 г. Куприн признался Бунину: *«Откровенно говоря, я сам не помню ясно, что и где я подписывал»* (Там же, с. 76), обозначив свое видение выхода из сложившейся ситуации следующим образом: *«Я предлагаю самое последнее: печатать одновременно С<улами>фь там и там. Гонорар с обеих сторон (в половинном размере с каждого). <...> Только при этих условиях я окончу эту вещь, которая представляется мне теперь, точно законная жена, возвратившаяся из борделя»* (Там же). Взамен «Суламифи» Куприн предлагал Бунину и ненаписанную главу из «Поединка» (Там же, с. 78), и новый рассказ «Смерть Суламифи» (И. А. Бунин, 2007, с. 67).

Н. С. Клёстов как представитель «Московского книгоиздательства» пытался урегулировать сложившуюся ситуацию. В начале переговоров с «Шиповником» симпатии Куприна были на стороне «корректного, терпеливого человека» — Н. С. Клёстова: *«когда (Клёстов. — Ю. Р.) говорил с Гржебиным — я не знал, расплатится он или срукodelствует»* (Там же, с. 73). Но уже меньше чем через месяц, не достигнув компромисса с Гржебиным, Н. С. Клёстов начал угрожать Куприну напечатать начало повести «Суламифь» без конца и без авторской корректуры. Куприн сообщал Бунину о полученном от Н. С. Клёстова в конце 1907 г. письме на 36 страниц с «массой дерзостей»: *«И затем — хамская, явно шантажная фраза „дорогие для Вас имена будут трепаться”, и затем угрозы „Нам с Вами более дела иметь не придется — это ясно”. Всё это, конечно, бесполовая выходка разозленного человека. Но из-за всей этой истории я не могу ни писать, ни думать»* (Там же, с. 73).

Разрешать конфликт с «Шиповником» пришлось лично владельцу «Московского книгоиздательства» Г. Г. Блюменбергу (к которому Куприн с самого начала сотрудничества относился с явным пренебреже-

нием)¹⁸. Блюменберг писал Бунину 7 января 1908 г.: «Многоуважаемый Иван Алексеевич! Вот уже несколько дней как я нахожусь в Петербурге — устраивал крупные дела с Куприным. — Одним словом выкупил Куприна от „Шиповника” и получил всю Суламифь, и 4ый том. — Уже это сегодня закончил, уплатив Шиповнику около 5000 руб., и получил рукопись от Куприна. Завтра выезжаю в Москву» (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 1). «Суламифь» с посвящением Бунину (Земля. Сборник первый, 1908, с. 161) была напечатана в первом литературном сборнике «Земля», который вышел в свет 30 января 1908 г. Борьба за повесть закончилась покупкой прав на издание всех последующих произведений писателя «Московским книгоиздательством»¹⁹.

К 1908 г. Куприн приобрел большую популярность и стал невероятно востребован среди издателей. А.И. Рейтблат приводит величину максимальной гонорарной ставки ряда наиболее оплачиваемых авторов толстых журналов в 1900-е гг.: Куприн занимает четвертое место, уступая М. Горькому, Л.Н. Андрееву и А.П. Чехову и значительно опережая сотрудничавших в сборниках «Земля» И.А. Бунина, Ф.К. Сологуба, С.С. Юшкевича и М.П. Арцыбашева (см.: [Рейтблат, 2009, с. 94]).

На протяжении практически десяти лет сотрудничество «Московского книгоиздательства» с Куприным осложнялось серьезными задержками с присылкой рукописей, что тормозило композицию и, следовательно, выход очередного сборника «Земля».

Так, например, Куприн задумал роман «Нищие» еще в 1905 г., задолго до начала сотрудничества с «Московским книгоиздательством». В 1908 г. он обещал Бунину дать «Нищих» для второго сборника «Земля», однако рукопись не присылал. В результате выход альманаха постоянно откладывался. С января по август 1908 г. в многочисленных интервью Куприн сообщал о скором завершении романа (А.И. Куприн, 2007, с. 282; 291; 294). 23 июля 1908 г. обеспокоенный Бунин писал Куприну: «До-

¹⁸ Отношение к Блюменбергу Куприн прямо выразил в письме к Бунину от декабря 1907 г.: «Мне насрать на твоего Баденвейлера» («Врут, как зеленые лошади...», 2020, с. 74).

¹⁹ В 1908–1918 гг. «Московское книгоиздательство» выпускало многие рассказы и повести Куприна отдельными изданиями с иллюстрациями М.И. Соломонова, а также в рамках серий «Популярная библиотека», «Школьная библиотека», «Издания для народных школ и библиотек». Наряду с обычными выходили и «роскошные» издания в изящном полукожаном переплете. Тираж книг составлял от 200 до 20 000 экз. (повесть «Яма»), см.: (Летопись..., 2005, с. 497). С 1908 по 1917 г. «Московское книгоиздательство» издало одиннадцатитомное собрание сочинений Куприна (примерный тираж каждого тома — 10 000 экз.) [Там же, с. 72]. Собрание сочинений Куприна в 12 томах было переиздано повторно «Московским книгоиздательством» в Берлине в 1921–1925 гг.

рогой друг, в газетах пишут, что тебе хуже, что работать ты не можешь. Это очень волнует меня, как человека, неизменно любящего тебя, волнует и как составителя „Земли”. Письма Блюменберга полны лютой тревогой за 2-й сборник. Скоро еду в Москву, пора начинать печатать его, но как роман? Очень прошу тебя — напиши мне, как себя чувствуешь, напиши и о „Нищих»» (И. А. Бунин, 2007, с. 81). В письмах Бунину за 1908 г. Куприн то перекладывал ответственность за задержку рукописи на перевравшего стенограмму стенографиста («Врут, как зеленые лошади...», 2020, с. 80), то упрекал Н. С. Клёстова в неправильно проставленной в контракте дате: «Но этот человек плутоват даже и без нужды. Я только дома прочитал в контракте вместо 26-го — 1-го авг<уста>. Но я стою на своем и фиксирую именно 26-е» (Там же, с. 80). Обвинения падали и на самого Блюменберга: «Умоли Блюма посылать мне ежедневно корректуру <, > тогда никаких задержек <.> Иначе невольно думаю, что мне вставляют перо» (Там же, с. 80).

Задержкой выхода в свет второго сборника «Земля» был крайне недоволен Б. К. Зайцев. Обещанный «Московскому книгоиздательству» для второго альманаха рассказ «Спокойствие» должен был войти в издаваемый «Шиповником» второй сборник рассказов писателя. Угрожая вернуть гонорар и разорвать отношения с «Московским книгоиздательством», Зайцев писал Бунину в ноябре 1908 г.: «Мне все это, разумеется, крайне неприятно, но согласитесь, что терять сезон для выпуска книги из-за того, что Куприн не кончил своей книги, я не желаю» (Б. К. Зайцев, 2001, с. 48). Второй сборник «Земля» был издан только через год после первого, в феврале 1909 г. «Спокойствие» было напечатано в этом альманахе, но роман «Нищие» не только не вошел во второй сборник «Земли», он так и не был завершен (хотя пресса писала о работе Куприна над «Нищими» даже в 1912 г. (А. И. Куприн, 2007, с. 328). В результате задержки выхода второго альманаха Зайцев полностью прекратил сотрудничество с «Московским книгоиздательством».

В 1908 г. параллельно с «Нищими» Куприн работал над повестью «Яма», которая также предназначалась «Московскому книгоиздательству». «Яма», как и «Нищие», являлась давней задумкой Куприна. В 1909 г. критик Л. Войтоловский писал: «О „Яме” печатались анонсы в журналах уже лет пять тому назад — сначала в „Правде”, потом в „Мире Божиим»» [Л. Войтоловский, 1909, с. 2]. В августе 1908 г. в одном из интервью Куприн сетовал: «Мне до сих пор не удастся закончить две больших повести, обещанные московским издателям. Это — „Яма” и „Нищие»» (А. И. Куприн, 2007, с. 310).

Первая часть повести «Яма» была напечатана в третьем сборнике «Земля» (1909). Публикация продолжения «Ямы» затянулась на пять лет (Сб. 15, 1914; Сб. 16, 1915). Начиная с 1909 г., в прессе много говорилось о второй части повести: анонсировался выход продолжения в ближайшее время, пересказывалось содержание (Мих. С., 1909, с. 2). Встречались и скептические высказывания критиков: «Не будучи пророком, можно предсказать, что вторая часть никогда в свет не выйдет, что, вернее всего, она не написана» (Пух., 1909, с. 85). Куприн признавался в том, что работа над продолжением «Ямы» идет туго: *«раз двадцать писал и рвал, писал и рвал, что со мной бывает редко»* (А. И. Куприн, 2007, с. 71). Среди причин задержки озвучивались многочисленные переезды (с октября 1908 по сентябрь 1909 г.: Даниловское — Гатчина — Житомир — Одесса), болезнь дочери, неприсылка корректур, цензурные проволочки. 20 апреля 1910 г. Куприн признавался Ф. Д. Батюшкову: *«На меня нашел писун. Но — видишь — вместо того, чтобы писать „Яму“, я пишу мелочи...»* (А. И. Куприн, 2007, с. 85). Среди прочих «мелочей» в шестом сборнике «Земля» (1911) был напечатан рассказ «Гранатовый браслет».

Толчком для завершения повести послужил инцидент с публикацией в 1913 г. (с несколькими переизданиями) продолжения «Ямы» под авторством графа Амори (И. П. Рапгофа) на основе приведенных в газетах и журналах интервью Куприна о предполагаемом содержании второй части. В июне 1913 г. Куприн списывал на появление «Ямы» Амори задержку с выходом своей повести: *«Этот самый граф застопорил мою работу на целый год. Из-за него фактически и получилась задержка. Приступить немедленно после появления на книжном рынке продолжения моей повести, вышедшей из-под пера Амори, я не решился, чтобы избежать сравнений, которые у читателей могли невольно напроситься»* (А. И. Куприн, 2007, с. 332).

Ввиду задержки с изданием продолжения повести «Яма» у Куприна возникла разногласия с Г. Г. Блюменбергом. В 1910 г. Блюменберг предложил Куприну выпустить вторую часть «Ямы» под измененным названием в качестве самостоятельного произведения. Осенью 1910 г. Куприн остановился на названии «Гибель», но впоследствии отверг идею Блюменберга из-за необходимости придумывать новых действующих лиц, *«тогда старые лица из „Ямы“ повиснут в воздухе»* (А. И. Куприн, 2007, с. 114). Блюменберг пробовал воздействовать на Куприна финансовыми ограничениями. Весной 1910 г. Куприн жаловался на то, что «жиловатый Блюм» лишил его «поддержки» (Там же, с. 113) (видимо, отказав в авансе). В марте 1913 г. в прессе сообщалось о неустойке в 3000 руб., которую должен заплатить Куприн, если до 15 марта рукопись «Ямы» не посту-

пит в набор (Там же, с. 329). Но угрозы не возымели должного эффекта. Н. Д. Телешов сообщал Бунину в письме от 31 мая 1913 г.: «На днях встретился случайно с Блюменбергом. Кряхтит: Куприн пропадает, Арцыбашев — „не то“, других никого — вот положение!» (Литературное наследство, 1973, с. 612).

Куприн был также крайне недоволен решением Г. Г. Блюменберга разбить продолжение повести «Яма» на две части и напечатать их в разных сборниках. Писатель опасался того, что части продолжения повести пойдут в цензуру отдельно: «Сначала отрежут руку, затем ногу и т. д. Я предпочел бы, чтобы мне сразу отрезали голову, а этого можно было бы достигнуть, если бы вторая часть осталась неприкосновенной до представления в цензуру» (А. И. Куприн, 2007, с. 345). Опасения Куприна оправдались: на пятнадцатый сборник «Земля» по выходе его из печати был наложен арест, а шестнадцатый альманах с заключительной частью «Ямы» был издан только в июне 1915 г.

Блюменберги поручили «присмотр» за необязательным Куприным своему представителю в Санкт-Петербурге В. С. Клёстову. Н. С. Клёстов вспоминал: «Брат удерживал Куприна от пьянства, ездил с ним в деревню, охотился и стал близким человеком семьи Куприна» (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 22). Сам Куприн в письме Батюшкову от 24 апреля 1909 г. с раздражением писал: «Приехав, вместо своего близнеца, ко мне, он <Клестов> не только торопит меня („Яма“: V и VI главы), но даже ныряет своим ярославским глазом в мои отвратительные черновики и еще при этом колеблется, на чем ему остановиться: на „Яме“ или „Нищих“...» (А. И. Куприн, 2007, с. 79). Несмотря на разногласия, Куприн был благодарен В. С. Клёстову за опеку, признаваясь: «Я всегда работал тогда, когда надо мной нависала необходимость. Бывали случаи, когда те, кому был нужен мой рассказ, иногда на целый месяц поселялись у меня и, что называется, стояли над душой, пока я не вручал им рукописи. Так было, например, с „Гранатовым браслетом“» (Там же, с. 340). «Гранатовый браслет» вышел в шестом сборнике «Земля» (1911) с посвящением В. С. Клёстову (Земля. Сборник шестой, 1911, с. 221).

Представляется интересным остановиться на отношениях Куприна с авторами литературных сборников «Земля».

Изначально владельцы «Московского книгоиздательства» планировали заручиться постоянным сотрудничеством Л. Н. Андреева (см.: Н. Клёстов-Ангарский, с. 333–335]: открывал первый сборник «Земля» его рассказ «Проклятие зверя». Но Андреев был связан жесткими договорными обязательствами с издательством «Шиповник»: помимо «Проклятия зверя», в «Земле» была издана лишь пьеса «Профессор Стори-

цын» (Сб. 11, 1913). Выкупив произведения Куприна, Блюменберги сделали ставку на него как на ведущего автора своих издательских предприятий и активно занялись продвижением писателя. В конце всех книг, выпускавшихся «Московским книгоиздательством», следом за объявлением об издании литературных сборников «Земля» сообщалось об уже вышедших и готовящихся к публикации книгах Куприна (далее говорилось о сочинениях других авторов). В отзывах на первый альманах «Земля» критики Серебряного века ставили в один ряд произведения Куприна и Андреева: «Само собой разумеется, что Л. Андреев и А. Куприн застраховали новый альманах от возможности неуспеха» (А. Вергезский, 1908, с. 6). Некоторые рецензенты оценивали повесть Куприна выше рассказа Андреева: «После мрачных страниц Л. Андреева с удовольствием отдыхаешь на поэтической легенде г. Куприна — „Суламифь“» (А-ский, 1908, с. 6). В феврале 1908 г., меньше чем через месяц после выхода в свет первой книжки «Земли», М. Горький сообщал К. П. Пятницкому о том, что Андрееву теперь «туго», ведь «его тащат с пьедестала и ставят на его место Куприна» (М. Горький, 2000, с. 187).

К. М. П. Арцыбашеву, автору скандально известного «Санина», одному из ведущих сотрудников литературных сборников «Земля»²⁰, А. И. Куприн, автор скандально известной «Ямы», относился как к конкуренту по писательской популярности: снисходительно и с некоторой долей зависти. С одной стороны, в письме к своему близкому другу журналисту А. И. Котылеву в 1910 г. Куприн отзывался об Арцыбашеве крайне тепло: «Теперь в СП<етер>б<урге> Арцыбашев. Я его видел в Москве, милый, ласковый и простой»²¹ («Врут как зеленые лошади...», 2020, с. 472). С другой стороны, К. И. Чуковский вспоминал язвительное замечание Куприна: «Про чахлого и глуховатого М. П. Арцыбашева, прославлявшего в своих произведениях радости здорового и могучего тела, Куприн говорил убежденно: // — Не может быть хорошим беллетристом близо-

²⁰ В четырнадцати из двадцати литературных сборников «Земля» вышли следующие произведения Арцыбашева: «Рабочий Шевырев» (Сб. 2, 1909), «У последней черты» (в трех частях: Сб. 4, 1910; Сб. 7, 1911; Сб. 8, 1912), «Сильнее смерти» (Сб. 9, 1912), «Деревянный чурбан» (Сб. 10, 1912), «О ревности» (Сб. 11, 1913), «Мститель» (Сб. 12, 1913), «Ревность» (Сб. 13, 1913), «Рассказ об одной пощечине» (Сб. 14, 1914), «Война» (Сб. 15, 1914), «Женщина, стоящая посреди» (Сб. 17, 1915), «Раба» (Сб. 18, 1916), «Враги» (Сб. 19, 1916).

²¹ 18 марта 1927 г. Е. Арцыбашева благодарил Куприна за написание некролога на смерть ее мужа и давала характеристику многолетним непростым отношениям писателей: «Многоуважаемый Александр Иванович! Вы единственный из всех писателей упомянули Михаила Петровича в печати добрым словом. При жизни, казалось, вы были далеки друг другу, смерть доказала обратное. Да, только в горе познаются друзья. Спасибо сердечное Вам за это» (РГАЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1).

рукий и глухой человек, страдающий к тому же хроническим насморком» (К. И. Чуковский, 2012, с. 89–90).

Куприн понимал коммерческую выгоду привлечения Арцыбашева к сотрудничеству в коллективных литературных сборниках — его (в отличие от Бунина и Андреева)²² не смущала публикация своих произведений под одной обложкой с писателем, обладающим сомнительной репутацией²³. В некрологе 1927 г. «Венок на могилу М. П. Арцыбашева» Куприн вспоминал: *«Я застал Арцыбашева в Петербурге в начале девятидесятых годов. <...> Уже тогда он смущал и беспокоил редакторов независимостью своих мнений, непохожестью ни на кого из предшественников, упрямой решимостью идти во всех „проклятых“ вопросах до конца, до упора, до парадокса»* (А. И. Куприн, 1999, с. 588). Когда в 1906 г. Куприн задумал организовать собственные литературные сборники, он планировал привлечь к сотрудничеству Арцыбашева, см.: (К. И. Чуковский, 2013, с. 106). Уже после выхода «Суламифи», в 1908 г. Куприн напечатал рассказ «Морская болезнь» в первом (и единственном) выпуске редактируемого Арцыбашевым альманаха «Жизнь». Н. С. Клёстов считал, что подобным поступком Куприн причинил урон своей литературной репутации: *«Слава Арцыбашева не давала покоя Куприну и он после такой чистой и прекрасной повести как „Суламифь“ пишет и печатает в марксистском издательстве Кедрова сугубо порнографический рассказ „Морская болезнь“ // — Подожди же, — рассказывал Куприн, имея в виду Арцыбашева, — я его переплону! — И действительно переплонул»* (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 22). В письме к В. С. Клёстову (осень 1910 г.) Куприн советовал привлечь Арцыбашева к активному сотрудничеству в сборниках «Земля»; см.: (А. И. Куприн, 2007, с. 113).

Арцыбашев тоже, в свою очередь, отдавал должное и в некоторой степени завидовал популярности Куприна. В 1907 г. он вставал на сторону лишившегося «Суламифи» «Шиповника»; см.: (В. Н. Муромцева-Бунина, 1989, с. 405]. В письме к В. В. Муйжелю от 29 мая 1911 г. Арцыбашев рассуждал об ответственности Куприна (наряду с Андреевым) за коммерциализацию художественной литературы: *«Надо отдать справедливость Андрееву и Куприну: они сильные люди: им принадлежит честь покорения литературного мира, с одной стороны, рекламно-торговлей,*

²² Н. С. Клёстов отмечал нежелание Бунина и Андреева печататься под одной обложкой с Арцыбашевым: *«В 1907 г. Арцыбашев не был приглашен в организуемые мной совместно с Буниным сборники „Земля“, и в этом он заподозрил меня, тогда как нежелание работать с Арцыбашевым исходило от Ив. Бунина и Л. Андреева»* (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 3. Ед. хр. Л. 45).

²³ Куприн сам мастерски пользовался приемами эпатажа для привлечения внимания к своим произведениям (см.: [Ромайкина, 2022, с. 511–527]).

с другой, кабаком и публичным домом. Я обвиняю именно этих двух. Если они и не начали, то они авторитетом корифеев освятили это» (РГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 13).

В письме к В. С. Клёстову осенью 1910 г. Куприн высказывался за привлечение к постоянному сотрудничеству в альманахах «Московского книгоиздательства» другого скандально известного писателя — Ф. К. Сологуба; см.: (А. И. Куприн, 2007, с. 113). Переводчик, педагог и собиратель частного «литературного музея» Ф. Ф. Фидлер записал в своем дневнике 25 августа 1911 г. воспоминания Сологуба о встрече с Куприным: «Примерно через месяц после смерти Толстого они встретились в „Интермедии“, где совершенно пьяный Куприн хотел сперва поставить Сологуба на голову, а потом заявил, что второе вакантное место после Толстого принадлежит ему (Сологубу), а первое — ему самому (Куприну)» (Ф. Ф. Фидлер, 2008, с. 641). В третьем сборнике «Земля» (1909) рядом с первой частью «Ямы» Куприна был напечатан рассказ Сологуба «Старый дом». В феврале 1909 г. в одном из интервью Куприн положительно отозвался о вышедшем в «Шиповнике» романе Сологуба «Навьи чары»: «Из последних вещей мне понравились „Навьи чары“ Сологуба. Свободный, конечно, вымысел, но ведь Сологуб так и говорит, что будет творить легенду и фантазировать» (А. И. Куприн, 2007, с. 308). Четвертая часть тетралогии «Навьи чары» под названием «Дым и пепел» вышла в 1912–1913 гг. двумя частями в литературных сборниках «Земля» (Сб. 10, 1912; Сб. 11, 1913). В альманахе «Московского книгоиздательства» также был напечатан рассказ Сологуба «Старый дом» (Сб. 3, 1909).

Высоко оценивая литературный талант Саши Черного, Куприн хотел привлечь поэта к сотрудничеству в сборниках «Земля». Куприн писал Саше Черному предположительно в 1910 г.: «Дело: хозяин Московского Издательства (Альманахи «Земля») Г. Г. Блюменберг, который давно и с любовью следит за подъемом Вашей звезды, предлагает Вам сотрудничество в альманахе: лирика или Ваша презрительная сатира — от Вас. Сговоритесь» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 324. Л. 1). О важной роли Куприна в «Московском книгоиздательстве» свидетельствует приписка Г. Г. Блюменберга на оборотной стороне письма: «Московскому Книгоиздательству будет очень приятно видеть Вас напечатанным в сборнике Земля, а в особенности из-за того, что издательство очень согласуется с мнением Александра Ивановича Куприна, который со своей стороны также желал бы, чтобы Вы дали стихов для сборника Земля» (Там же. Л. 1 об.). В восьмом сборнике «Земля» (1912) был напечатан рассказ Саши Черного «Первое знакомство» (Сб. 8, 1912) — этим и ограничилось сотрудничество поэта с «Московским книгоиздательством».

С. С. Юшкевичу участие в сборниках «Московского книгоиздательства» запомнилось на долгие годы. В ностальгическом письме от 18 апреля 1923 г. Юшкевич называл Куприна «дорогим другом и приятелем», которого он любит и уважает, и вспоминал совместное участие в шестом выпуске «Земля» (1911), где под одной обложкой вышел рассказ Куприна «Гранатовый браслет» и лирическая драма Юшкевича «Miserere»: «*Растояние не может разъединить тех, кого соединила литература, прошлое, — совместные выступления. Помнишь: „Гранатовый браслет“, „Miserere“, старое „Знание“, — и все прекрасное прошлое, начиная с наших первых шагов*» (РГАЛИ. Ф. 240. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1). В литературных сборниках «Земля» Юшкевич издал также повесть «Вышла из круга» (Сб. 10, 1912) и продолжение начатого в «Шиповнике» (Кн. 4, 1908) романа «Леон Дрей» (Сб. 13, 1913).

Владельцам «Московского книгоиздательства» Г. А. и Г. Г. Блюменбергам удалось договориться с конкурентами и добиться взаимовыгодных условий сотрудничества с Куприным, ставшим в 1908–1909 гг. одним из основных авторов «Московского книгоиздательства» и участником литературных сборников «Земля». Несмотря на широкое освещение в прессе работы над обещанными «Московскому книгоиздательству» текстами, анонсы новых произведений, сотрудничество Куприна с «Московским книгоиздательством» нельзя назвать простым: присылка рукописей и чтение корректур задерживались, перерыв в издании частей повести «Яма» растянулся на 5 лет, широко рекламируемый в прессе роман «Нищие» вовсе не был написан. Отношения с сотрудниками и авторами «Московского книгоиздательства» также были неровными. Г. Г. Блюменберг уважал Куприна, дорожил сотрудничеством с ним и высоко ценил мнение писателя (о чем свидетельствует издательская приписка в письме к Саше Черному), из-за Куприна поступил с сотрудничеством с Зайцевым. Куприн же смотрел на издателя свысока. Осознавая ценность и популярность своих произведений, он давал указание Бунину: «*Скажи Блюмбергу, пусть он мной дорожит, как сотрудником, я человек признательный <...>*» («Врут как зеленые лошади...», 2020, с.78). Куприн мог себе позволить перечить издателю: не шел на изменение названия второй части «Ямы» и высказывал недовольство изданием продолжения повести в двух отдельных сборниках. Дружба с В. С. Клёстовым и Буниным отразилась в посвящениях к «Суламифи» и «Гранатовому браслету». Двум амбициозным писателям Куприну и Андрееву не удалось ужиться под обложкой одного сборника, но Куприн активно ратовал за привлечение к сотрудничеству в «Земле» скандально известных Арцыбашева и Сологуба.

Библиографический список

Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии: (С 1870 по 1917). М., 1967. Голубева О. Д. Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 3.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

Ромайкина Ю. С. А. И. Куприн — автор сборников «Земля»: рецепция современников // Писатель — критика — читатель: (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв.) / отв. ред. А. С. Александров. СПб., 2022.

Тарасова А. А. Сборники «Земля» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: буржуазно-либеральные и модернистские издания / отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984.

Список источников

А-ский Н. [Архангельский Н. М.]. Земля. Сборник первый. Изд. Московского книгоиздательства. 1908 // Рубль. 1908. 6 фев. № 23.

Вергезский А. [Тыркова-Вильямс А. В.]. Земля. Сборник первый. Московское кн-ство. 1908 г. // Речь. 1908. 14 (27) фев. № 38.

Войтоловский Л. Яма // Киевская мысль. 1909. 4 мая. № 122.

Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова. М., 2007.

«Врут, как зеленые лошади...». Куприн в воспоминаниях, письмах, документах / сост., предисловие и науч. комм. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М., 2000. Т. 6: Письма. 1907 — август 1908.

Зайцев Б. К. Собр. соч.: в 11 т. М., 2001. Т. 10 (доп.): Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии / сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. М., 2001.

Земля. Сборник первый. М., 1908.

Земля. Сборник шестой. М., 1911.

Клёстов-Ангарский Н. Литературные воспоминания / Очерки былого; публ. М. Ангарской // Вопросы литературы. 1992. № 2.

Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост., вступ. ст., примеч. О. С. Фигурновой. М., 1999.

Куприн А. И. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 11, доп. М., 2007.

Куприна К. А. Куприн — мой отец. М., 1971.

Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3. 1911–1917 / под общ. ред. члена-корреспондента РАН А. В. Лаврова. М., 2005.

Литературное наследство. Т. 84: в 2 кн. Иван Бунин. Кн. 1 / ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. М., 1973.

Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1907. Кн. 3.

Мих. С. В гостях у А. И. Куприна // Петербургская газета. 1909. 9 июня. № 155.

Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. 1870–1906 / сост., предисловие и прим. А. К. Бабореко; сост. алфавит. указ. имен Л. Э. Харазова. М., 1989.

Ртух. [Садовский Б. А.]. НЕ ОСТУПИТЕСЬ! (Нечто о «Яме» Куприна) // Весы. 1909. № 6. РГАЛИ. Ф. 24 (Ангарский Николай Семенович). Оп. 3. Ед. хр. 12. Н. С. Ангарский. «Литературные воспоминания» (1910-е). Воспоминания. [1930-е]. Машинопись с правкой М. Н. Ангарской.

РГАЛИ. Ф. 44 (Бунин Иван Алексеевич). Оп. 1. Ед. хр. 60. Письмо Блюменберга Георгия И. А. Бунину. 7 янв. 1908 г.

РГАЛИ. Ф. 240 (Куприн Александр Иванович). Оп. 2. Ед. хр. 18. Письма Арцыбашевой Е. Куприну А. И. 18 марта — 28 мая 1927 г.

РГАЛИ. Ф. 240 (Куприн Александр Иванович). Оп. 2. Ед. хр. 75. Письмо Чирикова Евгения Николаевича Куприну А. И. 25 июня 1921 г.

РГАЛИ. Ф. 328 (Муйжель Виктор Васильевич). Оп. 1. Ед. хр. 18. Письма Арцыбашева Михаила Петровича Муйжелю Виктору Васильевичу. 30 мая 1906–24 сент. 1911.

РГАЛИ. Ф. 2567 (Оксман Юлиан Григорьевич). Оп. 2. Ед. хр. 324. Письмо Куприна Александра Ивановича Черному Саше. На обороте приписка Блюменберга Георгия Густавовича [1900-е гг.].

Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения / вступ. статья, сост., пер. с нем., прим., указатели и подбор иллюстраций К. М. Азадовского. М., 2008.

Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5: Современники. Портреты и этюды / сост., комм. Е. Чуковской; 2-е изд., электронное, испр. М., 2012.

Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925) / Вступ. статья Е. Ивановой; сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская; общ. ред., подг. текстов и комм. Е. Ивановой и Е. Чуковской; 2-е изд., электронное, испр. М., 2013.

References

Golubeva O. D. *Iz istorii izdaniya russkikh al'manakhov nachala XX veka*. [From the history of the publication of Russian almanacs of the early twentieth century]. In: *Kniga: Issledovaniya i materialy*. [The Book: researches and materials]. Moscow, 1960. Iss. 3.

Reitblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian literature]. Moscow, 2009.

Romaykina Yu. S. A. I. Kuprin — avtor sbornikov «Zemlya»: recepciya sovremennikov [A. I. Kuprin as an author of *Zemlya's* collections: perception of contemporaries]. In: *Pisatel' — kritika — chitateľ': (Mekhanizmy formirovaniya literaturnoj reputacii v Rossii vo vtoroj polovine XIX — pervoj treti XX vv.)* [Writer — Critics — Reader (Mechanisms of literary reputation formation in Russia at the second half of the 19th — the first third of the 20th centuries)] / Aleksandrov A. S. (Ed). St. Petersburg, 2022.

Tarasova A. A. (1984). *Sborniki «Zemlya»* [Digests «Zemlya»]. In: Byalik B. A. (Ed.). *Russkaya literatura i zhurnalistika nachala XX veka. 1905–1917: burzhuazno-liberal'nye i modernistskie izdaniya* [Russian literature and journalism of the early 20th century. 1905–1917: bourgeois-liberal and modernist publications]. Moscow, 1984.

List of sources

A-skii N. [Arkhangel'skii, N. M.]. *Zemlya. Sbornik pervyi. Izd. Moskovskogo knigoizdatel'stva. 1908.* [Zemlya. First digest. Moscow Publishing House. 1908]. In: *Rul'*. [Hand Wheel]. 1908. 6 Feb. No. 23.

Bunin I. A. *Pis'ma 1905–1919 godov.* [Letters of 1905–1919]. Ed. by Mikhailov O. N. Moscow, 2007.

Vergezhskii A. [Tyrkova-Vil'yams A. V.]. (1908). *Zemlya. Sbornik pervyi. Moskovskoe kn-stvo. 1908 g.* [Zemlya. First digest. Moscow Publishing House. 1908]. In: *Rech'*. [Speech]. 14 (27) Feb. No. 38.

Voitolovskii L. *Yama.* [Yama: The Pit]. In: *Kievskaya mysl'*. [Kiev Thought]. 1909. 4 May. No. 122. Baboreko A. K. I. A. Bunin. *Materialy dlya biografii: (S 1870 po 1917).* [I. A. Bunin. Biography Materials: (From 1870 to 1917)]. Moscow, 1967.

«Vrut, kak zelenye loshadi...». *Kuprin v vospominaniyah, pis'mah, dokumentah.* [«They lie like green horses...» Kuprin in memoirs, letters, documents]. Content, opening chapter, scientific comments by Kaimanova T. A. Penza, 2020.

Gor'kii M. *Complete Works. Letters.* Moscow, 2000. In 24 vols Vol. 6: Letters. 1907 — August 1908.

Zaytsev B. K. *Complete Works.* In 11 vols. Vol. 10 (add.): Letters 1901–1922. Articles. Reviews. Content by Deich E. K. and Prokopov T. F. Moscow, 2001.

Zemlya. [Ground]. Digest one. Moscow, 1908.

Zemlya. [Ground]. Digest six. Moscow, 1911.

Klyostov-Angarskiy N. *Literaturnye vospominaniya. Oчерki bylogo.* [Literary memoirs. Essays on the bygone]. In: *Voprosy literatury.* [Questions of Literature]. 1992. No. 2.

Kuprin A. I. *Golos ottuda: 1919–1934: Rasskazy. Oчерki. Vospominaniya. Fel'etony. Stat'i. Literaturnye portrety. Nekrologi. Zametki.* [Voice therefrom:

1919–1934: Short stories. Sketches. Memoirs. Satire. Articles. Literary Portraits. Necrologies. Notes]. Content, opening chapter, comments by Figurnova O. S. Moscow, 1999.

Kuprin A. I. *Complete Works*. In 10 vols. Vol. 11 (add.). Moscow, 2007.

Kuprina K. A. *Kuprin — moi otets*. [Kuprin is my father]. Moscow, 1971.

Letopis' literaturnykh sobytii v Rossii kontsa XIX — nachala XX v. (1891 — oktyabr' 1917). [Record of literary events in Russia in the late 19th and early 20th century (1891 — October 1917)]. Ed. By Lavrov A. V. Issue 3: 1911 — October 1917. Moscow, 2005.

Literaturnoe nasledstvo. [Literary inheritance]. Vol. 84, in 2 books. Ivan Bunin. Book 1 / Eds. by Dubovikov A. N., Makashin S. A., Dinesman T. G. Moscow, 1973.

Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh izdatel'stva «Shipovnik». [Literary and artistic almanac of Shipovnik publishing house]. St. Petersburg, 1907. Book 3.

Mikh. S. V gostyakh u A. I. Kuprina [Visiting A. I. Kuprin]. In: *Peterburgskaya gazeta*. [St. Petersburg Newspaper]. 1909. 9 June. No. 155.

Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamyat'yu. 1870–1906*. [Bunin's life. Conversations with memory. 1870–1906]. Content, opening chapter, comments by Baboreko A. K.; alphabetical index of proper names by Kharazov L. E. Moscow, 1989.

Ptyx. [Sadovskii B. A.]. *NE OSTUPITES'! (Nechto o «Yame» Kuprina)*. [DO NOT MAKE A FALSE STEP! (Something about Yama: The Pit by Kuprin)]. In: *Vesy*. [Scales]. 1909. No. 6.

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 24 (Angarskii Nikolai Semenovich). List 3. Dos. 12. Angarskii N. S. «*Literaturnye vospominaniya (1910-e). Vospominaniya. [1930-e]. Mashinopis' s pravkoi M. N. Angarskoi*. [Literary Memories (1910s). Memories. [1930s]. Typescript with M. N. Angarskaya's corrections].

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 44 (Bunin Ivan Alekseevich). List 1. Dos. 60. *Pis'mo Blyumenberga Georgiya I. A. Buninu* [Letter of Blumenberg Georgii to I. A. Bunin]. Jan. 7. 1908.

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 240 (Kuprin Aleksandr Ivanovich). List 2. Dos. 18. *Pis'ma Artsybashevoi E. Kuprinu A. I.* [Letters of Artsybasheva E. to Kuprin A. I.]. March 18 — May 28 1927.

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 240 (Kuprin Aleksandr Ivanovich). List 2. Dos. 75. *Pis'mo Chirikova Evgeniya Nikolaevicha Kuprinu A. I.* [Letter of Chirikov Evgenii Nikolaevich to Kuprin A. I.]. June 25 1921.

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 328 (Muizhel' Viktor Vasil'evich). List 1. Dos. 18. *Pis'ma Artsybasheva Mikhaila Petrovicha Muizhelyu Viktoru Vasil'evichu*. [Letters of Artsybashev Mikhail Petrovich to Muizhel' Viktor Vasil'evich]. May 30 1906 — Sept. 24 1911.

RGALI. [Russian State Archive of Literature and Arts]. Stock 2567 (Oksman Yulian Grigor'evich). List 2. Dos. 324. *Pis'mo Kuprina Aleksandra Ivanovicha Chernomu Sashe. Na oborote pripiska Blyumenberga Georgiya Gustavovicha.* [Letter of Kuprin Aleksandr Ivanovich to Chernyi Sasha. Postscript by Blumenberg Georgii Gustavovich at reverse page]. [1900s].

Fidler F. F. *Iz mira literatorov: Kharktery i suzhdeniya.* [From the world of writers: characters and judgements]. Opening chapter, content, transl. from German, comments, indexes and picture selection by Azadovskii K. M. Moscow, 2008.

Chukovskii K. I. *Complete Works.* In 15 vols. Vol. 5: *Sovremenniki. Portrety i etyudy.* [Contemporaries. Portraits and sketches]. Content, comments by Chukovskaya E. Moscow, 2012.

Chukovskii K. I. *Complete Works.* In 15 vols. Vol. 14: *Pis'ma (1903–1925).* [Letters (1903–1925)]. Opening chapter by Ivanova E. Moscow, 2013.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ИТАЛИИ (ТАССО, КАЗАНОВА) В ГЁТЕВСКОЙ И ЦВЕТАЕВСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (К 130-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ)

М. С. Черепенникова

Ключевые слова: литературные традиции Италии, поэтическая самоидентификация, Гёте, Цветаева, Тассо, Казанова.

Keywords: Italian literary traditions, poetic self-identification, Goethe, Tsvetaeva, Tasso, Casanova.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–07

Литературные традиции Италии (в особенности творческое наследие Торквато Тассо и Джакомо Казановы) играли немаловажную роль в процессе поэтической самоидентификации И.-В. Гёте и М.И. Цветаевой. Интерес к итальянской культуре, поэтике, эстетике нашел актуализацию в лирике, автобиографической прозе и в драматических произведениях немецкого и русского поэтов. В научных работах, посвященных исследованию творческого пути Гёте, фрагментарно затрагивалась тема значимости его итальянских путешествий (труды К.О. Конради, С. Аткинса, Х.Г. Хэйла, А. Хофер). Роль итальянской культуры в творчестве Цветаевой частично освещалась в работах Н.П. Комоловой, М. Мейкина, Р.С. Войтеховича, Т.В. Цивьян. В отечественном и в зарубежном литературоведении не исследовалась в достаточной мере значимость рецепции традиций итальянской литературы в контексте гётевской и цветаевской поэтической самоидентификации, не рассматривались эстетические и жанровые аспекты данного процесса, связывающего литературное творчество Тассо, Казановы, Гёте и Цветаевой единой цепью культурной преемственности.

Возникает необходимость определить роль биографических параллелей и выявить особенности интертекстуального диалога между авторами разных стран и эпох. Гёте совершил два итальянских путешествия в зрелые годы, дважды побывала в Италии Цветаева (в детстве и во время своего свадебного путешествия). Ее интерес к поэтическому наследию Гёте привел к стремлению разгадать загадку мультикультурной значимости немецкого гения через парадигму собственного творчества. Понимание единой этико-эстетической природы различных аспектов миро-

вой литературной традиции обрело генезис в контексте русской литературы начала XIX в. Пушкин соединял имена итальянского и немецкого гениев в единой цепи креативной эстетической коммуникации: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объёмлется творческой мыслию, — такова смелость Данте и Гёте в „Фаусте“» (А. С. Пушкин, 1978, т. 7, с. 48).

Прежде чем исследовать особенности воплощения итальянских традиций в стихотворных произведениях двух поэтов, необходимо в рамках проблемы «своего и чужого» определить роль «гётевского» начала в поэтическом становлении Цветаевой, неразрывно связанном с ее мировоззрением, с кругом чтения и с особенностями предшествующей русской гётеаны, вовлекшей в круг своего влияния Жуковского, Пушкина, Тютчева и других гениев русской поэзии, обращавшихся к изучению и переводческому освоению наследия Гёте. Одной из форм изучения кода Гёте для Цветаевой стала ее переводческая деятельность. Переводя «Песнь Арфиста», являющуюся важным поэтическим элементом романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», анализируя гётевские баллады, Цветаева стремилась опытным путем раскрыть основы поэтики и эстетики Гёте. Сравнение немецкого оригинала гётевской баллады «Лесной царь» с одноименным переводом Жуковского привело Цветаеву к созданию программной статьи «Два Лесных царя», символизирующей для нее момент философской самоидентификации, осмысления литературных приоритетов, фиксацию базисных начал творчества, найденных и освоенных еще в ранних произведениях.

По мнению Цветаевой, поэтическое видение мира Гёте — целиком жизнь или целиком сон, но главное в том, что и то и другое захватывает дыхание читателя. В этом определении суть ее собственного творческого метода, синтезирующего объект и субъект, наблюдателя и наблюдаемое, индивидуум и хронотоп, явь и мечту в едином «глотке» лирического дыхания, стремящегося уловить и передать идею синтеза не только с помощью образов, но и непосредственно через пульсирующий ритм бытия, заложенный в поэтической строке. В лирике Цветаевой образ Германии неразрывно связан с образом Гёте-поэта. Для нее это страна, где «*Geheimrat Goethe no аллее / Проходит с веточкой в руке*» (Марина Цветаева, 1988, т. 1, с. 111). В этом стихотворном тексте хронотоп и индивидуум взаимодополняемы и равноценны. Эстетические приоритеты Цветаевой прослеживаются в ее любимых книгах, последовательность которых она определяла так: «*Гейне — Гёте — Гёльдерлин*» (Марина Цветаева, 1988, т. 2, с. 7]. Ее интерес к германской поэзии и культуре сравним с энергией чувства, испытываемого Гёте к Италии, к наследию ее

великих поэтов (Данте, Петрарки, Ариосто, Тассо) и мемуаристов (Кастильоне, Челлини, Казановы, Альфьери). Эпоха «веймарского классицизма» становится тем периодом в творчестве немецкого гения, когда «итальянские мотивы получают наиболее полное развитие в его поэзии и начинают доминировать» [Atkins, 1977, p. 81].

Цветаева следует по стопам мирового гения, считая его своим литературным учителем. В ее дневниках и записных книжках соседствуют имена Гёте, Ариосто, Леонардо да Винчи и Данте. В переводах она знакомится с прозой и поэзией Казановы. Цена труд Павла Муратова «Образы Италии», в своем зрелом итальянском путешествии Цветаева пытается повторить маршрут Андрея Белого, в свою очередь следовавшего по гётевскому пути. Итальянские путешествия Гёте и Цветаевой имеют не только физические и духовные аспекты, но и многочисленные уровни креативной рецепции. Гёте пишет об Италии в разных жанрах, различные элементы итальянских литературных традиций проникают в его стихи, в автобиографическую прозу и в драматургию. Подобный жанровый подход в реализации итальянских впечатлений заметен и у Цветаевой. Особая интенсивность интертекстуальных параллелей, говорящая о диалоге сквозь века, наблюдается в стихотворных драмах — важных инструментах поэтической самоидентификации двух поэтов. Для изучения роли итальянских литературных традиций в формировании данного феномена необходимо рассмотреть индивидуальные особенности реализации итальянских впечатлений Цветаевой и Гёте.

Италия стала для Гёте символом истоков европейской культуры и литературы, спасением от творческого кризиса: там он завершил стихотворные драмы «Ифигения в Тавриде» и «Торквато Тассо». В первой воплотились реалии греко-италийской античности, по-новому воспринятые Гёте благодаря знакомству с итальянским наследием древности. Вторая пьеса стала программным посвящением величайшему поэту Италии позднего Ренессанса. При исследовании драматургии Цветаевой очевидна идентичность творческого подхода. Одни ее драматические произведения посвящены античным мифам («Ариадна», «Федра»), другие — итальянцу Джакомо Казанове. Это лирические пьесы «Приключение» и «Феникс» (другое название «Конец Казановы»). Исторические герои олицетворяют те эпохи, которые по теории Тассо пропорционально сочетаются со временем рождения авторов. Гёте был старше Торквато, а Цветаева — Казановы приблизительно на два века. В соответствии с принципами, изложенными Тассо в трактате «Рассуждения о поэтическом искусстве», историческая истина гармонично сочетается с вымыслом, если герои принадлежат эпохам, не слишком отдален-

ным от автора и не слишком к нему приближенным [История Всемирной литературы, 1985, т. 3, с. 158]. Подобные рамки хронотопов обеспечили поэтам наибольшее литературное правдоподобие, проявляющееся в сопричастности автора и читателя сюжету. Создав «Ифигению» и «Тассо», Гёте подытожил «период творчества, вдохновленный Шарлоттой фон Штейн, и символически отразил свои чувства в стихотворных драмах» [Cloeter, 1960, s. 93].

В «Ариадне» Цветаевой (как и в гётевской «Ифигении») главная героиня смиряет кипящие вокруг нее страсти, нравственный закон ставится во главу угла. Лев Толстой в своих письмах отмечал: «Прочел удивительную вещь — «Ифигению» Гёте <...> великое наслаждение, которое испытываешь, понимая и любя поэзию» (Лев Толстой, 1955, с. 31). При различии мотиваций и сюжетов очевидно сходство идей, возникших у Гёте и Цветаевой. На первый план выдвигается идея духовного очищения, ведущего к преодолению страстей. Мифологические сюжеты способствуют интертекстуальному диалогу с классикой, подчеркивают авторскую индивидуальность и олицетворяют подъем к вершинам творческой самоидентификации.

О феномене поэтической самоидентификации ярко свидетельствуют драмы, посвященные реальным, а не мифологическим персонажам. Биографические факты из жизни итальянцев Торквато Тассо и Джакомо Казановы легли в основу легенд. Согласно одной из таких легенд Тассо, придворный поэт герцога Феррарского, претерпел гонения из-за любви к сестре герцога Леоноре. Трагический образ Торквато на несколько веков стал символом «гонимого поэта». Свойственные ему черты «мудреца-безумца» прослеживаются в образе Дон Кихота Сервантеса (поэма Тассо входила в круг чтения испанского странствующего рыцаря). Имя авантюриста Казановы, знаменитого своими похождениями в духе Дон Жуана, обрело легендарный флер и стало нарицательным. Тассо и Казанова являлись не только знаковыми персонами, отражающими дух своих эпох, но и авторами знаменитых литературных произведений. Тассо прославила рыцарская поэма «Освобожденный Иерусалим», Казанова приобрел известность благодаря авантурным мемуарам «История моей жизни». Эти литературные труды сыграли значительную роль в процессе развития итальянских и общеевропейских литературных традиций, что подтверждают слова Стефана Цвейга: «Джакомо Казанова вошел во всемирную литературу, <...> никто из его современников и поэтов не создал столь выпуклого образа, изобразив себя самого; да и во всей мировой литературе нет столь законченных автопортретов» (Стефан Цвейг, 1990, с. 85).

Поэма Тассо появилась на рубеже эпох, знаменуя собой переход от позднего Ренессанса к маньеризму. Мемуары Казановы, являвшегося современником Вольтера, Руссо, Моцарта и Гёте, продемонстрировали особенности стиля сенсуалистической просветительской прозы. В своей прозе Джакомо Казанова отразил впечатления от пребывания в России, в ее тогдашней столице: *«Созерцая Петербург, <...> восхитившись великим замыслом и исполняя уважения, <...> я предвижу, что век спустя Петербург будет великолепен»* (Джакомо Казанова, 2009, т. 2, с. 335). Посещение Казановой высшего общества Санкт-Петербурга и Москвы не могло не оставить след в русской культуре. Ф. М. Достоевский, публикуя мемуары итальянского автора в журнале «Время», отмечал, что *«личность Казановы — одна из самых замечательных своего века»* (Там же, с. 558).

Тассо и Казанова с успехом обращались к жанру стихотворных мадригалов, представлявших собой синтез философской и любовной лирики. При этом каждый имел свой особый поэтический голос, свою излюбленную тематику и индивидуальный стиль. Тассо, продолжая традиции Данте и Петрарки, тяготел к философской обобщенности и космической символике образов. В отличие от своих предшественников он воспевал вполне земную любовь. Казанова, разбираясь в итальянской литературной традиции, предпочитал вносить в любовную лирику сатирические нотки, игровую и карнавальную стилистику. Гётевский «Торквато» и Цветаевское «Приключение» — драмы индивидуального выбора, отражающие зрелый стилистический поиск, приводящий к стабилизации и окончательной самоидентификации поэтического голоса. Гёте и Цветаева избрали для своей стихотворной драматургии итальянских протагонистов, основываясь на глубоком изучении фактов биографии и особенностей произведений данных личностей. Поэты идентифицировали себя с героями. Это дает возможность проследить литературные и психологические параллели в судьбах персонажей и авторов. Структура стихотворной драмы, созданной поэтом-лириком, обладает особой символической емкостью, что и наблюдается в творчестве Гёте и Цветаевой. Пьесы предоставили поэтам жанровые инструменты, позволяющие наиболее откровенно выразить личные приоритеты через конфликты исторических персонажей. В гётевской драме («Тассо») и в цветаевской («Приключение») авторы тяготеют к форме латентного высказывания под итальянской маской. Взаимосвязи уровня «автор — герой — автор» обнаруживают в данных произведениях явный параллелизм в рамках текста и в сфере подтекста. Итальянская специфика драм индивидуального выбора продемонстрировала, что для Гёте и Цветаевой Италия

и ее литературные традиции являлись не только историко-культурным базисом, но биографическим и смысловым пространством, требующим творческой актуализации.

Итальянские путешествия поэтов имели общий глубинный генезис. Привязанность к Италии и ее культуре для Гёте и Цветаевой неразрывно связана с любовью к своим родовым корням. В автобиографическом произведении «Поэзия и правда» Гёте так писал об отце: «Его пристрастие <...> к Италии, выражалось ярко и определенно» (Иоганн Вольфганг Гёте, 1976, т. 3, с. 15). Цветаева с детства была окружена людьми, тесно связанными с итальянской культурой. Ее отец И. В. Цветаев, основатель Музея изящных искусств, в молодости «впервые вступил на землю Рима» (Марина Цветаева, 1989, с. 325), посвятив дальнейшие годы своей жизни изучению итальянского искусства античности и Ренессанса. Итальянский язык он «знал как родной» (Там же, с. 330–331). И. В. Цветаев протестовал, когда обрусевшая неаполитанка вручала ему в день открытия музея лавровый венок: «От лица моей родины <...> Здесь не умеют чтить великих людей» (Марина Цветаева, 1989, с. 336). Скромный протест Цветаева был символическим явлением, напоминавшем о том, что Гёте отказался от поэтического триумфа в «Вечном городе», а его герой Тассо считал себя недостойным принять венок славы от Леоноры. Эпизод с лавровым венком обрел статус литературно-исторического лейтмотива, включившего Цветаеву и ее семью в парадигму существующей культурной традиции.

Гёте, с юных лет мечтавший об Италии, обрел в этой стране культурный базис для последующего творчества, преодолев период стагнации. Он обратил внимание на богатство античных и ренессансных итальянских литературных традиций, сыгравших важную роль в становлении эстетики «Веймарского классицизма». Детские итальянские впечатления Цветаевой привели к разделению рецепции на два подсознательных начала. Итальянская античность была связана в сознании Марины с белыми статуями музея — детища отца, а народное начало — с образами черноглазых и черноволосых итальянских рабочих, принимавших участие в строительстве здания музея. Античная поэтическая традиция способствовала созданию культурной основы произведений Цветаевой. Литературное наследие Казановы и сила его личности стали олицетворять для нее народное итальянское начало. Синтез концептов «античного» и «народного», ставших художественными образами, отражен в цветаевских воспоминаниях о простых итальянских строителях: «Во дворе будущего музея <...> веселье черноокие люди перекатывают огромные <...> квадраты мрамора» (Марина Цветаева, 1989, с. 327). Позитивный синтез двух разнородных начал, показанный через контрастное черно-

белое сочетание, важен для понимания сложного символического мира русского поэта, обладавшего особой музыкально-колористической синестезией когнитивной рецепции. Неизбежная встреча света и тени в поэтике Цветаевой олицетворяет высокий уровень гармонии, рождающей музыку, напоминает о клавиатуре рояля ее матери и одновременно свидетельствует о внутреннем конфликте. В тексте драмы «Приключение» Цветаева подчеркивает: «Казанова ... острый угол и уголь, Анри-Генриетта ... лунный лед» (Марина Цветаева, 1990, с. 329). Колористические элементы текста свидетельствуют о единстве и борьбе противоположностей, а также о «черно-белых» итальянских эстетических приоритетах автора и о возможности их синтеза или латентной формы разрешения конфликта. Использование музыкальных и живописных образов характерно для итальянских мотивов в лирических произведениях Цветаевой, связанных не только с образом Казановы, но и с аллюзиями на творчество Боттичелли [Комолова, 2005, с. 232].

Итальянские литературные традиции играли важную роль в процессе образования и поэтического становления Гёте. Читая «Освобожденный Иерусалим» Тассо, он с юных лет проникся любовью к творчеству итальянского гения. Мечта об Италии, увлечение творчеством итальянских поэтов порождали «страстное желание приобщиться к этому раю» (Йоганн Вольфганг Гёте, 1969, с. 54). Непосредственная рецепция наследия итальянской античности и Ренессанса, тесно связанного со стихией народного начала, имела большое значение в процессе поэтической самоидентификации автора. В Италии Гёте испытал «второе рождение», называемое в немецкой критике «Wiedergeburt» [Höfer, 1999, s. 72]. Тексты драм «Ифигения» и «Тассо» были усовершенствованы благодаря осознанию особенностей античной и ренессансной истории и эстетики, составившей основу итальянских культурных впечатлений поэта [Haile, 1973, p. 13].

Одним из символов цветаевской любви к Италии являлся концепт «моря» (имя Марина происходит от латинского слова «морская»). О моменте ожидания встречи с морем в номере итальянской гостиницы она писала: «Это был самый великий канун моей жизни» [Цветаева, 1990, с. 297]. Предощущения юного поэта оказались сильнее реальных впечатлений. Цветаева, любившая море в художественных образах великих мастеров, осознала, что ожидание может быть эффективнее реалий. Эта идея проходит рефреном через всю стихотворную драматургию поэта. Невозможность взаимной любви заложена в образе и в характере цветаевского Казановы, чья судьба складывается под влиянием трагической страсти к Генриетте. В сознании Цветаевой образ Казановы ассоциативно свя-

зан с символикой «морского прибоя», имеющей философские корреляции. Внимательное прочтение литературных мемуаров итальянца дало автору возможность увидеть в его прозе следы внутренних конфликтов творческой личности и создать сложный драматургический образ, не затененный обилием женских персонажей. В драме «Приключение» фигурируют лишь две героини: Генриетта и Девчонка. Первая индивидуализирована, она имеет свое лицо и особую историю, вторая являет собой собирательный образ. Франциска из пьесы «Феникс» («Конец Казановы») синтезирует оба этих образа, символизируя последний порыв мистической страсти постаревшего героя.

Похожая архитектура драмы прослеживается и в сценографии гётевской пьесы, где свидетелями внутреннего конфликта Тассо становятся две подобные героини, что подтверждает наличие интертекстуального диалога, обусловленного итальянской литературной традицией. Роли второстепенных персонажей-мужчин в структуре цветаевской пьесы несут философскую функцию и подчеркивают экзистенциальное одиночество Казановы. Всеобщее восхищение Генриеттой словно отнимает у Казановы ее часть. В этом протагонист следует позиции автора, который не желает довольствоваться частью и стремится только к целому. Парадоксальным образом желаемое всегда ускользает от него. Концепт «целостности» любви, страсти, жизни всегда остается для главного героя пьесы чем-то недостижимым. Метаморфозы Генриетты, ее превращения в юношу Анри, смены костюма с женского на мужской, несомненно, связаны с карнавальными традициями, с духом Венеции, задающим тон хронологу пьесы. В андрогинности героини, в травестийной двойственности Генриетты-Анри (свойственной и Франциске) актуализируется драматическая загадка судьбы Казановы, недостижимость и эфемерность его целей.

В «Приключении» Цветаевой (как и в гётевской драме «Тассо») пять действий, называемых картинами. Архитектура цветаевской пьесы наделена латентной симметрией конструкции: две первые и две последние картины являются парными по месту действия и по психологическому рисунку. Они зеркальным образом выстраиваются вокруг оси центральной картины. В ней реализуется конфликт чувств, ведущий к надлому в отношениях. В четвертой картине Казанова остается наедине с женской ипостасью Анри-Генриетты, затем следует резкая и холодная сцена полного разрыва, разделяющего судьбы героев навсегда. «Расставание навечно» — излюбленная тема Цветаевой, красной нитью проходящая через основные шедевры ее лирики. Заключительная картина пьесы отмечена появлением на сцене семнадцатилетней Девчонки. Факт

отсутствия имени героини еще раз демонстрирует философскую глубину лирического мышления Цветаевой, создающей и обнаруживающей конфликты не только как опытный драматург, но и как поэт, оперирующий концептами и символами, заложенными в именах вещей и лиц. Девчонка — обобщенный, безмянный персонаж, так как она одна из тех, кто помогал Казанове забыть Генриетту. В то же время, по определению автора, Девчонка — это «вся молодость и вся Италия» (Марина Цветаева, 1990, с. 329). В данном образе прослеживаются явные интертекстуальные параллели с гётевской Миньоной, ключевым женским персонажем романа «Годы учения Вильгельма Мейстера», олицетворяющим амбивалентную мечту автора и протагониста об Италии. В последующей эстетической традиции Европы гётевская Миньона становится духовным и культурным символом этой страны.

Юные героини Цветаевой и Гёте наделены общими чертами характера. Они непосредственны, эмоциональны, близки к стихии итальянского народного духа, стремящегося выразить себя через песню. Песня Миньоны, исполняемая для Вильгельма, является концептуальной частью романа и представляют собой поэтический эксперимент в театральной прозе. Девчонка поет песню Казанове. Этот литературный прием — уникальный образец лирики в контексте драматического произведения. Миньона воспеваает идиллическую Италию, призывая героя найти эту страну и увезти ее туда. Девчонка не столь наивна, но, по словам персонажа Казановы, это «*короткая песня — а в Рим доведет*» (Марина Цветаева, 1990, с. 387). С помощью образа юной итальянки, связанного с гётевским первообразом Миньоны, Цветаева актуализирует идею раскрытия души Италии через песню. В творчестве двух поэтов отражается музыкальность восприятия природы и человека, заложенная в основах итальянской культуры.

В романе Гёте о Мейстере и в мемуарах Казановы наблюдаются интертекстуальные параллели. Мотив поиска загадочной возлюбленной, предназначенной герою судьбой, решен в прозе итальянца через образ Генриетты: «*Благородная нежная Генриетта, я так тебя любил, где ты?*» (Дж. Казанова, 2009, т. 2, с. 54). У Гёте мотив имеет иное сюжетное развитие, но его элементы различимы в фабульной линии Мейстера и таинственной красавицы-амазонки, ангела-хранителя героя. Вильгельм настолько проникнут ее прекрасным образом, что видит его везде, даже на случайной картине, изображающей кораблекрушение: «*<...> у одной из женщин было сходство с красавицей амазонкой; неизъяснимая жалость охватила нашего друга*» [Иоганн Вольфганг Гёте, 1976, т. 7, с. 348]. В идее синтеза реальной и идеальной любви, фокусирующей сим-

волические аллюзии всего литературного произведения, актуализировались этико-эстетические тенденции эпохи. Мемуарам Казановы данная идея придает мистический флер, возвышающий описанные реалии над обыденностью. У Гёте идея имеет многоуровневые планы реализации. Счастливый финал линии Вильгельма и амазонки Наталии не отменяет трагичности судьбы Миньоны, гибель которой символизирует хрупкость идеала и идеалистических представлений, рушащихся под напором действительности.

Романтическая сцена с песней Миньоны по сути своей трагична, а мечта юной героини о счастливой стране: «Туда, туда, / Возлюбленный, нам скрыться б навсегда» (Иоганн Вольфганг Гёте, 1976, т. 7, с. 117) — неосуществима. Цветаева, представляющая собой внимательного читателя Гёте и одновременно самобытного автора, с помощью песни Девчонки, внедренной в структуру драмы, вскрывает внутренний конфликт героя. Образ Миньоны сформировался в воображении автора до итальянского путешествия. Цветаевская героиня появилась после посещения Италии. Дифференциация влечет за собой различия в смыслообразующей роли образов. Миньона — предвосхищение любви и символ недостижимости идеала, Девчонка — символ утраченного чувства, окончательного крушения иллюзий. «Вы позабудете и Генриетту» — таков эпиграф цветаевской пьесы. В мемуарах Казановы фраза звучит немного иначе: «<...> я случайно взглянул на стекло и увидел надпись, сделанную острием алмаза: „Ты забудешь и Генриетту“. Я тотчас вспомнил миг, когда она начертала эти слова» (Дж. Казанова, 2009, т. 2, с. 53). Тема «расставания навечно», ключевая для цветаевской лирики, выявляется и подчеркивается в контексте драмы. Мотив «расставания», осмысленный в лирическом духе, восходит к гётевскому литературному наследию, к стихотворению «Встреча и расставание» («Willkommen und Abschied») (Johann Wolfgang von Goethe, 1981, bd. 1, s. 32), посвященному Фридерике Брион: «Как билось сердце в такт галопу! / Я всё быстрее гнал коня, / Спустилась ночь по горным тропам, / Качалась колыбель-Земля <...> / Бросая жалобные взгляды, / Луна блуждала в облаках, / Ветра легко летели рядом, / Неся на крыльях смутный страх» (перевод автора). По словам Конради: «<...> ночь, тьма, луна — все это как бы могучие индивидуальности, действующие и оказывающие сопротивление» [Конради, 1987, с. 154] лирическому герою. Высокий эмоциональный накал лирики, живые и динамичные образы природы, способной противостоять герою или сочувствовать ему, свидетельствуют о том, что Гёте в своем творческом развитии опирался на итальянскую литературную традицию, представленную лирикой Данте, Петрарки и Тассо.

«Все вещи своей жизни полюбила <...> прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием» (Марина Цветаева, 1990, с. 299) — писала Цветаева, подтверждая значимость темы прощания-заклинания несостоявшейся любви, характерной для ее творчества. В биографии Гёте наблюдается та же коллизия, что и в судьбе цветаевского Казановы. Значительную роль в его жизни сыграли две женщины: Шарлотта фон Штейн и Христиана Вульпиус. В соответствии с концептом итальянского искусства эпохи Ренессанса они олицетворяли для поэта два вида любви: небесную и земную. «Земная» Христиана стала для Гёте музой «Римских элегий», германским «воспоминанием» об Италии, новой «Миньоной». Возвышенная, «небесная» Шарлотта вдохновила Гёте на создание драмы «Ифигения». Ее психологические черты отражены в образе неприступной Леоноры д'Эсте — главной героини драмы «Тассо», законченной в Италии. Исследование основных мотивов, концептов и структуры «Приключения» показывает, что, создавая третью картину драмы с действием на загородной вилле в Парме, Цветаева опирается не только на мемуары Казановы, но и на опыт гётевского «Тассо». Основной драматический конфликт заключен не в сцене объяснения главных героев, а в самой невозможности выражения чувств. В гётевской пьесе героев разделяют общество и сословные барьеры. В цветаевской драме аналогичную роль препятствия, стоящего между влюбленными героями, играет тайна Генриетты.

Леонора д'Эсте и Леонора Санвитале, принцесса и ее фрейлина — таковы образы двух дам сердца Тассо, сохраненные в итальянских легендах. В произведении Гёте пара похожих женских персонажей приобретает характер архетипа, выраженного в символах луны и солнца. Сияние одной героини возможно лишь в свете другой. Привлекательность фрейлины — это отражение красоты принцессы. Архетип актуализируется в стихотворном тексте драмы. Итальянский поэт сравнивает Леонору д'Эсте с солнцем: *«Заходит солнце милости ее / Передо мной»* (Йоганн Вольфганг Гёте, 1976, т. 5, с. 276). Более благосклонной к нему фрейлине гётевский Тассо отводит роль луны: *«Нас тихий месяц радует в ночи, / <...> Но при солнце он еле бледным облачком парит»* (Йоганн Вольфганг Гёте, 1976, т. 5, с. 277).

При создании «Приключения» Цветаева использовала данный поэтический архетип, трансформировав его, выдвинув на первый план образ луны. Происходит возвращение к поэтическому наследию самого Тассо и раннего Гёте. В лирике Тассо большую роль играет образ луны: *«Затихли реки и леса, / И неподвижна гладь морей, / Ветра умолкли средь ветвей, / И в темном небе тишина: / Светло безмолвствует луна. / Ца-*

рит в природе безмятежность, / Хранит как тайну нашу нежность» [Черепенникова, 2008, с. 23]. Синтез философской и любовной лирики, осуществленный за счет космических образов, находит отражение и в штюрмерских стихах немецкого гения («К месяцу» — «An den Mond»). У Тассо и у Гёте обращение лирического персонажа к образу и символу ночного светила — одна из основных форм поэтической самоидентификации. В лирике Казановы на фоне венецианского «ночного» хронотопа разворачиваются сцены, более похожие на карнавальные. Они способствуют откровенному излиянию чувств лирического героя, связанному со стилистикой народной песни, пронизанной сатирическими нотками. Таково стихотворение Казановы («Семь достоинств» — «I sette capitali») [Otto secoli, 1993, p. 323]: «О любви к малышке милой / Буду петь, пока есть силы, / Тихо петь в ночную тишь. / Петь я буду неустанно / Колыбельную для Наны, / Нана, как ты сладко спишь!» (перевод автора).

Цветаева, впитывающая код итальянской поэзии через наследие Гёте, уделяет большое внимание «лунным» эпитетам в характеристике главной героини. На каламбурах и метафорах, связанных с подобными эпитетами, построены диалоги первой и последней картин. Генриетта называет себя «лунным лучом»; «как спутница Земли — Луна, / Я — вечный спутник Казановы» (Марина Цветаева, 1990, с. 336). Герой вспоминает возлюбленную благодаря песне о луне и лунному свету. В ремарках пьесы Цветаевой уточняется временная составляющая сценического хронотопа — «Часы встреч: вечер и ночь» (Марина Цветаева, 1990, с. 330). образу солнца не уделяется пристальное внимание. Так автор подчеркивает герметичность характера героя, темные стороны его страсти, отражающиеся в «ночной» символике пьесы. Отношения Казановы и Генриетты можно определить с помощью мифологической аллюзии, упомянутой в драме Гёте «Фауст»: «Она — луна, а он — Эндимион» (Иоганн Вольфганг Гёте, Гёте, 1976, т. 2, с. 245). Это цитата из эпизода «Рыцарский зал», в которой осуществлен театральный эксперимент — спектакль внутри пьесы с Мефистофелем в роли суфлера. В первом явлении Генриетты в комнате спящего Казановы прослеживаются ассоциации с мифом о любви римской богини луны Дианы к Эндимиону, которого Юпитер обрек на вечный сон. И в последующей лирике Цветаева обращалась к философским подтекстам образа луны: «Луна как рубище льняное / Вдоль членов, кажущихся дымом. / — Как хорошо мне под луною — / С нелюбящим и нелюбимым» (Марина Цветаева, 1990, с. 70).

Коллизия цветаевской пьесы завершается символическим выбором героя: из многих избрать единственную. Для Казановы, отличавшегося своим непостоянством, такое решение затрунительно. В гётевской

пьесе любовная страсть способна довести Торквато до безумия. В итоге драмы Гёте показывает Тассо не «романтическим безумцем», а человеком, наделенным большим творческим потенциалом, возвышающим его над толпой и над более прагматичными персонажами. Данная коллизия скорее характерная для самого Гёте, чем для личности Тассо, пришедшего к подобному миропониманию лишь перед кончиной. Таким образом, историческое правдоподобие уступает место психологической истине, тесно связанной с глубинами поэтической самоидентификации автора. Гёте сумел найти гармоничный баланс между реалиями бытия и условностью поэзии. Но не всем творческим личностям свойственна подобная гармония. Ее потеря трагически отозвалась как в жизни Тассо, так и в судьбе Цветаевой.

Преемственность классической итальянской литературной традиции, проходящей от Вергилия к Данте и Ариосто, а затем к Тассо и к Казанове, нашла актуализацию в поэзии Гёте и Цветаевой. Не менее важны психотипы и эстетические приоритеты итальянских героев, избранных поэтами в процессе собственной литературной самоидентификации. В данном контексте Тассо и Казанова — исторические образы, наделенные достаточным потенциалом для отражения личностей авторов, сделавших их протагонистами своих драм. Фактор повышенного внимания к богатому наследию итальянской литературы роднит Гёте с Тассо. В гётевской пьесе литературные приоритеты актуализируются уже в первых сценах благодаря упоминанию имен Вергилия и Ариосто. У бюстов этих поэтов разворачивается действие в парке герцогского двора Феррары.

Цветаева демонстрирует аналогичную тенденцию. Ее персонаж Генриетта прежде всего выясняет литературные пристрастия Казановы: «*Что мы читаем? — Данте. — Ариост.*» (Марина Цветаева, 1990, с. 331). Цепочка преемственности становится более очевидной, если учитывать тот факт, что Данте считал себя учеником Вергилия и именно ему в своей «Божественной комедии» доверил роль друга и проводника, ведущего автора по кругам Ада и Чистилища. Цветаевский интерес к поэтическому наследию Данте прослеживается и в поэме «Егорушка». Ее сюжет основан на тексте русского жития святого Егория, а идея восходит к «Божественной комедии»: путь героя задуман «как круги рая (у Данте круги ада)» [Лосская, 1992, с. 68]. Цветаева особенно ценила произведения с итальянской тематикой (например, мандельштамовскую «Флоренцию в Москве»); перевела на русский письма Р.-М. Рильке из Италии; стремилась сделать перевод новеллы Генриха Гейне «Флорентийские ночи». Замысел не был реализован, однако идентичное название получил цветаевский эпистолярный цикл.

Гётевская культурно-историческая ось «Италия-Германия» находит самобытное русское воплощение в творчестве Цветаевой. Пьесы «Приключение» и «Феникс» — русские произведения с итальянской тематикой, в которых отчетливо выявляются фаустианские реминисценции. Сцена первого визита Генриетты к Казанове имеет интертекстуальные отсылки к явлению Мефистофеля в кабинете Фауста. Образ героини ассоциируется в сознании Казановы то с ангелом, то с демоном. А основной фаустианский мотив заключен в моменте сделки: Генриетта требует у Казановы душу в обмен на ее любовь. Цветаева синтезирует в своей героине образы Мефистофеля, Гретхен и самого Генриха Фауста, с которым Генриетта ассоциируется на уровне имени.

Посещение Италии и богатые традиции итальянской литературы дали Гёте и Цветаевой — стимул для дальнейшего творческого развития и окончательной стабилизации поэтической самоидентификации. Цветаева высоко ценила гений Гёте. Об этом свидетельствует цитата, представляющая собой наиболее яркий пример из эссе «Поэт и время». В нем «гений» и «Гёте» — синонимы: *«Гений? Чье имя мы произносим, когда думаем о Возрождении? Винчи. Гений дает имя эпохе. <...> Эпоха Гёте. <...> Гёте и его время: собирательное и собираемое»* (Марина Цветаева. Избранное, 1990, с. 359–360). В данном тексте Гёте не случайно сравнивается с величайшим художником Возрождения Леонардо Да Винчи. Гётевский интерес к занятиям живописью в полной мере проявился в Италии, но художественная часть его натуры не стала препятствием для развития и полной реализации его литературного гения, отразившего дух эпохи. Цветаевой удалось глубоко прочувствовать, что для Гёте итальянские впечатления стали частью его души. Следуя традициям итальянской литературы, Гёте и Цветаева обрели в ее парадигме эстетико-философские эквиваленты собственных воззрений и устремлений, актуализированные в образах Тассо и Казановы. Под итальянскими «масками» стихотворной драматургии гении поэзии наилучшим образом раскрыли собственную индивидуальность. В процессе поэтической самоидентификации произошел синтез эпох и культур, приведший к плодотворному интертекстуальному диалогу, соединившему поэтов разных стран в контексте единой литературной традиции.

Библиографический список

- История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. М., 1985.
- Комолова Н. П. «Италийские сполохи» Марины Цветаевой // Комолова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. М., 2005.

Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. I. Половина жизни. Пер. с нем. / пред. и общ. ред. А. Гугнина. М., 1987.

Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. М., 1992.

Черепенникова М. С. Гёте и Италия. Традиции. Диалог. Синтез. М., 2006.

Черепенникова М. С. Традиции поэтического наследия Италии. Антология итальянской поэзии от эпохи Возрождения до наших дней. М., 2008.

Черепенникова М. С. Традиции итальянской гётеаны. М., 2011.

Atkins S. «Italienische Reise» and Goethean Classicism // *Aspekte der Goethezeit*. Göttingen, 1977.

Cloeter H. Charlotte von Stein und Goethes Italienische Reise // *Jahrbuch des Wiener Goethe-Vereins*. Bd. 64. 1960.

Haile H. G. «Artist in chrysalis». Urbana, 1973.

Höfer A. Johann Wolfgang Goethe. München, 1999.

Otto secoli di poesia Italiana. Roma, 1993.

Источники

Гёте И.-В. Поэзия и правда. М., 1969.

Гёте И.-В. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1976.

Казанова Дж. История моей жизни: автобиографический роман в двух книгах. М., 2009.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Л., 1978.

Толстой Л. Н. О литературе. Статьи. Письма. Дневники. М., 1955.

Цвейг С. Казанова. М., 1990.

Цветаева М. И. Поклонись Москве: Поэзия. Проза. Дневники. Письма. М., 1989.

Цветаева М. И. Поэт и время // Цветаева М. И. Избранное. М., 1990.

Цветаева М. И. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1988.

Цветаева М. И. Стихотворения; Поэмы; Драматические произведения. М., 1990.

Goethes Werke in Zwölf Bänden. Bd. 1. Berlin und Weimar, 1981.

References

Istoriya vsemirnoy literatury v 9-ti tomakh. [The History of World literature]. In 9 vols. Vol. 3. Moscow, 1985.

Komolova N. P. «*Italiyskie spolokhi*» *Mariny Tsvetaevoy*. [«Italian flashes» by Marina Tsvetaeva]. In: *Komolova N. P. Italiya v russkoy kul'ture Serebryanogo veka: Vremena i sud'by*. [Italy in the Russian Culture of the Silver Age: Times and Destinies]. Moscow, 2005.

Konradi K. O. *Goethe. Zhizn' i tvorchestvo*. [Goethe. Life and creativity]. Preface. and the general edition of A. Gugin]. Moscow, 1987. Vol. I.

Losskaya V. *Marina Tsvetaeva v zhizni: Neizdannyye vospominaniya sovremennikov*. [Marina Tsvetaeva in life: Unpublished memoirs of contemporaries]. Moscow, 1992.

Cherepennikova M. S. *Goethe i Italiya. Traditsii. Dialog. Sintez*. [Goethe and Italy. Traditions. Dialogue. Synthesis]. Moscow, 2006.

Cherepennikova M. S. *Traditsii ital'yanskoy geteany*. [Traditions of the Italian Goetheana]. Moscow, 2011.

Cherepennikova M. S. *Traditsii poeticheskogo naslediya Italii. Antologiya ital'yanskoy poezii ot epokhi Vozrozhdeniya do nashikh dney*. [Traditions of the poetic heritage of Italy. An anthology of Italian poetry from the Renaissance to the present day]. Moscow, 2008.

Atkins S. «Italienische Reise» and Goethean Classicism // *Aspekte der Goethezeit*. Göttingen, 1977.

Cloeter H. Charlotte von Stein und Goethes Italienische Reise. *Jahrbuch des Wiener Goethe-Vereins*. B. 64., 1960.

Haile H. G. «Artist in chrysalis». Urbana, 1973.

Höfer A. Johann Wolfgang Goethe. München, 1999.

Otto secoli di poesia Italiana. Roma, 1993.

List of sources

Goethe J.-W. *Poeziya i Pravda*. [Poetry and Truth]. Moscow, 1969.

Goethe J.-W. *Sobranie sochineniy*: [Collected works]. In 10 Vols Moscow, 1976.

Cazanova J. *Istoriya moyey zhizni: avtobiograficheskiy roman v dvukh knigakh*. [The Story of my life: an autobiographical novel in two books]. Vol. 2. Moscow, 2009.

Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete works]. In 10 Vols. Vol. 7. Leningrad, 1978.

Tolstoy L. N. *O literature. Stat'i. Pis'ma. Dnevnik*. [On literature. Articles. Letters. Diaries]. Moscow, 1955.

Zweig S. *Casanova*. [Casanova]. Moscow, 1990.

Tsvetaeva M. I. *Poklonis' Moskve: Poeziya. Proza. Dnevnik. Pis'ma*. [Bow to Moscow: Poetry. Prose. Diaries. Letters]. Moscow, 1989.

Tsvetaeva M. I. *Poet i vremya*. [Poet and time]. In: *Tsvetaeva M. I. Izbrannoe*. [Tsvetaeva M. I. Favorites]. Moscow, 1990.

Tsvetaeva M. I. *Sochineniya*. [Works]. In 2 Vols. Moscow, 1988.

Tsvetaeva M. I. *Stikhotvoreniya; Poemy; Dramaticheskie proizvedeniya*. [Poems; Poems; Dramatic works]. Moscow, 1990.

Goethes Werke in Zwölf Bänden. Bd. 1. Berlin und Weimar, 1981.

КОММЕМОРАТИВНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В. М. ШУКШИНА

Т. А. Богумил

Ключевые слова: некролог, образ, мотив, В. Высоцкий, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский.

Keywords: obituary, image, motif, V. Vysotsky, A. Voznesensky, E. Yevtushenko, R. Rozhdestvensky.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–08

Смерть человека «оцельняет» его судьбу, создавая условие для превращения реального лица в персонажа художественного высказывания. В том случае, если уход внезапен и, по слухам, насильственен, а ушедший — личность известная, возникает лавинообразный поток коммеморативных реакций, сплачивающих общество в едином скорбящем порыве. Неожиданная смерть В. М. Шукшина в расцвете творческой славы и народной любви получила эмоциональный отклик в различных сферах: в средствах массовой информации было опубликовано более 10 некрологов (В. М. Шукшин..., 2018, с. 166); память о Шукшине была увековечена созданием Всероссийского мемориального музея-заповедника, ежегодным проведением Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае», мероприятиями музеев и библиотек; образ Шукшина создавался в различных видах изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, фотография и пр.), в киноискусстве [Огнева, 2009], в песнях (В. М. Шукшин..., 2018, с. 500–515), в стихах и прозе. Фундаментальный справочный труд «В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель» (2018), в который вошли источники за 1958–2017 гг., включает список художественных произведений о Шукшине, состоящий из более 200 публикаций (В. М. Шукшин..., 2018, с. 483–499). Литературная шукшиниана представляет определенный интерес для научного исследования. Первыми шагами в этом направлении можно считать статьи об образе Шукшина в критических и публицистических работах сибирских прозаиков [Каминский, 2009], а также в стихотворениях кемеровских [Карпова, Инякина, 2014] и алтайских поэтов [Завгородняя, 2021].

Наиболее репрезентативными произведениями о писателе, как видится, являются художественные некрологи. Данный тип поминальных текстов, по сути, является разновидностью литературного портрета, от-

личаясь лишь приуроченностью к дате кончины человека, тогда как особенности структуры и поэтики во многом идентичны [Громова, 2008, с. 113; Картаусова, 2010, с. 93]. Подобно всем жанрам мемуаристики, литературный портрет-некролог объектом высказывания делает личность современника, чей образ выстраивается автором при помощи отбора и монтажной компоновки наиболее ярких и / или типичных фактов [Громова, 2008, с. 108].

В центре внимания настоящей статьи — мемориальные тексты крупных поэтов, в которых на высоком художественном уровне и максимально концентрированно создан образ знаменитого современника. Это написанные непосредственно на факт смерти 2 октября 1974 г. стихотворения «Памяти Василия Шукшина» В. Высоцкого, «Памяти Шукшина» Е. Евтушенко, «Смерть Шукшина» А. Вознесенского и «Памяти Василия Шукшина» Р. Рождественского. Обладая большими, нежели у менее популярных авторов, возможностями широкой публичной трансляции, данные произведения имели все шансы стать прецедентными для последующей мемориальной лирики о Шукшине. В отличие от сибирских писателей, для которых в личности и деятельности земляка важен региональный аспект, столичные авторы акцентируют географическую универсальность — всероссийское и мировое значение Шукшина. Понятно, что подобный масштаб охвата аудитории был в первую очередь связан с актерским и режиссерским дарованием Шукшина и лишь во вторую — с его писательскими реализациями. Соответственно, в первых литературных некрологах образ Шукшина моделируется с опорой на кинофильмы, которые он создавал и в которых снимался.

Стихотворение «Памяти Василия Шукшина» В. Высоцкий написал 3 октября 1974 г. (Владимир Высоцкий, 2012, с. 73). Текст был опубликован значительно позже, в 1978 г., в самиздатовском альманахе «Метрополь», хотя магнитофонная запись с единственным допечатным исполнением этой песни к тому времени «случайно разбрелась» [Крылов, Кулагин, 2010, с. 270]. Авторская песня часто пишется на злобу дня и в своей привязке к актуальному информационному поводу перекликается с публицистическими жанрами [Кадочникова, 2018, с. 49]. В рассматриваемом случае с некрологом, что предполагает наличие краткой биографии умершего, данных о его работе и достижениях, о причине смерти и месте похорон, а также завершающих слов скорби [Тертычный, 2000, с. 88]. Художественный некролог, по сравнению с официальным, как правило, отличается усилением авторского начала, описательностью и образностью [Громова, 2008, с. 112–113]. Все обязательные

элементы жанра присутствуют в окончательном варианте текста Высоцкого (см. обзор вариантов в: [Новиков, 2014, с. 120–123]).

В песне главные достижения Шукшина связаны с его фильмами. Гибель героя «Калины красной», Егора Прокудина, которого воплотил Шукшин, суеверными людьми читается как неосторожная игра со смертью, спровоцировавшая реальную трагедию. Мифологическое, детское, нутряное неразличение знака и означаемого оставляет лазейку для иного варианта судьбы: «*Пересними! Перепиши! / Переиграй! Останься живым!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72). Но здравый смысл делает такую перспективу невозможной. Текст песни центонно соединяет заглавия узнаваемых фильмов режиссера: «Печки-лавочки» и «Живет такой парень» («*Все — печки лавочки, Макарыч, / Такой твой парень не живет!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72), «Ваш сын и брат» («*Такой наш брат ушел во тьму*»; с. 72), «Калина красная» и не снятый «Разин». Символические образы песни — калина, береза, баня — отсылают к ключевым мотивам шукшинского мира. Шукшин представлен не только как режиссер («*Пересними!*»), актер («*Переиграй!*»), сценарист («*Перепиши!*»), но и как «скуластый» гитарист («*Спусти колки, ослабь зажимы*») (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) с непростыми отношениями с алкоголем («*тверез*», «*загул*», с. 73). Эти детали указывают на самоотождествление барда с безвременно ушедшим талантом: «...*прощание с Шукшиным было для Высоцкого своеобразной репетицией собственного ухода из жизни*» [Новиков, 2014, с. 121]. Действительно, и личностные, и творческие проявления двух художников обнаруживают системные переключки [Ничипоров, 2004].

Центральный мотив стихотворения Высоцкого — пророческое тождество экранной и реальной смерти — возникает и в поэтическом некрологе А. Вознесенского «Смерть Шукшина», опубликованном в 1975 г.: «*Он свою удивленную смерть / предсказал всенародно в картине*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). В стихотворениях почти совпадает описание рокового события, причем подчеркивается принципиальная разница между игрой и действительностью. Ср.: «*Но успокоился всерьез, / Решительней, чем на экране*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) и «*Называется не экран, / если заживо падают наземь*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). Каталог ролей и фильмов Шукшина, приведенный первым автором, у второго «свернут» до архетипической для Шукшина фигуры Разина. Акцент у обоих поэтов поставлен на неосуществленности замысла: «*А был бы „Разин“ в этот год!*» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) и «*Если б Разина он сыграл*» (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27). Известно, что в устных выступлениях Вознесенский читал еще одну стро-

фу, где упоминалась лейтмотивная для литературного портрета Шукшина калина: «Хоронила Москва Шукшина. / В красных пятнах кинокартины. / Для Марины была бузина, / для него обернулась калиной»²⁴.

Обозначенные совпадения, конечно, свидетельствуют не о вторичности, а об интертекстуальной отсылке позднейшего текста к прецедентному. Тем более что помимо сходства наблюдается разность — иной поворот темы. У Высоцкого снималась оппозиция «я — он», тогда как у Вознесенского на первый план выходит не личное, а общественное: исчезает традиционное противостояние столицы и периферии («Хоронили в Москве» и «В каждом городе он лежал»), индивидуума и народа (зябнет «он» и «страна»), домашнего, интимного и природного, универсального («край как дом», «Байкал, словно зеркало в доме покойника») (Андрей Вознесенский, 2001, с. 27).

В последующей мемориальной поэзии о Шукшине образно-мотивный комплекс, заданный Высоцким и Вознесенским, становится *loci communes*. Например: «Затухает экран. Тишина. / Жизнь и труд обрываются сразу...» (С. Ботвинник); смерть «Достала тайным ножиком, / Как те — в кино, / Где жил и умер тоже он / Не так давно...» (О. Фокина); «Что не дают ему, как надо, / Степана Разина сыграть» (А. Поперечный); «Смотрим, дух затаив, киноленту / Под названием: жизнь или смерть. / Пусть идет этот фильм без экрана — / На просмотре его вся страна. / Как талантливо, нет, гениально / Вы сыграли в нем роль Шукшина. / <...> / Быть собою — труднейшая роль!» (Б. Рахманин); «Он в мире ином обитает. / Он там, где дымятся пригорки, / Для съемки рвется фугас, / Лопахинская гимнастерка / На нем пропотела не раз. / <...> / Такие вот печки-лавочки, / Такие вот, брат, дела. / <...> / И слезы, как росы ранние, / Не обронит княжна / На атлас кафтана Разина, / <...> / Он к нам и другим прорвется, / <...> / И все-таки обойдется» (Г. Лутков); «В нем еще только рождается дерзкий Прокудин, / Бродит по-разински буйная голь-гольтьба. / Все впереди... Долго после последнего акта / Будут юпитеры сцену пустую слепить» (И. Пантюхов); «Умер Шукшин Василий — / Мастер большого кино. Отдано много усилий / Им для Отечества. Но... / „Лавочки-печки“, „Калина“... / <...> / Как-то открылся: „Степана / Разина жажду сыграть!“» (А. Марков); «Самый трагический миг в этом фильме («Они сражались за Родину». — Т. Б.) — / Тот, что остался за кадром: смерть Шукшина... / <...> / Не Шукшин, а Лопахин. Условность искусства. Кино. / И погиб не от пули. / <...> / Ну какая тут съемка, когда нет и часа до смерти! /

²⁴ <http://voznolog.ru/commentary.htm>

Вот тебе и кино!» (Ю. Окунев); *«... в роли парня-блатняжки / сретитировать смерть»* (В. Гордейчев); *«Игра и смерть... / Настал черед, Василий, — Последняя тебе дается роль. / <...> / Погас экран. / Не умирай, Василий! / Живи хоть так, / живи, / не умирай...»* (П. Перебейнос); *«Так и снимаются кинокартины: / роль превращается в боль»* (С. Мнацаканян) (Жил такой парень..., 2009, с. 9–124).

Как видим, литературный портрет Шукшина строится на символических деталях: скулы, кирзовые сапоги, калина, береза и др. Поэты отмечают знаковые в его биографии фильмы: пророческий «Калина красная», роковой «Они сражались за Родину», несбывшийся о Степане Разине.

В данном контексте очевидно, что интертекстуальность трансформируется в интратекстуальность (И. П. Смирнов), или *интекстуальность* (О. Ханзен-Лёве), т. к. функция текстовых переключек состоит не столько в смысловом различении, приращении смысла, сколько в создании единого мемориального свертхтекста о Шукшине. Сформулированная Высоцким матрица, по сути, выразила коллективное бессознательное — то, что все чувствовали. Траурная поэзия, с точки зрения семантики, синтактики и прагматики, отчасти наследует традиции похоронной лирики [Югай, 2016, с. 41]. Фольклорное бытование текста предполагает «всеавторство», набор речевых, образных, мотивных и пр. клише. В случае с литературным некрологом естественно, что источником повторяющихся элементов является реальность: факты биографии и особенности творчества.

Помимо обстоятельств игровой смерти в кинофильме и настоящей — в процессе съемки, в ряде текстов на первый план выдвигается малая родина, пространство детства и взросления Шукшина. Сибирь, Алтай, Сростки, Пикет, Чуйский тракт, Катунь — все эти топонимы мыслятся знаками Шукшина, который, в свою очередь, преобразуется в *genius loci* и туристический «бренд». Пространство воспринимается сквозь призму человека, подвергается антропологизации, т. е. становится геопоэтическим явлением.

Другой блок мотивов, общих для литературной шукшинианы, связан с осмыслением творческого метода писателя и режиссера. Пожалуй, первый литературный некролог, выражающий авторскую концепцию места Шукшина в пространстве культуры, был написан Е. Евтушенко. Стихотворение без заглавия было опубликовано в «Литературной России» почти сразу после смерти — 11 октября 1974 г. Через четыре года оно получило название «Памяти Шукшина». Евтушенко ассоциирует писателя с горбушкой черного хлеба *«с калиною красной вприкуску»* (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82) — исконно народной, на *«закваске мужицкой»* (с. 82) пищей. Аналогия Евтушенко многослойна, отсылает к различным

культурным контекстам. Оппозиция «сдобной булки французской» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82) и куска хлеба содержит аллюзию на эпизод из «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо, где герой вспоминает о том, как одной французской принцессе доложили, что у крестьян нет хлеба, а она ответила: «Пускай едят бриоши!»²⁵) (Жан-Жак Руссо, 1961, с. 238). Крылатая фраза «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!» стала символом отдаленности власти от проблем народа. В контексте стихотворения речь идет об отрешенности изящного элитарного искусства от подлинных нужд и чаяний страдающих людей («вдов», «калек», «сирот») (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82). Между тем творчество Шукшина способно утолить культурный голод самых широких слоев общества и в этом качестве уподоблено евангельскому чуду насыщения народов хлебом. Тем самым подспудно устанавливается параллелизм Шукшина с Христом, подкрепленный мотивами борьбы с фарисейством («Нам с ложью не жить-ся») (Евгений Евтушенко, 1984, с. 82), пленения и мученической смерти («И сердце как сокол, / Как связанный Разин Степан») (Там же, с. 82).

В 1976 г. Е. Евтушенко написал еще один литературный портрет Шукшина — «Галстук-бабочка», где вновь обратился к оппозиции «элитарное — народное искусство», сменив кулинарный код на вестиментарный. Причем очевидной стала принадлежность самого Евтушенка к полюсу «французской булки»: на лирическом субъекте — галстук-бабочка, а на «Шукшине» — кирзовые сапоги. Столичный «пижон» оказывается мнимым: «Ты — со станции Зимы²⁶, / а с такой фитюлькой!» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 156), — упрекает «Шукшин», никогда, кстати, галстуков не носивший²⁷. Конфликт к общему удовольствию разрешается тем, что собутельники снимают знаковые элементы костюма — эстетскую бабочку и кирзовые сапоги. Знаменитая деталь шукшинского образа была выбрана им сознательно еще в студенчестве как выражение принципиальной жизненной позиции — символическое «возвращение» в Русь. По тонкому замечанию Б. Ахмадулиной, это было «утверждение нравственной и географической принадлежности, объявление о презрении к чужим порядкам и условностям» (цит. по: [Разувалова, 2015, с. 112]). Частичное разоблачение — «ноги босиком / и босая шея» (Евгений Евту-

²⁵ Булки из сдобного теста.

²⁶ Станция Транссибирской железной дороги и город, место рождения Е. Евтушенко (по другим данным — г. Нижнеудинск). Ей посвящена поэма «Станция Зима» (1953–1956), топоним упоминается и в других стихотворениях поэта.

²⁷ О семиотике поведения и костюма писателей-«деревенщиков» см.: [Разувалова, 2015, с. 108–116]. О диалектике внутреннего и внешнего (шляпа, галстук и др. вещи) в мимовоззрении и художественном мире В. М. Шукшина см.: [Куляпин, 2022].

шенко, 1984, с. 157) — знаменует отказ от масок, возвращение к искреннему человеческому общению.

Следует отметить, что обозначенный в стихотворении мотив обнажения опирается не только на жизненный факт (по крайней мере, на этом настаивает автор), но и на типичную мотивику (кино) творчества Шукшина. Так, в «Калине красной» Егор Прокудин, приехав в город, «шикарно» одевается: «... в новеньком костюме, при галстуке, в шляпе» (Василий Шукшин, 2014, с. 237). Городские аксессуары становятся сквозными деталями его образа, выражают претензию на высокий статус, не без иронии озвученную героем: «Вон я какой — в шляпе, при галстуке... <...> Чем не прокурорский сын?» (Там же, с. 249). Изменения в душе Егора сопровождаются символическим отказом от вещей-знаков: «Снял с себя галстук, надел одной (березке. — Т. Б.) — особенно красивой, особенно белой и стройной. Потом увидел рядом высокий пенек, надел на него свою шляпу...» (Там же, с. 251). Сапоги и ботинки снимают герои в финале «Печек-лавочек» и «Чудика», мечтает скинуть туфли и рубашку учитель из рассказа «Дебил». Мотив переодевания в художественном мире Шукшина связан с событием «внутреннего освобождения», «самоидентификации героя», «отказа от земных благ и возвращения к естеству, к „истокам“» [Куляпин, Тевс, 2006, с. 116]. Именно этот смысл актуализирован Евтушенко в стихотворении «Галстук-бабочка», но в связи не с героями произведений, а с их автором. Текст завершает фраза, возвращающая к мортальной тематике: «Боже мой, как все легко, / если где-то далеко / слава, смерть, бессмертье...» (Евгений Евтушенко, 1984, с. 157). Здесь исподволь намечается тема, в дальнейшем реализованная в коммеморативных практиках вокруг Шукшина. Слава и бессмертье противопоставлены живому человеку, т. е. процесс запечатления творческого субъекта в культуре предполагает обратный, по сравнению с логикой стихотворения, сюжет — не **разоблачение**, отказ от наносных смыслов, но **облачение**, наделение ролями, масками, с легкостью опознаваемыми эмблемами.

Владимир Высоцкий как-то отозвался о первом «шукшинском» стихотворении Евгения Евтушенко: «...несколько очень хороших строк было. Но они были такие „однодневные“ стихи, под впечатлением» [Крылов, Кулагин, 2010, с. 269]. Сложно сказать, несовершенство ли текста, неочевидность ли для читателей подтекстового слоя некролога Евтушенко сыграли роль, но в дальнейшем из всего многообразия смыслов востребованной оказалась лишь концепция Шукшина — всенародного автора, наследника есенинской традиции. В мемориальных произведениях В. Шукшин выводится как продолжатель не только С. Есенина, но и М. Ломо-

носова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, как автор, одноприродный Н. Рубцову. Действительно, судьбы, мировоззрение и творческие миры указанных и не упомянутых в стихотворениях авторов (и персонажей) находят многочисленные переключки в жизненной стратегии и поэтике Шукшина, о чем написаны специальные работы литературоведов [Куляпин, Левашова, 1998; Левашова, 2001; 2014; Глушаков, 2018; Богумил, 2020].

В поминальной лирике обозначается проблема дальнейшего существования традиции, оборванной безвременным уходом Шукшина: «... он сменился с отчаянной вахты, / И не известно, кому на нее заступать...» (И. Пантюхов) (Жил такой парень..., 2009, с. 76). Эта проблема решается двояко. Во-первых, на призыв В. Высоцкого «Останься живым!» (Владимир Высоцкий, 2012, с. 72) поэты откликаются утверждением вечного существования таланта: «Жив Шукшин. Только жив по-другому» (А. Хаустов) (Жил такой парень..., 2009, с. 92); «Твоих, Россия, сыновей / И смерть сама ведет в бессмертье» (С. Макаров) (Там же, с. 107). Во-вторых, и в художественных, и в публицистических работах многочисленны утверждения писателей, особенно сибирских и алтайских, что они и есть продолжатели Шукшина. Например: «Вдруг повеzet — пройду по следу / Что здесь оставил мой земляк» (А. Жуков) (Жил такой парень..., 2009, с. 79).

В этом контексте любопытны исключительные моменты отказа от наследования. Так, в стихотворении В. Н. Токмакова, посвященном «Светлой памяти Н. Рубцова и В. Шукшина», аллюзивно обыгрывается «костюмный» мотив литературной преемственности: «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“»²⁸. У Токмакова «отец» дарит пиджак сыну, однако вещь не подходит: «Как одену — все не так. / <...> / Видно, время мне пришло / жить своим умом» (Владимир Токмаков, 1994, с. 9). Мысль авангардно настроенного поэта вторит теории формалистов, согласно которой «говорить о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой — борьба и смена» [Тынянов, 1977, с. 258], «борьба с отцами, в которой внук оказывается похожим на деда» [Тынянов, 1977, с. 182], «наследование ... идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику» [Шкловский, 1990, с. 120]. Позиция Токмакова выглядит более честной на фоне дружного восхваления Шукшина и «примазывания» подражателей к статусному предшественнику, чего не избежала поминальная лирика о Шукшине.

²⁸ Об истории крылатой фразы см.: [Душенко, 2019].

Об обратной стороне коммеморативных практик высказался известный воронежский поэт В. Гордейчев в стихотворении «Памяти мастера»: «... стал в стихах повсеместным / персонажем Шукшин. / В скольких рифмах привязан он / к бытовому нитью / <...> / Всем бы горестно-немо / молкнуть нам оттого, / что стихи и поэмы / не поднимут его» (Жил такой парень..., 2009, с. 109–110). Пожалуй, первым поэтом, негативно оценившим стремительно увеличивающийся поток интервью, воспоминаний, художественных произведений о Шукшине, оказался Р. Рождественский. В стихотворении «Памяти Василия Шукшина» отсутствует литературный портрет умершего современника. Единственное, что указывает на него — это заглавие и словосочетание «алтайская порода» (Роберт Рождественский, 1985, с. 219). Весь текст — это гневная инвектива, направленная против «хвалебного воя», «взыгравшего пыла», «поминных застолий», «посмертных восторгов» (Роберт Рождественский, 1985, с. 219) всех тех, кто бурно оценил Шукшина только после его ухода — против «надгробных дружков» (Там же, с. 220). Позже новосибирец Б. Мурашкин в стихотворении о Шукшине написал: «Белов, Астафьев суть сказали, / Они отважились посметь: „В России, чтоб талант признали, / Сначала надо — умереть”» (Жил такой парень..., 2009, с. 95). Поэт солидаризируется с горьким высказыванием В. Астафьева о Н. Рубцове: «В России почти всегда посмертная судьба поэта удачливей прижизненной» (Виктор Астафьев, 2000, с. 7).

На сегодняшний день, когда острота реакции на безвременный уход Шукшина спала, появление новых мемориальных стихотворений, особенно в т. н. «наивной литературе», часто свидетельствует не столько об искреннем переживании утраты, о глубинном понимании творческого мира писателя и режиссера, сколько о соблюдении своего рода ритуала, формальном жесте. Коммеморативные практики сменили свою направленность: важно не запечатлеть память о Шукшине, а отметить себя в контексте знаменитости, подобно тому, как вандалы-туристы подписывают выдающиеся природные и культурные объекты, мол «я там был». Так личность Шукшина окончательно объективируется, превращается в артефакт, памятник самому себе.

Библиографический список

Богумил Т. А. Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден — Гамлет — Степан Разин // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

Глушаков П. С. Очерки творчества В. М. Шукшина и Н. М. Рубцова: классическая традиция и поэтика. Рига, 2009.

Глушаков П. С. Шукшин и другие: статьи, материалы, комментарии. СПб., 2018.

Громова А. В. Жанровые разновидности литературного портрета в наследии Б. К. Зайцева // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7 (63).

Душенко В. В. Все мы вышли из гоголевской «Шинели» // Цитата в пространстве культуры: из истории цитат и крылатых слов. М., 2019.

Завгородняя Н. И. Шукшинский миф в алтайской поэзии // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития. Актобе, 2021.

Кадоchnikова С. А. Жанр некролога в авторской песне // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44).

Каминский П. П. В. М. Шукшин в публицистике С. Залыгина, В. Распутина и В. Астафьева // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. Барнаул, 2009.

Карпова Г. И., Инякина Н. М. Личность и творчество В. М. Шукшина в оценках кемеровских поэтов (М. А. Небогатов, И. М. Кисилев, В. М. Баянов, В. М. Ширяев) // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Картаусова Н. В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9).

Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. Комментарии к песням поэта. М., 2010.

Куляпин А. И. Идеинная структура рассказа В. М. Шукшина «Внутреннее содержание» // Филология и человек. 2022. № 1. DOI: 10.14258/filichel(2022)1–12

Куляпин А. И., Левашова О. А. В. М. Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998.

Куляпин А. И., Тевс О. В. Переодевание // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Т. 2. Барнаул, 2006.

Левашова О. Г. Биографический текст В. М. Шукшина: модели описания // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Левашова О. Г. В. М. Шукшин и традиции русской литературы XIX в. (Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой). Барнаул, 2001.

Ничипоров И. Б. Василий Шукшин и Владимир Высоцкий: параллели художественных миров // Шукшинские чтения. Феномен Шукшина в литературе и искусстве второй половины XX века. Барнаул, 2004.

Новиков В. И. Василий Шукшин и Владимир Высоцкий: мифология и реальность // Традиции творчества В. М. Шукшина в современной культуре. Барнаул, 2014.

Огнева Е. В. Образ В. М. Шукшина в кинодокументалистике // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул, 2009.

Разувалова А. И. Писатели-«деревенщики». М., 2015.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М., 2000.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М., 1990.

Югай Е. Помянуть стихами: коммеморативная наивная поэзия // Археология русской смерти. 2016. № 3.

Источники

Астафьев В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове // Новый мир. 2000. № 2.

В. М. Шукшин: биобиблиографический указатель. Барнаул, 2018.

Вознесенский А. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М., 2001.

Высоцкий В. С. Ловите ветер всеми парусами! СПб., 2012.

Евтушенко Е. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1973–1983. М., 1984.

Жил такой парень...: сб. воспоминаний и стихотворений о Шукшине. Белокураха, 2009.

Рождественский Р. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Стихотворения; Поэмы; Песни. 1970–1985. М., 1985.

Руссо Ж. Ж. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3: Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя. М., 1961.

Токмаков В. Н. Стихи светлой памяти Н. Рубцова и В. М. Шукшина // Ликбез. 1994. № 7.

Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Барнаул, 2014.

References

Bogumil T. A. *Liki V.M. Shukshina: Martin Iden — Gamlet — Stepan Razin*. [Liki V.M. Shukshina: Martin Eden — Hamlet — Stepan Razin]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. [Actual issues of modern philology and journalism]. 2020. No. 4 (39). DOI: 10.36622/AQMPJ.2020.39.4.008

Dushenko V. V. *Vse my vyshli iz gogolevskoy «Shineli»*. [We all came out of Gogol's «Overcoat»]. In: *Tsitata v prostranstve kultury: iz istorii tsitat i krylatykh slov*. [Quotation in the space of culture: from the history of quotations and winged words]. Moscow, 2019.

Glushakov P. S. *Ocherki tvorchestva V.M. Shukshina i N.M. Rubtsova: klassicheskaya traditsiya i poetika*. [Essays about the work of V.M. Shukshin and N.M. Rubtsov: classical tradition and poetics]. Riga, 2009.

Glushakov P. S. *Shukshin i drugie: stat'i, materialy, kommentarii*. [Shukshin and others: articles, materials, comments]. St. Petersburg, 2018.

Gromova A. V. *Zhanrovyye raznovidnosti literaturnogo portreta v nasledii B. K. Zaytseva*. [Genre varieties of literary portrait in B. Zaitsev's heritage]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Tambov University Review. Series: Humanities]. 2008. No. 7 (63).

Kadochnikova S. A. *Zhanr nekrologa v avtorskoy pesne*. [The Genre of the obituary in the author song]. In: *Novyy filologicheskiy vestnik*. [The New Philological Bulletin]. 2018. No. 1 (44).

Kaminsky P. P. *Shukshin v publitsistike S. Zalygina, V. Rasputina i V. Astaf'eva*. [V. M. Shukshin in the journalism of S. Zalygin, V. Rasputin and V. Astafiev]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v mezhnatsional'nom kul'turnom prostranstve*. [V. M. Shukshin's work in the interethnic cultural space]. Barnaul, 2009.

Karpova G. I., Inyakina N. M. *Lichnost' i tvorchestvo V. M. Shukshina v otsenkakh kemerovskikh poetov (M. A. Nebogatov, I. M. Kisilev, V. M. Bayanov, V. M. Shiryaev)*. [Personality and creativity of V. M. Shukshin in the assessments of Kemerovo poets (M. A. Nebogatov, I. M. Kisilev, V. M. Bayanov, V. M. Shiryaev)]. In: *Traditsii tvorchestva V. M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V. M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Kartausova N. V. *Nekrolog kak svoeobraznaya forma literaturnogo portreta*. [Obituary as a peculiar form of literary portrait]. In: *Tsennosti i smysly*. [Values and Meanings]. 2010. No. 6 (9).

Krylov A. E., Kulagin A. V. *Vysotskiy kak entsiklopediya sovetskoy zhizni. Kommentarii k pesnyam poeta*. [Vysotsky as an encyclopedia of Soviet life. Commentaries to the songs of the poet]. Moscow, 2010.

Kulyapin A. I. *Ideynaya struktura rasskaza V. M. Shukshina «Vnutrennee sodержanie»*. [The ideological structure of V. M. Shukshin's short story «Inscape»]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2022. No. 1. DOI: 10.14258/filichel (2022)1–12

Kulyapin A. I., Tevs O. V. *Pereodevanie* [Dressing up] In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar' — spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: encyclopedic dictionary-reference book]. Barnaul, 2006. In 3 vols. Vol. 2.

Kulyapin A. I., Levashova O. A. *Shukshin i russkaya klassika* [V. M. Shukshin and Russian classics]. Barnaul, 1998.

Levashova O. G. *Biograficheskiy tekst V. M. Shukshina: modeli opisaniya*. [Biographical text of V. M. Shukshin: description models]. In: *Traditsii tvorchestva V. M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V. M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Levashova O. G. *Shukshin i traditsii russkoy literatury XIX v. (F. M. Dostoevskiy i L. N. Tolstoy)*. [V. M. Shukshin and the traditions of Russian literature of the XIX century (F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy)]. Barnaul, 2001.

Nichiporov I. B. *Vasilij Shukshin i Vladimir Vysotskiy: paralleli khudozhestvennykh mirov*. [Vasily Shukshin and Vladimir Vysotsky: parallels of artistic worlds]. In: *Shukshinskije chteniya. Fenomen Shukshina v literature i iskusstve vtoroy poloviny XX veka*. [Shukshin's Readings. The phenomenon of Shukshin in literature and art of the second half of the 20th century]. Barnaul, 2004.

Novikov V. I. *Vasilij Shukshin i Vladimir Vysotskiy: mifologiya i real'nost'*. [Vasily Shukshin and Vladimir Vysotsky: mythology and reality]. In: *Traditsii tvorchestva V.M. Shukshina v sovremennoy kul'ture*. [Traditions of V.M. Shukshin's creativity in modern culture]. Barnaul, 2014.

Ogneva E. V. *Obraz V.M. Shukshina v kinodokumentalistike*. [The image of V.M. Shukshin in documentaries]. In: *Tekst: problemy i metody issledovaniya*. [Text: problems and research methods]. Barnaul, 2009.

Razuvalova A. I. *Pisateli-«derevenshchiki»*. [Writers-«villagers»]. Moscow, 2015.

Shklovsky V. B. *Gamburgskiy schet*. [Hamburg account]. Moscow, 1990.

Tertychny A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati*. [Genres of periodicals]. Moscow, 2000.

Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istorija literatury. Kino*. [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977.

Yugay E. *Pomyanut' stikhami: kommemorativnaya naivnaya poeziya*. [Remember with verses: commemorative naive poetry]. In: *Arheologiya russkoy smerti*. [Archeology of Russian Death]. 2016. No. 3.

Zavgorodnyaya N. I. *Shukshinskiy mif v altayskoy poezii*. [The myth about Shukshin in the Altai poetry]. In: *Yazyk i literatura v polikul'turnom prostranstve: problemy, idei, tendentsii razvitiya* [Language and literature in a multicultural space: problems, ideas, development trends]. Aktobe, 2021.

List of sources

Astaf'ev V. P. *Zatesi. Iz tetradi o Nikolae Rubtsove*. [Zatesi. From a notebook about Nikolai Rubtsov]. In: *Novyy mir*. [New World]. 2000. No. 2.

Evtushenko E. A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 1984. In 3 vols. Vol. 3.

Rousseau J. J. *Izbrannyye sochineniya*. [Selected works]. Moscow, 1961. In 3 vols. Vol. 3.

Rozhdestvenskiy R. I. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 1985. In 3 vols. Vol. 3.

Shukshin V. M. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Barnaul, 2014. In 9 vols. Vol. 6.

Tokmakov V. N. *Stikhi svetloy pamyati N. Rubtsova i V. Shukshina*. [Poems of blessed memory of N. Rubtsov and V.M. Shukshin]. In: *Likbez*. [Likbez]. 1994. No. 7.

V. M. Shukshin: biobibliograficheskiy ukazatel.' [V. M. Shukshin: biobibliographic index]. Barnaul, 2018.

Voznesensky A.A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. Moscow, 2001. In 5 vols. Vol. 2.

Vysotsky V.S. *Lovite veter vsemi parusami!* [Catch the wind with all your sails!]. St. Petersburg, 2012.

Zhil takoy paren'...: sbornik vospominaniy i stikhotvoreniy o Shukshine. [There lived such a guy ...: Collection of memoirs and poems about Shukshin]. Belokurikha, 2009.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗАИМСТВОВАННЫМ КОМПОНЕНТОМ В РЕЧИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Л. И. Москалюк, О. С. Москалюк

Ключевые слова: немецкий язык, островные говоры, фразеологизмы, заимствования, семантика.

Keywords: German language, insular dialects; phraseological units; borrowings; semantics.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–09

Введение

Актуальность изучения разговорной и диалектной речи в современной антропоцентрической парадигме гуманитарных исследований не подлежит сомнению. Словарный состав и фразеологический фонд российско-немецких диалектов тесно связаны с историческими событиями, явлениями культуры и социальной жизни народа, находящими свое отражение в языке. Первые наблюдения за развитием немецких языковых островов в России фиксировались уже в XIX в. представителями гуманитарных наук, прежде всего историками и этнографами [Клаус 1869; Писаревский 1909; Штах 1916]. В начале XX в. островные говоры становятся самостоятельным объектом лингвистического изучения [Жирмунский, 1929; Черказьянова, 2009; Berend, 1991].

Фразеология островных диалектов российских немцев еще не подвергалась специальному планомерному научному обследованию. Осуществлены лишь первые шаги в этом направлении, защищена кандидатская диссертация Н.А. Вахрушевой по теме «Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах» [Вахрушева, 2009].

Для реализации цели исследования, результаты которого отражены в данной статье, поставлены следующие **задачи**: установление особенностей семантики заимствованной лексики в составе фразеологизмов, систематизация основных значений фразеологизмов российских нем-

цев с компонентом-заимствованием, определение динамики и направленности развития идиоматики российско-немецких говоров.

Для выполнения поставленных задач применялись следующие методы: описательный метод, метод контекстуального и семантического анализа.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области исследования современного состояния островных немецких диалектов [Matheier, 1994; Nemeth, 2010], немецкой фразеологии [Burger, 2003; Piirainen, 2001], заимствования во фразеологии [Мокиенко, 2009; Walter, Mokienko, 2020].

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении лексикологии немецкого языка, спецкурсов по немецкой диалектологии.

Источником эмпирического материала послужил Текстовый корпус немецких диалектов на Алтае [Москалюк, Москвина, Трубавина, 2014], включающий транскрипты записей бесед автора с носителями немецких диалектов и фольклорные произведения российских немцев, в том числе шванки, короткие юмористические рассказы на бытовые темы. Методом сплошной выборки были отобраны фразеологизмы, содержащие заимствования из русского языка. Для сопоставления привлекались фразеологические словари русского языка [Федоров, 2008] и немецкого языка [DUDEN, Bd. 11. 1992; DUDEN, 2002; Röhrich, 2001].

Важность подобных исследований определяется вкладом системного изучения немецких языковых островов. Научные работы, в которых для анализа привлекается новый фактический материал, могут предоставить важную материальную базу исследования для других работ в области диалектологии. Чем больше эмпирического материала будет собрано и описано, тем более точными будут построенные на нем обобщения. В этом отношении систематизация и изучение структурно-семантических характеристик диалектных фразеологических единиц представляются важными именно с учетом этнокультурной специфики островных немецких диалектов. Как и в современном литературном немецком языке, в рассматриваемых островных немецких говорах большинство фразеологизмов являются мотивированными, их общее значение мотивировано переносным значением свободного словосочетания, т. е. содержание фразеологизма «узнаваемо» при соотнесении его формы с семантикой (ср.: [Burger, 2003, s. 67]).

Семантическая характеристика фразеологизмов российских немцев, содержащих заимствования из русского языка

Фразеологический фонд, представленный в текстовом корпусе бытующих на территории Алтайского края российско-немецких диалектов, характеризуется значительным своеобразием, так как содержит множество фразеологических единиц, отличающихся от стандарта и исходных диалектных вариантов. Эти особенности отражаются при анализе исследуемого фрагмента фразеологической системы российско-немецких диалектов, фразеологизмов с заимствованными из русского языка компонентами.

Развитие фразеологического состава исследуемых островных говоров определяется тем, что для них характерно наличие общенемецких фразеологизмов, представленных в стандартном немецком языке и современных немецких диалектах на территории немецкоязычных стран, и появлением новых фразеологических единиц, не имеющих соответствий во фразеологическом фонде исходного языкового коллектива. Они появились в результате самостоятельного развития островных диалектов в отрыве от прародины и определенной проницаемости, вызванной влиянием иноязычного окружения.

Фразеологизмы с заимствованным компонентом относятся к активно употребляемому фразеологическому запасу российских немцев. Заимствования могут выступать как в качестве опорных или дополнительных компонентов в составе диалектных фразеологизмов. Заимствованные элементы представляют следующие тематические группы: наименования денежных знаков, мер длины, предметов бытового обихода, в качестве заимствований используются и имена собственные. Входя в состав фразеологизмов, они могут выступать как в прямом, так и в переносном значении в качестве символов, реализуя свой оценочный потенциал.

Фразеологизмы-кальки, заимствованные из русского языка, не содержат прямых заимствований. Заимствуются не отдельные элементы чужого фразеологического выражения, а копируются его синтаксическая структура и семантическая мотивированность. Значительное число фразеологизмов российских немцев является кальками из русского языка, передавая значение русского фразеологизма полностью средствами немецкого языка. Полукальки включают в качестве компонентов и прямые заимствования. Подобные фразеологизмы характеризуют человека и его окружение, служат для оценки поведения человека и оценки определенных жизненных ситуаций.

Метафорические и символические значения и оценочные характеристики, которые свойственны рассматриваемым фразеологизмам с заимствованным компонентом, находят свое выражение в следующих случаях.

Слово *русский*, входя в состав фразеологизмов российских немцев, всегда получает определенное экспрессивное значение. Поговорки российских немцев приписывают русским взаимовыручку, острый ум, крепкий сон, русское — это лучшее качество товара и т.д. Использование слов *русский*, *по-русски* обозначает неожиданное изменение ситуации, а также фразеологические выражения с этим компонентом используются для противопоставления немецкого языка как понятного для всех русскому, малопонятному:

n Russ hot noch n Russ em Busem 'о взаимопомощи; одному русскому всегда придет на помощь другой', (букв.: «у русского за пазухой еще один русский»);

die nemmt m ka alter Russ meh ab 'jemandem etwas nicht glauben', 'никто тебе не поверит' (букв.: «не проведешь даже старого русского»). Ср.: нем. яз. *das nimmt dir keiner ab* 'никого не проведешь';

der schläft wie zwanzig Russen 'sehr fest schlafen', 'спать богатырским сном' (букв.: «он спит, как 20 русских»);

der rushe Tabak is stärker wie der teitsche 'о чем-то русском, что лучше немецкого' (букв.: «русский табак крепче немецкого»);

do hot die rasha Matschka gbet drfier 'daraus wird nichts', 'ничего не случится' (букв.: «за это помолилась русская матушка»; «чтобы ничего не случилось»);

soll ich dr rushig sae, wanns des teitsch net vrstehst? 'offen und deutlich sprechen; verständlich für alle reden', 'говорить понятным языком' (букв.: «тебе сказать по-русски, если ты по-немецки не понимаешь?») Слово *deutsch* имеет в этом фразеологизме свое первоначальное значение 'народный, понятный' и противопоставляется чужому русскому языку.

Фразеологизмы, включающие заимствования из русского языка, содержат оценочные характеристики называемой персоны или описываемой ситуации в следующих случаях:

1. Название персон при использовании имен собственных:

do gehts zu, als wann dr Pugatschef drhinner wär 'о человеке, который навел беспорядок' (букв.: «все перевернуто вверх дном, тут все так, как будто Пугачев побывал»), ср. в русском языке: *как будто побывал Мамай*. Синонимичное выражение, содержащее заимствование, — это *Mr taant, do wäre die Girgiser dogwest* (букв.: «кажется, тут киргизы побывали»).

Des is a recht Matlena 'plump, ungeschickt, linkisches Wesen', 'неуклюжая, неловкая' (букв.: «это настоящая Матрена»).

Русское имя собственное используется для передачи негативного поведения человека. Большая часть подобных исследуемых фразеологизмов обладает пейоративной семантикой.

2. Характеристика человека:

— описание его внешности, напр.:

die is so ausgsocht (derr) wie n Tschachon 'dürr sein', 'о худом человеке' (букв.: «он высохший (худой) как чухонец»);

dere (dem) fehlt n Virtl an dr Arschin 'klein von Wuchs sein', 'быть маленького роста' (букв.: «ему не хватает четверти до аршина»);

— описание физических особенностей:

При сравнении используются названия профессий, заимствованных из русского языка:

der frisst wie n Bilschik 'Bärenhunger haben', 'иметь волчий аппетит' (букв.: «он жрет как пильщик»). Занятие пильщика требует большой затраты энергии, поэтому у него всегда хороший аппетит;

— описание умственных способностей, напр.:

bei dem is die Reschotke (Heizgitter) kaputt, die Kohle rottle durch 'Bei dem ist wohl etwas kaputt, er ist dumm', 'у кого-то не все в порядке с головой; быть глупым' (букв.: «у него решетка сломалась, угли высыпаются»);

der hot Gritz im Kopp 'у него каша в голове', ср.: нем. Grütze im Kopf haben, которое имеет два значения: 1) быть умным, 2) быть глупым. Основным компонентом этого выражения является двн. Kritz 'Verstand, Schlaueit'. Народная этимология связала это слово с нем. -Grütze 'вареная каша из овса и проса', которая имеет внешнее сходство с мозгами. Значение 'умный' или антонимичное значение 'глупый' это выражение получает только в контексте. У российских немцев фразеологизм имеет только положительное значение 'умный', для передачи отрицательного значения используется прямое заимствование из русского: *Er hat kascha v golove*, рус. яз.: «у него каша в голове»;

— описание характера, напр.:

dr hot san Kredit vrlone нем. (seinen) Kredit verspielen: 'durch Fehlverhalten Vertrauen / seinen Ruf / sein Ansehen / jemandes Gunst verlieren', 'ему нет доверия, он потерял свой кредит доверия' (букв.: «он потерял свой кредит»). Поговорка подвергает критике тех, кто потерял авторитет из-за неправильного поведения.

Langsam wie n Schillkrot 'schwerfälliger Mensch', 'медлительный человек' (букв.: «медлительный как черепаха»). Ср.: нем. langsam wie eine Schnecke В немецком языке медлительный человек сравнивается с улиткой, российские немцы переняли у русских сравнение с черепахой, передавая такую черту характера человека, как медлительность.

3. Оценка поведения человека, напр.:

messt nach ihre (seiner) Arschin 'andere mit sich selbst vergleichen; andere vom eigenen Standpunkt aus beurteilen' т. е. 'сравнивать других с собой, мерить по себе, судить о чем-либо со своей точки зрения' (букв.: «мерить на свой аршин»). В немецком языке сохранилось устаревшее устойчивое выражение с устаревшим обозначением меры длины Elle локоть, нем. *nach seiner Elle messen*, которое имеет подобное значение.

Для описания поведения человека служат и фразеологизмы-кальки:

Blut werd net zu Wasser, как и соответствующая русская поговорка русского языка «кровь — не водица», немецкое выражение имеет значение 'узы кровного родства сильнее других уз';

des is kan Butterwerk, des vrgeht net 'zerfließen, dahinschmelzen; weich, rührselig, nachgiebig werden; nachlassen; versagen; nicht standhalten', 'не размякнуть, не стать податливым, уступчивым' (букв.: «не масло, не растает»). Образовано по образцу русской поговорки *не сахарный, не растает*, т. е. человек многое может вынести, не согнуться, не отступить, не сдаться в трудной ситуации. Оценочная характеристика содержит иронию. Антонимичное значение имеет немецкое выражение с существительным *Butter*: *wie Butter in / an der Sonne 'nicht stich halten, vor scham vergehn'* (букв.: «растаять как масло на солнце») 'не выдержать испытания'.

4. Характеристика и оценка человеческих действий, например:

des muss ich vor n Spasiwe tue 'umsonst, unentgeltlich, ohne Gegenleistung arbeiten', 'работать не за денежное вознаграждение, не за плату; вознаграждением служат только слова благодарности человека, для которого выполнялась работа'. Фразеологическое выражение является полукалькой русского выражения *делать что-либо за спасибо*, т. е. без оплаты, и содержит прямое заимствование *Spasiwe*;

do is net vom karoscha Weg 'das ist nicht anständig', 'это нехорошее дело, совершать неблаговидный поступок под влиянием трудностей' (букв.: «не от хорошей жизни»). Российские немцы используют существительное *Weg* 'путь' для обозначения слова *Lebensweg* 'жизненный путь';

die wolle die Leit mit Nitschewo fittre 'напоминание о награде за проделанную работу' (букв.: «кормить людей ничем»). Поговорка используется, если вас потчуют напрасными обещаниями или вам сознательно глут. В русском языке: «словами сыт не будешь»; «соловья баснями не кормят»;

des is mit dr Knut gschmelzt 'когда ничего нет — нужно довольствоваться тем, что есть'. (букв.: «заправлено кнудом», т. е. сварено из ничего) В русском языке фраза «каша из топора» является устойчивым вы-

ражением, имеющим значение 'что-либо стоящее, сделанное, несмотря на нехватку компонентов, которые входят в его состав'. Устойчивое выражение российских немцев имеет сходное значение.

5. Оценка ситуаций, напр.:

Nitschawo Sidelka, wann nor dr Rieme halt. 'хорошо провели время, душевно поговорили, получили удовольствие от общения, еды и т.д.' (букв.: «ничего посиделки, только бы ремень выдержал»);

do helft ka Batuschke un ka Matuschke 'da hilft nichts, 'тут уже ничто и никто не поможет' (букв.: «тут не поможет ни батюшка, ни матушка»). Поговорка описывает безнадежную ситуацию, в которой никто не придет на помощь;

s is plocho in dr Delle, in dr Säckel nix 'нет удачи в делах, не везет' (букв.: «плохо в деле, нет и в кармане ничего»). Диалектное слово *Säckel* обозначает 'Tasche', 'карман', заимствованное слово *Delle* имеет значение 'Geschäft', 'дело'. Ср. русское: 'Про него слава хороша, а в кармане нет ни гроша'.

Фразеологизмы, содержащие заимствования из русского языка, усиливают образный эффект, так как служат для выражения экспрессивной интенсификации. Эти фразеологизмы используются для выражения оценочных, эмоциональных представлений и суждений говорящего, комментирующего происходящее в окружающей действительности. Они служат для характеристики человека, часто с отрицательной стороны, реже с положительной, для высмеивания или одобрения его действий. Большая их часть обладает пейоративной семантикой. Семантика исследуемых фразеологизмов негативно характеризующих человека и бытовые ситуации, обуславливает оценочную ориентированность идиом. Фразеологизмы с заимствованными элементами и фразеологизмы-кальки относятся к активному фразеологическому составу языка, активное употребление показывает их особую значимость в российско-немецком культурном пространстве.

Заключение

Проведенный анализ фразеологических единиц позволил выявить особенности их употребления в речи носителей российско-немецких говоров. Многие фразеологические выражения российских немцев содержат заимствования из русского языка, заимствования могут выступать в качестве основного базового элемента фразеологизма либо второстепенного элемента, уточняющего значение идиомы. Заимствования, входя в состав фразеологизмов, часто получают экспрессивную окраску, переносное значение или выступают в качестве символа. Заимство-

вания во фразеологизмах способствуют образной презентации окружающего мира. В результате использования заимствований, представленных во фразеологизмах российских немцев, привлекается внимание к отдельным понятиям, ситуациям, действиям из повседневной жизни человека, в результате они описываются более ярко и наглядно. При этом, когда реализуется значение калькированных фразеологизмов в результате заимствования из русского языка, привлекаются культурно связанные ассоциации, отражающие культуру российских немцев.

Проведенный анализ семантики фразеологических выражений, функционирующих в островных немецких говорах, позволил выявить их основные особенности и установить общие тенденции развития фразеологического фонда рассматриваемых островных говоров. Для них характерно не только сохранение фразеологизмов исходных языковых областей, но и возникновение новых фразеологических единиц под влиянием окружающей иноязычной действительности, расширение фразеологического фонда за счет калькированных фразеологизмов русского языка.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в дальнейшем изучении фразеологического фонда российско-немецких говоров.

Библиографический список

- Вахрушева Н. А. Соматические фразеологизмы в островных немецких говорах: автореф. дисс. ... к. ф. н. Иркутск, 2009.
- Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Т. 3. Л., 1929.
- Клаус А. А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.
- Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М., 2009.
- Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В. Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул, 2014.
- Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М., 2008.
- Черказьянова И. В. Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960–2009 гг.). СПб., 2009.
- Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991.

- Burger H. *Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin, 2003.
- Eichinger L., Plewnia A., Riehl C. M. *Handbuch der deutschen Sprachminderheiten in Mittel- und Osteuropa*. Tübingen, 2008.
- DUDEN. *Das große Buch der Zitate und Redewendungen* (Ed.: Dudenredaktion). Mannheim: Duden, 2002.
- DUDEN. *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik Vol. 11*. Mannheim, Leipzig u. a.: Duden, 1992.
- Matheier K. J. *Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Sprachinselforschung / Hrsg. N. Berend; K. J. Matheier*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994.
- Nemeth A. *Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen*. Tübingen, 2010.
- Piirainen E. *Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen // Flood of texts — diversity of cultures: Ascona 2001 on the methodology and cultural specificity of phraseology*. Ed. by H. Burger, A. H. Buhofer, G. Greciano. Baltmannsweiler, 2003.
- Röhricht L. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten in 5 Bänden*. Freiburg, Basel, Wien, 2001.
- Walter H., Mokienko V. M. *Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie. Kollektivmonografie*. Greifswald, 2020.

References

- Vakhrusheva N. A. *Somaticheskiye frazeologizmy v ostrovnykh nemetskikh govorakh*. [Somatic phraseological units in island German dialects]. Thesis of Philology. Cand. Diss. Irkutsk, 2009.
- Zhirmunskiy V. M. *Problemy kolonial'noy dialektologii*. [Problems of colonial dialectology]. In: *Yazyk i literature*. Language and Literature]. T. 3. Leningrad, 1929.
- Klaus A. A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii*. [Our colonies. Experiments and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia]. St. Petersburg 1869.
- Mokienko V. M. *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologicheskiye ocherki frazeologii*. [Images of Russian speech: historical and etymological essays of phraseology]. Moscow, 2009.
- Moskalyuk L. I., Moskvina T. N., Trubavina N. V. *Tekstovyi korpus ostrovnykh nemetskikh govorov Altaiskogo kraja*. [Text corpus of island German dialects of the Altai Territory]. Barnaul, 2014.
- Pisarevskiy G. G. *Iz istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v XVIII v.* [From the history of foreign colonization in Russia in the XVIII century]. Moscow, 1909.

Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Moscow, 2008.

Cherkaz'yanova I. V. *Letopis' dissertatsiy po istorii i kul'ture rossiyskikh nemtsev (1960-ye-2009 gg.)*. [Chronicle of dissertations on the history and culture of Russian Germans (1960s-2009)]. St. Petersburg, 2009.

Berend N., Jedig H. *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion: Geschichte der Forschung und Bibliographie*. Marburg, 1991.

Burger H. *Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin, 2003. Eichinger L., Plewnia A., Riehl C. M. *Handbuch der deutschen Sprachminderheiten in Mittel- und Osteuropa*. Tübingen, 2008.

DUDEN. *Das große Buch der Zitate und Redewendungen*. Ed.: Dudenredaktion. Mannheim, 2002.

DUDEN. *Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten*. Idiomatisches Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. Bd. 11. Mannheim, Leipzig u. a.: Dudenverlag, 1992.

Matheier K. J. *Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen*. In: *Sprachinselforschung*. Hrsg. N. Berend; K. J. Matheier. Frankfurt am Main, 1994.

Nemeth A. *Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn*. Tübingen, 2010.

Piirainen E. *Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen*. In: *Flood of texts — diversity of cultures: Ascona 2001 on the methodology and cultural specificity of phraseology*. Ed.: H. Burger, A. H. Buhofer, G. Greciano. Baltmannsweiler 2003. S. 117–128.

Röhrich L. *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. 1–5 vols. Freiburg, Basel, Wien, 2001.

Walter H., Mokienko V. M. *Die slawische Phraseologie: Entlehnungen und Kalkierungen in der slawischen Phraseologie*. Kollektivmonografie. Hrsg.: H. Walter, V. M. Mokienko. Greifswald: Universität Greifswald, 2020.

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В СВЕРХКРАТКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РАССКАЗАХ

Н. Н. Шацких

Ключевые слова: сверхкраткий рассказ, категория текста, информативность, подтекст.

Keywords: ultra-short story, text category, informativeness, subtext.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–10

Сверхкраткий (сверхкороткий, ультракороткий) сюжетный рассказ (англ. *short short story*, *ultra-short story*, фр. *Micronouvelles*, нем. *Kurzestgeschichten*, исп. *Micror relatos*) — распространенный в западной нарратологии термин, используемый для обобщенного определения прозы предельной краткости. В англоязычных исследованиях встречаются многочисленные наименования этого жанра художественной литературы: flash fiction, sudden fiction, fast fiction, quick fiction, microfiction, nanofiction, skinny fiction, postcard fiction, microstory, micro tale и др. В русскоязычных исследованиях сверхкраткий рассказ фигурирует и под другими названиями — литературная миниатюра, рассказ-миниатюра, маленький рассказ, микрорассказ и пр. В Китае эту повествовательную форму называют minute-long story, pocket-size short story, palm-sized story и даже the smoke-long story («рассказ длиной в одну сигарету»).

Сверхкороткий рассказ представляет собой текст с ограниченным количеством слов и делится на следующие подвиды: шестисловный рассказ, девятисловный рассказ, дриббл (также известный как «минисага», 50 слов), рассказ в 55 слов, рассказ в 69 слов, драббл (также известный как «микрофикшн», 100 слов), твиттература (140 или 280 слов), садден-фикшн (750 слов) и флэш-фикшн (1000 слов).

В истории литературы можно найти множество примеров сверхкратких рассказов. Почти в любой статье, посвященной ультракоротким рассказам, упоминается знаменитый литературный эксперимент, приписываемый Эрнесту Хемингуэю, который якобы на спор сочинил историю всего из 6 слов: «*For sale, baby shoes, never worn*».

В последние несколько лет популярность сверхкратких художественных произведений сильно возросла. Всемирная сеть Интернет стала платформой для появления все новых и новых разновидностей микро-рассказов. Это связано с новыми культурными веяниями и с глобальны-

ми изменениями, происходящими в жизни общества. Ускорение темпа жизни диктует свои правила игры. Найти время для чтения повести или романа может далеко не каждый. Мы уже привыкли потреблять фрагментированную, не связанную в единый сюжет информацию, читая со смартфона на ходу, в машине, в лифте, в общественном транспорте. В «век информации» особую ценность приобретают быстрота восприятия, информативность при минимальной затрате ресурсов.

Анализ разнообразных методических материалов по написанию сверхкоротких рассказов выявляет ряд требований, предъявляемых к ним: включение ограниченного количества персонажей, представление одной идеи или одной эмоции, ограничение количества сцен до минимума, максимальный вес каждого слова в ситуации, когда нет места свободно развертывающимся, пространным описаниям (микрорассказ должен представлять собой интересную, глубокую историю, оформленную наименьшим количеством слов). Особое внимание в процессе написания сверхкоротких рассказов уделяется стилистическим приемам, приобретающим благодаря маленькому объему рассказа особую значимость.

Композиционно сверхкороткий рассказ может иметь те же элементы, что и короткий рассказ (*short story*), т. е. завязку (экспозицию), конфликт, кульминацию и концовку (развязку). Однако часто ультракороткие рассказы отступают от традиционной композиционной структуры и начинаются «с середины», т. е. с того момента, когда конфликт, или кульминация, вот-вот начнется.

Основными категориями сверхкороткого рассказа, как и любого другого художественного текста, являются: связность, членимость, локально-темпоральная отнесенность, целостность, завершенность, прагматическая направленность, информативность и др. Важно отметить, что понятия «информативность» и «информация» не являются синонимами. Информация — это «получение новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности, что предполагает наличие неравнозначных тезаурусов коммуникантов как обязательного условия осуществления информирования» [Козловская, 2006, с. 44]. В свою очередь, под информативностью текста следует понимать «степень его смысло-содержательной новизны для читателя, которая заключена в теме и авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли» [Валгина, 2003, с. 152].

Специфика актуализации категории информативности в сверхкоротком рассказе заключается в том, что большая часть информации передается имплицитно. Текст микрорассказа нередко заканчивается раньше, чем логический конец описываемой в произведении ситуации, тем са-

мым оставляя читателя на том моменте, в том месте, где его (читателя) догадливость, фантазия, фоновые знания, жизненный опыт позволяют самому домыслить развитие концовки. Такая проза обладает уникальной особенностью скрывать или подразумевать более крупную историю. Именно это свойство текста позволяет сжато в вербальном отношении представить идею автора, его мысли и донести их до читателя, создав при этом полноценные условия для интерпретации текста. Читатель становится вторым автором, вынужденным декодировать то, что не было сказано, восстанавливать скрытый, неявный смысл (подтекст).

Рассмотрим основные способы создания подтекста в англоязычной микропрозе на примерах самых коротких, шестисловных рассказов.

На фонетическом уроне скрытая информация может передаваться при помощи интонации (например, в том случае, когда мы хотим выразить свое ироничное отношение к предмету разговора) и особенностей произношения того или иного слова. На письме особенности произношения какого-то слова передаются при помощи графона — стилистического приема, представляющего собой *стилистически значимое отклонение от графического стандарта или орфографической нормы*. Рассмотрим следующий пример:

1) 12/21/2012: *Mayans? Whoever were the Mayaаааааа...* (Six Word Stories)

Во втором предложении микрорассказа в слове «Mayans» («народ Майя») отсутствуют две финальные согласные «n» и «s», а буква «a» написана несколько раз. При помощи этого графона и отсутствия вопросительного знака автор создает впечатление «растянутости» и незаконченности слова и самого вопроса, как будто говорящий не смог произнести его до конца вследствие внезапно произошедшего события. Сопоставив этот эффект с упомянутой в рассказе датой, читатель декодирует явно не выраженную, но подразумеваемую в тексте информацию. Следует заметить, что многое в толковании этого сверхкраткого рассказа строится на пресуппозиции. Пресуппозиция — это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание принято называть фоновыми знаниями. В. А. Звегинцев утверждает, что главная ценность проблемы пресуппозиции заключается как раз в том, что она делает возможным экспликацию подтекста [Звегинцев, 1976, с. 221]. Наше предзнание помогает понять, что в рассматриваемом примере речь идет о конце света, который, согласно предсказаниям Майя, должен был произойти 21 декабря 2012 года, и именно это, по всей вероятности, и случилось в описываемой в рассказе ситуации.

Созданию подтекста в сверхкратких англоязычных рассказах также способствует такой стилистический прием, как метафора. В прагмати-

ческих исследованиях метафорические высказывания рассматривают как способ употребления языка, при котором буквальные (конвенциональные) значения слов используются для выражения других смыслов. Ассоциируя две различные категории объектов, метафора семантически двойственна. Например:

2) *My heart danced, but didn't sing.* (Six Word Stories)

Интерпретация данного рассказа может быть различной и во многом зависит от воображения и жизненного опыта читателя. Метафора «сердце поет» употребляется, как правило, когда речь идет о положительных чувствах и эмоциях, таких как радость, счастье, любовь и т. п. Однако начало рассказа говорит нам о том, что главный герой не испытывал подобных чувств в полной мере, хотя и был эмоционально взволнован.

Метонимия также является одним из основных источников непрямых / скрытых смыслов в сверхкратких рассказах. Метонимия — это троп, основанный на ассоциации по смежности. Она состоит в том, что вместо названия одного предмета употребляется название другого, связанного с первым постоянной внешней или внутренней связью. Приведем пример:

3) *Inside cupboard, naked goosebumps — husband home.* (Six Word Stories)

В этом рассказе автор описывает ситуацию, когда муж внезапно приходит домой, а другой мужчина, проводивший время с женой, прячется в шкафу. Обычно для обозначения персонажа-любownika используется слово «lover» или его синонимы. Однако в данном микрорассказе автор употребил слово «goosebumps» («мурашки») вместо лексемы «lover». «Мурашки» непроизвольно появляются на коже человека, когда организму холодно или когда человек испытывает такие сильные эмоции, как страх, благоговение, восхищение и др. Таким образом, в рассказе одно название («naked lover / man») заменяется другим («naked goosebumps»), имеющим к нему непосредственное отношение, что является примером метонимии.

Распространенным способом передачи имплицитной информации в ультракоротких англоязычных рассказах являются аббревиатуры. Аббревиатуру можно определить как существительное, состоящее из усеченных слов исходного словосочетания или из усеченных частей исходного сложного слова. Проиллюстрируем сказанное примером:

4) *T.H.C., L.S.D., D.U.I., C.P.R., D.O.A., R.I.P.* (Six Word Stories)

Декодирование данного микрорассказа требует интеллектуальных усилий и знания значений используемых аббревиатур: T.H.C. (сокр. от англ. «tetrahydrocannabinol» — «тетрагидроканнабинол») и L.S.D. (сокр. от нем. «Lysergäurediethylamid» — «диэтиламид d-лизерги-

новой кислоты») — названия наркотиков, D.U.I. расшифровывается как «driving under the influence» («управление автомобилем под воздействием алкоголя или наркотических средств»), C.P.R. переводится как «сердечно-легочная реанимация», D.O.A. означает «dead on arrival» — «скончался в больнице, не приходя в сознание; скончался по дороге в больницу», R.I.P. — традиционная надпись на надгробиях, эпитафия «Rest in peace» («Покойся с миром»). Из сказанного следует вывод, что закодированную в рассказе информацию можно интерпретировать следующим образом: врачам не удалось спасти жизнь главного героя, употреблявшего наркотики и попавшего в аварию, находясь в состоянии наркотического опьянения.

Еще одним источником имплицитных значений в сверхкоротких рассказах можно считать коннотацию слов. Суть явления коннотации проявляется в наличии дополнительных смыслов, наслаивающихся на основной, денотативный смысл слова, и поэтому коннотативное содержание следует рассматривать как имплицитное [Долинин, 2010, с. 32].

Под коннотацией обычно понимают те компоненты значения слов, которые служат для обозначения каких-либо явлений нелингвистической реальности, и сюда относят стилистический компонент (указывающий на сферу употребления, характерную для того или иного слова), эмоциональный компонент (отражающий эмоции адресанта), экспрессивный и оценочный компоненты (показатели особого отношения адресанта к предмету речи), а также ассоциативный компонент, т. е. возможные ассоциации, вызываемые данным словом. Например:

5) *Tonight on Sick Sad World: Trump. (Six Word Stories)*

Словосочетание «Sick Sad World» в данном рассказе может быть названием телеканала или радиостанции, при этом коннотативные значения прилагательных «sick» («causing or experiencing unpleasant feelings») и «sad» («not satisfactory or pleasant; very bad or regretted») [Cambridge Dictionary] содержат отрицательные оценочные компоненты и, следовательно, способствуют выражению негативного отношения автора к предмету речи — выступлению Дональда Трампа на этом телеканале или радиостанции и, вероятно, его политике в целом.

Перифраз и эвфемизмы также являются одним из основных средств создания подтекста в микрорассказах. Эвфемизм — это эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичного слова или выражения, воспринимаемого говорящим как резкое, грубое или непристойное. В свою очередь, перифразом называют описательное обозначение объекта на основе выделения какого-либо его качества, признака, особенностей, например «храм науки» вме-

сто «университет». В отличие от эвфемизмов перифраз не используется из соображений вежливости или политкорректности. Рассмотрим следующие примеры:

6) *He bottle-feeds his wife's killer.* (Six Word Stories)

В данном рассказе вместо нейтрального слова «child» («ребенок») автор использовал перифраз «wife's killer» («убийца жены»). Читатель понимает, что речь идет о грудном ребенке, так как герой рассказа кормит его из бутылочки. Таким образом, можно сделать вывод, что женщина умерла при родах и ребенок невольно стал ее «убийцей». Выражение «wife's killer» имеет отрицательную оценочную коннотацию и косвенным образом передает отношение отца к ребенку: в данном случае родитель обвиняет новорожденного в смерти своей жены и, вероятнее всего, ненавидит его из-за случившегося.

7) *Lizzie meets hatchet. Papa meets maker.* (Six Word Stories)

В этом примере выражение «meets maker» («встречает Творца / Создателя») представляет собой эвфемизм, заменяющий слово «to die» («умереть, умирать»). После того как героиня берет в руки топор, ее папа умирает. Для лучшего понимания этого рассказа читателю необходимо ознакомиться с историей Лиззи Борден, гражданки США, которая стала известной благодаря знаменитому делу об убийстве ее отца и мачехи, в котором ее обвиняли.

Приращению смысла и увеличению текстового пространства сверхкраткого рассказа при его существенно сокращенном объеме также способствует такая категория текста, как интертекстуальность. За счет отсылки к другим текстам интертекстуальность позволяет сжато в вербальном отношении представить идею автора, его мысли и донести их до читателя, создав при этом полноценные условия для интерпретации текста, которая во многом зависит от эрудированности и кругозора читателя. Обратимся к следующему примеру:

8) *They lived happily ever after, separately.* (In Six Words, These Writers Tell You an Entire Story)

Фраза «they lived happily ever after» часто используется в художественной литературе, особенно в сказках и повествует о счастливой жизни главных героев после описанных в произведении событий. Однако в приведенном примере эта фраза дополняется словом «separately», что коренным образом меняет ее смысл. В данном случае герои микрорассказа зажили счастливо только после расставания друг с другом или развода.

В сверхкратких рассказах часто используется такая форма интертекстуальности, как аллюзия, способствующая увеличению информативности произведения. Аллюзия представляет собой «неявное, завуалирован-

ное (но ясное для адресата) упоминание о ком- или о чем-либо, затрагивание какой-либо темы с помощью намека» [Словарь иностранных слов русского языка]. Так, имя «Lizzie» в примере 7 является аллюзией. После нашумевшего судебного дела имя Лиззи Борден стало нарицательным, и некоторые случаи убийств с топором стали называть ее именем. Кроме того, существует даже детская считалочка про Лиззи Борден.

Согласно другому определению, аллюзия — это «стилистическая фигура, содержащая указание, аналогию или намек на некий исторический, политический, литературный или мифологический факт, закрепленный в текстовой культуре или в разговорной речи» [Белоножко, 2012, с. 15]. Иногда для того чтобы упомянуть о каком-либо литературном или культурном факте, достаточно нескольких слов, а иногда и одного слова, однако за этим словом может храниться и подразумеваться полноценный сюжет. Неявность часто рассматривается как определяющее свойство аллюзии, и для ее понимания иногда требуются особые, весьма специфические знания. Например:

9) *You're not a good artist, Adolf.* (Storypick)

Рассказ содержит аллюзию на известный исторический факт: до того как стать рейхсканцлером Германии, Адольф Гитлер занимался рисованием и дважды пытался поступить в Венскую художественную академию, но так и не смог сдать вступительные экзамены. Существует мнение, что именно этот провал стал судьбоносным в жизни диктатора. Автор анализируемого рассказа отсылает читателя к данной исторической личности, раскрывая часть ее биографии.

Следующий пример основан на использовании такой фигуры речи, как умолчание, грамматической основой которого является синтаксическая компрессия высказывания — обрыв речевой цепи, который оформляется в виде многоточия или тире. При умолчании адресант намеренно обрывает высказывание и предоставляет реципиенту самому догадаться о смысле невербализованного содержания. Таким образом, основным в приеме умолчания является высокая степень концентрации информативно и коммуникативно значимого содержания в незавершенной части высказывания. Следует отметить, что в ряде работ по лингвистике умолчание отождествляется с апозиопезисом (см.: [Мороховский, Воробьева, Лихошерст, Тимошенко, 1984; Банина, Мельничук, Осипова, 2017]). Другие авторы разграничивают эти понятия, подчеркивая тот факт, что при апозиопезисе обрыв речевой цепи происходит вследствие переполняющих адресанта чувств и эмоций (см.: [Арнольд, 1990; Бутина, Шилаева, 2000]).

10) *I am not a racist, but...* (Reddit)

Герой данного рассказа утверждает, что он не расист, и обрывает высказывание после союза «но». В незаконченной части предложения содержится намек на то, что в каких-то определенных ситуациях / случаях этот человек все же способен проявлять черты расиста.

Эллипсис (эллипс) — пропуск элемента предложения, который восстанавливается посредством контекста — также способствует созданию подтекста в сверхкратких англоязычных рассказах. Автор заставляет читателя домыслить то слово или выражение, которое умышленно им пропущено. Например:

11) *Finally spoke to her. Left flowers.* (iFunny)

Этот сверхкраткий рассказ состоит из двух эллиптических конструкций. В данном случае не упоминается производитель действия (агенса). Подразумеваемая автором подтекстная информация наводит читателя на мысль о том, что упомянутая в рассказе женщина (девушка или девочка), по всей вероятности, была смертельно больна или мертва, а цветы были оставлены в ее палате или на ее могиле. Прийти к такому выводу читателю помогает слово «finally», указывающее на то, что главный герой (или героиня) заговорил с женщиной не сразу, а спустя какое-то время и, возможно, сделав над собой усилие, а также словосочетание «left flowers», которое означает, что цветы были не подарены женщине, а оставлены для нее вследствие невозможности передать их лично в руки.

К источникам имплицитных значений в сверхкратких рассказах можно также отнести идиомы — семантически цельные образования, значение которых невыводимо из совокупности значений составляющих их частей. Идиомы основаны на переносе значений, метафоре. Проанализируем пример:

12) *Wanted to ski. Got cold feet.* (Reddit)

Воспринимая каждое слово в этом рассказе буквально («Герой хотел покататься на лыжах, но его ноги замерзли»), читатель рискует не уловить оригинальный замысел автора. Используемое в рассказе идиоматическое выражение «to get cold feet» имеет значение «струсить, испугаться, не решиться на что-то, спасовать». Следовательно, настоящий смысл, который вложил в рассказ его автор, — «герой имел желание покататься на лыжах, но испугался, струсил в последний момент». Следует отметить, что в данном микрорассказе использование идиомы сочетается не только с эллипсисом, но и с каламбуром (игрой слов). Каламбур — литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов / словосочетаний, сходных по звучанию, — часто используется в ультракоротких рассказах и способствует приращению смысла. Рассмотрим еще один пример:

13) *I missed you! Taking better aim...* (Six Word Stories)

Предложение «I missed you!» в данном рассказе звучит двусмысленно: значение, которое приходит на ум в первую очередь, — это «я скучал (а) по тебе», однако настоящий смысл этого высказывания — «я промахнулся, не попал в тебя», что становится понятно из контекста всего рассказа.

Пословицы, поговорки и различные виды декомпозиции (разложения) фразеологических единиц также являются одним из основных способов передачи скрытой, имплицитной информации в сверхкоротких рассказах. Обратимся к следующему примеру:

14) **365 Apples.** *My annual insurance policy.* (Six Word Stories)

В этом рассказе содержится аллюзия на известную английскую поговорку «An apple a day keeps the doctor away». Герой называет 365 яблок «своей годовой страховкой», тем самым намекая, что, если он будет съедать одно яблоко в день, у него не будет проблем со здоровьем, и ему не придется обращаться к врачам за медицинской помощью. Для того чтобы декодировать содержащийся в данном тексте имплицитный компонент, необходимо знать вышеупомянутую поговорку. Однако далеко не все английские поговорки и поговорки имеют эквиваленты в других языках и культурах. Так, например, в русском языке нет аналога используемой в рассказе поговорки. По этой причине интерпретация смысла англоязычных рассказов, содержащих поговорку и поговорку, может вызывать затруднения у тех читателей, кто не знаком с англоязычной культурой.

Еще одним средством создания подтекста в ультракоротком рассказе являются смысловые или семантические пропуски, приводящие к смысловому несоответствию контактно расположенных высказываний / предложений. В таком случае реконструирование дополнительно подразумеваемого смысла представляет собой процесс домысливания читателем не выраженных, но восстанавливаемых значений, когда информация, переданная эксплицитно, служит основанием для вывода. Например:

15) *Distraught child. Missing goldfish. Purring cat.* (Reddit URL)

Рассказ состоит из трех односоставных (номинативных) предложений, которые, на первый взгляд, не связаны между собой. Однако presupпозиция (наши фоновые знания, наш жизненный опыт) помогает нам восстановить эту связь, этот скрытый / подразумеваемый смысл: если кот довольно урчит, значит, он съел золотую рыбку, что сильно расстроило, огорчило ребенка, для которого, возможно, золотая рыбка была любимым и / или единственным питомцем.

Итак, несмотря на малый объем, сверхкороткие рассказы представляют собой законченное литературное произведение, характерной чертой которого является повышенная смысловая наполненность. Для создания

подтекста авторы микропрозы используют такие лингвостилистические средства, как метафора, метонимия, аллюзия, каламбур, перифраз, эвфемизмы, аббревиатуры, идиоматические выражения, пословицы и поговорки, апозиопезис, эллипсис, графон и др. Декодирование невербализованного содержания нередко требует от читателя определенных временных затрат, специфических знаний, интеллектуальных усилий, напряженной мыслительной работы.

Библиографический список

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). 3-е изд. М., 1990.

Банина Н. В., Мельничук М. В., Осипова В. М. Основы теории и практики стилистики английского языка. М., 2017.

Белоножко Н. Д. Аллюзия в стилистической конвергенции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб., 2012. № 2. Т. 7.

Буторина Г. Г., Шиляева А. М. Синтаксические стилистические средства и их роль в интерпретации художественного текста (на примере рассказов Ф. С. Фицджеральда) // Вестник Вятского государственного педагогического университета. Киров, 2000. № 3/4.

Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.

Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык. Изд. 4-е. М., 2010.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

Козловская А. Б. Информативность как основная категория газетных сообщений // Вісник СумДУ. 2006. № 11 (95). Т. 1.

Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев, 1984.

Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 29.07.2022).

Список источников

iFunny. URL: <https://ifunny.co/picture/finally-spoke-to-her-left-flowers-3dSxS5tE3>

In Six Words, These Writers Tell You an Entire Story. URL: https://www.huffpost.com/entry/six-word-story_n_5332833

Reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/sixwordstories/>

Six Word Stories. URL: www.sixwordstories.net

Storypick. URL: <https://www.storypick.com/6-word-stories/>

References

Arnol'd I. V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka: (Stilistika dekodirovaniya)*. [Stylistics of Modern English: (Decoding Stylistics)]. Moscow, 1990.

Banina N. V., Mel'nichuk M. V., Osipova V. M. *Osnovy teorii i praktiki stilistiki angliyskogo yazyka*. [Fundamentals of the Theory and Practice of English Stylistics]. Moscow, 2017.

Belonozhko N. D. *Allyuziya v stilisticheskoy konvergensii*. [Allusion in Stylistic Convergence]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. [Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. Saint-Petersburg, 2012. No. 2. Vol. 7.

Butorina G. G., Shilyaeva A. M. *Sintaksicheskie stilisticheskie sredstva i ikh rol' v interpretatsii khudozhestvennogo teksta (na primere rasskazov F. S. Fitzdzheral'da)*. [Syntactic Stylistic Means and their Role in the Interpretation of a Literary Text (Based on Examples from F. S. Fitzgerald's Short Stories)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Vyatka State Pedagogical University]. Kirov, 2000. No. 3/4.

Valgina N. S. *Teoriya teksta*. [Text Theory]. Moscow, 2003.

Dolinin K. A. *Interpretatsiya teksta: Frantsuzskiy yazyk*. [Text Interpretation: the French Language]. Moscow, 2010.

Zvegintsev V. A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi*. [The Sentence and its Relation to Language and Speech]. Moscow, 1976.

Kozlovskaya A. B. *Informativnost' kak osnovnaya kategoriya gazetnykh soobshcheniy*. [Informativeness as the Main Category of Newspaper Reports]. In: *Visnik SumDU*. [Bulletin of Sumy State University]. 2006. No. 11 (95). Vol. 1.

Morokhovskiy A. N., Vorob'eva O. P., Likhosherst N. I., Timoshenko Z. V. *Stilistika angliyskogo yazyka*. [English Stylistics]. Kiev, 1984.

Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka. [Dictionary of Foreign Words of the Russian Language]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwords/
Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

List of sources

iFunny. URL: <https://ifunny.co/picture/finally-spoke-to-her-left-flowers-3dSxS5tE3>

In Six Words, These Writers Tell You an Entire Story. URL: https://www.huffpost.com/entry/six-word-story_n_5332833

Reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/sixwordstories/>

Six Word Stories. URL: www.sixwordstories.net Storypick. URL: <https://www.storypick.com/6-word-stories/>

ЧИТАТЕЛЬ И ЗАВЕСА: СОБЫТИЙНОСТЬ В РАССКАЗЕ «СМЕРТЬ ДОЛГУШОВА»

А. Б. Танхилевич

Ключевые слова: Бабель, событийность, поэтика выразительности, этос наррации.

Keywords: Babel', eventfulness, poetics of expressiveness, narrative ethos.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–11

А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов в рамках своей «поэтики выразительности» описали «прием выразительности», который они назвали «варьированием» или «проведением через разное». Этот прием иногда состоит в том, что один и тот же «тематический элемент» реализуется и в «предметной», и в «орудийной» сфере. Это значит, что некоторая тема проявляется в том числе иконически — через форму. Благодаря этому, в частности, структуры изображаемого в тексте опыта жизни дублируются в структурах эстетического опыта, опыта рецепции текста. Прием подробно разбирается в статье А. К. Жолковского «How to show things with words (Об иконической реализации тем средствами плана выражения)» [Жолковский, Щеглов, 1996, с. 77–94].

Данный прием часто встречается в прозе Бабеля. Благодаря этому в «Конармии» читатель проживает при столкновении с текстом опыт, который сродни опыту героя, проживающего столкновение с реальностью.

Так происходит и в рассказе «Смерть Долгушова». Событие рассказа состоит в эпифании — осознании героем-рассказчиком катастрофизма «перевернутой» реальности военного времени, в которой он вынужден существовать, но которой не может соответствовать. Герой должен совершить убийство, но не может; его выбор неадекватен реальности войны. К похожему событию-эпифании форма рассказа подводит и читателя. Рассказ устроен так, что читатель, подобно герою, проходит через состояние сумятицы и неразберихи и затем, предположительно, тоже проживает эпифанию. Как-то отнестись к «перевернутой» реальности войны читатель должен сам: верен или неверен сделанный героем-рассказчиком нравственный выбор — на этот вопрос автор не дает ответа, помещая читателя, как и рассказчика, в неуютное «нравственное состояние ответственности» [Тюпа, 2015, с. 18].

«Смерть Долгушова» можно условно разделить на две части: до слов «Человек, сидевший при дороге, был Долгушов, телефонист» и после них. До этих слов диегетическая реальность — это военная сумятица и неразбериха. Военные коммуникации порваны. Нарушена и коммуникация между людьми: на важное донесение Корочаева, начдива четыре, никто не реагирует. Герои взаимодействуют не слишком удачно и не знают, что их ждет. Командир полка Вытягайченко отвечает на жизненно важные вопросы раненого «делегата» крайне туманно: «там видать будет» (Исаак Бабель, 2018²⁹, с. 37). Кроме того, Вытягайченко жлет: обещает не бросать раненых на произвол судьбы («небось не оставлю»), а потом — предположительно — все-таки бросает: возможно, именно поэтому он стыдится и едет, «не поднимая глаз» (с. 38). Он же отдает приказ идти рысью, а потом почему-то (послушавшись совета младшего по званию Афоньки Биды?) изменяет этот приказ. Поведение самого Афоньки тоже не вполне понятно ни читателю, ни рассказчику: когда после своих слов Афонька плачет, это вызывает у рассказчика изумление.

Лютов, герой-рассказчик, и его возникший Грищук теряются и не могут найти своих (топографическое блуждание — важный мотив в «Кон-армии», где пространство войны предстает «пустыней»). Они мотаются «между огненных стен» (с. 38), ища, к какой бы воинской части присоединиться.

Коммуникативная и военно-стратегическая сумятица диегетического мира подчеркивается своеобразной «разорванностью» нарратива. Перед нами то, что бельгийский литературовед С. Крапс называет «модернистской эстетикой фрагментации и апории» («a modernist aesthetic of fragmentation and aporia») [Craps, 2014, p. 46]. Логика поступков скрыта от читателя. Персонажи появляются на мгновение и исчезают (например, Корочаев, раненый или знаменосец Тимошка). Речи Афоньки о начдиве, которого, мол, надо смещать, никак не связаны с происходящими вокруг действиями. Между действиями героев трудно заметить каузальную или телеологическую связь.

В этой части рассказа отсутствуют события: здесь нет ни четких «перемещений персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970, с. 282], актуального для данной культуры, ни экстраординарных изменений, субъективно «релевантных» для протагониста, непредсказуемых, неповторимых, необратимых и консекутивных [Шмид, 2003, с. 15–18]. Благодаря этому первая часть предстает еще менее «структурированной». Рыхлый, почти бессвязный в своей первой части, рассказ

²⁹ Здесь и далее цитаты даны по источнику: Бабель И. Э. Конармия. М., 2018.

приводит читателя в замешательство, и это продуманная неудача в коммуникации между автором и читателем. В этом — важнейшая функция первой части. Коммуникационная неудача, всеобщая потерянности является не только предметом рассказывания (неудавшееся взаимодействие Корочаева, Лютова, Вытягайченко, Афоньки и т.д.); она становится элементом читательского опыта.

Все меняется во второй половине рассказа — после слов «Человек, сидевший при дороге, был Долгушов, телефонист» (с. 38). Бессвязица, фрагментарность, противоречивость упоминаемых действий уступают место цельности, единству действия, сосредоточенности на одной сюжетной линии: умирающий телефонист Долгушов просит товарищей пристрелить его, чтобы избежать мук и унижений плена; ему и нужно, и невозможно в этом «помочь». Если в предыдущей части рассказа персонажи появляются и исчезают, то в этой сцене почти все время действуют четверо — Афонька, Долгушов, Грищук и Лютов. Между Лютовым и Афонькой — очевидный параллелизм. Главный герой, Лютов, встает перед нравственным выбором: поступить согласно собственной природе и согласно библейской заповеди «не убий» или перебороть себя и совершить убийство, чтобы телефонист не достался врагам на мучение. Тот же выбор позже должен сделать Афонька. Между действиями персонажей — очевидная каузальная связь: Долгушов просит Афоньку убить его, потому что Лютов не выполнил той же просьбы; Афонька рвет отношения с Лютовым, потому что тот не смог убить Долгушова, выполнить товарищеский долг; Грищук защищает Лютова, потому что Афонька тому угрожает; Грищук жалеет Лютова, потому что тот (в лице Афоньки) потерял друга.

Телеологическая и каузальная связь между двумя частями рассказа слаба. Никто из героев не ставит в первой части целей, которые реализовывались бы во второй, никакие события второй половины рассказа не являются следствиями действий героев, совершенных в первой. Заглавный герой, Долгушов, появляется только во второй половине рассказа, что увеличивает ее обособленность. Таким образом, две части рассказа выглядят не только разными стилистически, но и сравнительно независимыми.

Именно во второй части повествования происходит основное событие, природа которого остро проблематична. Отказ рассказчика от убийства сам по себе нельзя считать событием в лотмановском понимании. Здесь нет «перемещения персонажа через границу семантического поля», герой не становится другим с социокультурной точки зрения. Лотмановское событие произошло бы, наоборот, если бы герой совершил убий-

ство, ведь тогда интеллигентный «киндербальзам» перешел бы запретную для себя и своей культуры черту. Но уклонение от действия перехода явно несет в себе характеристики, которые В. Шмид полагает признаками-критериями событийности: оно релевантно для протагониста (он переживает, ищет понимания у Афоньки); консекутивно (в результате рушится дружба между Афонькой и рассказчиком); необратимо (Долгушова убивает Афонька, и рассказчик не может поменять свое решение); непредсказуемо и неповторимо.

Налицо в данном случае и «тотальность» — то свойство новеллистического события, которое выделяет в своей классической работе М.А. Петровский [Петровский, 1927, с. 72]. Тотальность, по мысли исследователя, состоит в том, что в одном событии проявляется смысл некоторой жизни во всей его целостности, сюжет «замыкает всю жизнь героя» [Петровский, 1927, с. 99]. Событие «Смерти Долгушова» тотально, потому что оно связано с проблемой, важной для всего цикла: неспособности интеллигента совершить насилие. Решение не убивать телефониста оплачивается дорогой ценой (разрыва межличностной, социальной связи) и является спонтанным ответом едва ли не на главный вопрос в жизни героя.

Однако помимо собственно отказа от убийства происходит и другое, неявное, событие. Цельность, структурное единство второй части рассказа (особенно по сравнению с первой) говорит о том, что перед нами «ментальное событие», эпифания: рассказчик сталкивается с трагической перевернутостью системы ценностей и осознает ее. Определение события С. Жижekom — «травматическое столкновение с крайне жестоким насилием, дестабилизирующее всю нашу вселенную смысла» [Жижек, 2019, с. 149] — в данном случае высоко уместно. Именно инверсия «вселенной смысла» и происходит в «Смерти Долгушова», когда оказывается, что для того, чтобы быть милосердным, надо уметь убить человека.

Острота эпифании, происходящей во второй части рассказа, подчеркивается используемой в первой части метафорой «завесы». «Завеса» — первое слово рассказа. Оно входит в словосочетание «завесы боя»: бой как бы скрывает нечто. С одной стороны, это, по-видимому, образ, который должен напомнить о реальной особенности боя — завесе из дыма и огня (ср. «огненные стены», которые появляются в рассказе дальше). С другой стороны, завесу можно понимать и метафорически, — тем более, что в творчестве Бабеля это совсем не случайный образ.

«Эпифания — сакральная либо трагестийная — вот что обычно объединяет этот мотив раздвинутого полога у Бабеля», — пишет М. Вайскопф [Вайскопф, 2017, с. 367]. Аналогично говорит М. Ямпольский: про-

ступание через полог «может пониматься и как разоблачение, и как иерофания, или явление истины» [Жолковский, Ямпольский, 1994, с. 281]. В «Конармии» слово «завеса» появляется, помимо «Смерти Долгушова», трижды; всякий раз, в точном соответствии с наблюдениями процитированных исследователей, завеса обыденности³⁰ отдергивается, и становится доступно прозрение, нравственно-эстетическое, если не сакральное.

В «Смерти Долгушова» убранный завеса — это и метафора эпифании героя, и метафора читательского опыта. Подобно герою, при чтении первой части рассказа читатель «блуждает» в сумятице нарратива, созданной средствами формы, а во второй оказывается лицом к лицу с катастрофическим выбором, переживаемым эмпатически. Завеса «распахивается» и перед героем, и перед читателем. Нравственная проблематика второй части в сочетании с высоким «градусом» событийности создает внятный, обращенный к читателю интенциональный смысл нарратива. Выбор героя в конце рассказа ведет к возникновению для читателя, по выражению В. И. Тюпы, «этоса личной ответственности» [Тюпа, 2015, с. 18]: необходимости самоопределиться по отношению к этому выбору.

Мы провели эксперимент, который показал, что наши наблюдения относительно двух сравнительно независимых и противопоставленных друг другу частей рассказа подтверждаются практикой реальных читателей. Мы попросили 26 студентов-первокурсников в возрасте 17–18 лет прочитать «Смерть Долгушова», а затем каждому было предложено пересказать рассказ. Все они читали рассказ впервые. Никто не знал заранее, что рассказ надо будет пересказывать. Никто из них не являлся филологом и не учился «на филолога». С каждым участником общения происходило индивидуально, в Zoom-конференции.

Выяснилось, что первая часть рассказа воспринимается большинством респондентов как «непонятная»: непонятен язык, непонятны цели героев. Пересказ этой части обычно был очень беглым или вовсе отсутствовал. Схватывая ситуацию в целом (идет война), студенты в пересказе приводили очень мало деталей из этой части, многие стремились «выровнять», «склеить» нарратив, сделать его более логичным. Именно этим желанием (а не только невнимательностью или беспамятностью) мы объясняем ассимиляции, характерные для многих пересказов: Долгушов, Афонька, Грищук и Вытягайченко периодически отождествляются друг с другом.

Вторую часть рассказа — сцену с Долгушовым — большинство респондентов пересказывали гораздо подробнее, приводили больше дета-

³⁰ Парадокс в том, что в данном случае обыденностью оказывается напряжение боя, вершащегося разгрома.

лей. Респонденты видели и акцентировали параллелизм между Афонькой и рассказчиком: «*Ну я так поняла, здесь был упор сделан на то, что человек, как его назвали „очкастым“ в конце, который очень интеллигентный, не смог убить*» (студентка Д.). Отметим, насколько четко Д. выделяет интенциональный смысл нарратива («упор сделан на то...»). В пересказах второй части, в отличие от первой, появляется каузальность (она выражается в словах «*потому что*», «*поэтому*» и т. п.), с нею вместе — ощущение большей ясности, которая не снимает парадоксальности ситуации («не смог убить»), не редуцирует ее к банальной «морали». Респонденты отмечали, что субъективно «более понятен» именно эпизод с Долгушовым, т. е. финал рассказа.

Подчеркнем, что современные студенты-первокурсники, вероятно, не соответствуют «имплицитному читателю» Бабеля, и неверно было бы исключительно на основе анализа рецепции делать выводы о прагматике «Смерти Долгушова». Но, на наш взгляд, показательно, что реакции «наивных» респондентов в значительной степени подтверждают результаты анализа текста. Хотя никто из респондентов, конечно, не испытал буквальной эпифании, но между последовательностью читательских когнитивных реакций и стратегией построения рассказа наблюдается довольно явный параллелизм. Эстетический опыт читателя и нравственно-психологический опыт персонажа-рассказчика явно строятся по одной модели. Читатели испытали трудности при осмыслении и пересказе первой, «фрагментированной» части рассказа, а цельность второй воспринимали как облегчение и шанс прорыва к смыслу.

Это тот самый эффект, который А. К. Жолковский называет «реализацией темы средствами плана выражения». Средствами формы создается эффект, в результате которого читательский опыт уподобляется опыту героя: читатель, как и герой, вынужден некоторое время «блуждать», а затем оказывается лицом к лицу с очевидностью выбора — в котором, однако же, невозможно отличить моральное поражение от победы. Герой — вслед ему, возможно, и читатель — переживают нечто сродни апофатическому нравственному прозрению: торжество личного принципа в единстве с личной несостоятельностью, драму отверженности (Афонька) и приятия (Грищук). Читатель вместе с героем осознает катастрофическую реальность войны, где милосердие состоит в убийстве. А оказавшись лицом к лицу с выбором героя, читатель вынужден «примерить» аналогичный выбор и на себя.

Библиографический список

Вайскопф М. Я. Между огненных стен. М., 2017.

- Жижек С. Событие. М., 2019.
- Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности. М., 1996.
- Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель. М., 1994.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Петровский М. А. Морфология новеллы // *Ars Poetica*. М., 1927.
- Тюпа В. И. Этос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 2.
- Шмид В. Нарратология. М., 2003.
- Craps S. *Beyond Eurocentrism: Trauma Theory in the Global Age* // *The Future of Trauma Theory*. Abington, NY, 2014.

Список источников

- Бабель И. Э. *Конармия*. М., 2018.

References

- Vajskopf M. Ja. *Mezhdru ognennyh sten*. [Between Walls of Fire]. Moscow, 2017.
- Žižek S. *Sobytie* [Event]. Moscow, 2019.
- Zholkovskij A. K., Shheglov Ju. K. *Raboty po pojetike vyrazitel'nosti* [Works on Poetics of Expression]. Moscow, 1996.
- Zholkovskij A. K., Jampol'skij M. B. *Babel'*. [Babel']. Moscow, 1994.
- Lotman Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta*. [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, 1970.
- Petrovskij M. A. *Morfologija novelly*. [Morphology of the Novella]. *Ars Poetica*. Moscow, 1927.
- Tjupa V. I. *Jetos narrativnoj intrigi*. [The Ethos of the Narrative Intrigue]. In: *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*. [Bulletin of RSUH. Series «Philology, linguistics, cultural studies»]. 2015. № 2.
- Schmid W. *Narratologija*. [Narratology]. Moscow, 2003.
- Craps S. *Beyond Eurocentrism: Trauma Theory in the Global Age*. In: Buelens G., Durrant S., Eaglestone R. (Eds). *The Future of Trauma Theory*. Abington, NY, 2014.

List of sources

- Babel' I. Je. *Konarmija*. [Red Cavalry]. Moscow, 2018.

**РОЛЬ ТЕКСТОВЫХ ПОЗИЦИЙ
«ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НАПОЛНЕННОСТИ»
В РАСКРЫТИИ ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК
ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ»
Н. М. КАРАМЗИНА**

О. Н. Краснова

Ключевые слова: глубинные художественно-психологические свойства, «экзистенциальная наполненность», повествователь, смыслопорождение, текстовые связи, имплицитный смысл.

Keywords: deep artistic and psychological properties, «existential profuseness», narrator, meaning generation, text connections, implicit meaning.

DOI 10.14258/filichel(2022)4-12

Проблемы субъективных состояний человека в настоящий момент интенсивно изучаются науками гуманитарного круга, в частности, на их стыке: когнитивным литературоведением, лингвокогнитивистикой, лингвокультурологией, психосемантикой, психолингвистикой (В. И. Шаховский, Н. А. Красавский, С. А. Аскольдов, Ю. Д. Тильман, И. И. Чесноков, В. И. Карасик, Е. С. Бульбенко, А. П. Бабушкин, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, В. А. Пищальникова, Л. В. Миллер, В. С. Мельникова, И. А. Тарасова, А. А. Залевская). В названных аспектах анализируются и художественно-психологические состояния героев произведений классической литературы.

Особое место в исследованиях состояний занимает разработка понятия «экзистенциальная наполненность». Аристотель определяет его как «счастье — совершенное благо и цель», [Аристотель, 1983, с. 301], К. Ясперс — «возвышенное до подлинной человеческой сущности бытие», «высокий импульс» перед лицом разрушения [Ясперс], А. Ф. Лосев — «моральная и космическая красота» [Лосев, 2000, с. 164].

Рефлексия данного понятия получила отражение в философии (П. Тиллих, М. Шелер, Г. Марсель), экзистенциальной психологии (В. Франк, Р. Мэй, С. Мадди), современной психологии (Д. А. Леонтьев, С. А. Богомаз, Т. Е. Левицкая, С. В. Кривцова, А. С. Баранников, Г. А. Пе-

трова, И.А. Ларина, И.Н. Майнина, Г. Веннингер, А. Лэнгле, Ф. Шефил, М. Кунди, Г. Гуттманн, П. Бекер, А. Гомез, Р. Галлер, М. Вейс, Дж. Шелленбахер, Э. Вурст).

В предпринятом исследовании мы будем опираться на определения «экзистенциальной наполненности», данные М.М. Бахтиным и А. Лэнгле. У М.М. Бахтина «экзистенциальная наполненность» — это состояние «только я единственный во всем бытии я-для-себя и все остальные *другие-для-меня* — вот положение, вне которого для меня ничего ценностного нет и быть не может <...> с этого началось и вечно начинается какое бы то ни было событие для меня» [Бахтин, 1986, с. 120–121]. В описании А. Лэнгле «экзистенциальная наполненность» — это состояние «оставаться у самого себя», «в глубокой внутренней реальности, которая никогда не может быть исчерпана до конца <...> с установкой открытости по отношению к себе — своим чувствам, мыслям, страхам и радостям, своей тоске и своей боли во внутреннем созвучии с Собственным» [Лэнгле, 2005, с. 61].

Наше междисциплинарное исследование рассматривает художественный текст как область стыка литературоведения, теории текста, психологии, лингвистики, что связано с целями: выделение, анализ, систематизация текстовых связей (знаков текста) с глубинными художественно-психологическими свойствами образа повествователя (его экзистенциальными характеристиками), а также описание процесса художественно-психологического смыслопорождения, сопряженного с глубинными чертами и выраженного через текстовые связи. Поэтому мы, опираясь на приведенные определения М.М. Бахтина и А. Лэнгле, выделяем в качестве необходимого аспекта анализа текста позиции «экзистенциальной наполненности».

В данной статье мы рассмотрим находящиеся в означенных позициях повести Н.М. Карамзина ключевые слова «душа», «сердце», «приятный», «чистый», «радостный» и ключевые понятия «задумчивость», «мрачный», а также наиболее информативные для условий позиции «экзистенциальной наполненности» текстовые связи в следующих аспектах: художественно-психологических характеристик персонажа, архитектоники повести, мотивном, структурно-семантическом. Кроме того, определим текстовые знаки, организующие читательское внимание и привлекающие его к характеристикам глубинных художественно-психологических свойств персонажей.

Повесть открывает позиция «экзистенциальной наполненности» повествователя, вводящая читателя в художественный мир «Бедной Лизы»: «*Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрест-*

ностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели — куда глаза глядят — по лугам и рощам, по холмам и равнинам» (Николай Карамзин, 1984, т. 1, с. 506)³¹.

Начальная фраза содержит описание движения взгляда повествователя, переходящего от Москвы к ее окрестностям, полю, постепенно «расширяясь» и «группируя» «луга и рощи», «холмы и равнины». Взгляд «физический», семантически «пульсируя», приобретает свойства взгляда ментального, объединяющего рефлекслируемое пространство с саморефлексией. Этот процесс оформляют семантические конкретизаторы «без плана, без цели», связанные с цифровой модальностью, что эстетически выделяет их на фоне контекстуальных кинестетической и визуальной модальностей. Названные конкретизаторы имеют формальное значение отрицания, но контекстуально транспонируют значение не только смягчения признака, но также приращение «имплицитного смысла» [Ермакова, 2010] о непроговариваемом плане — цели наблюдения и размышления. Таким образом, ментально-аналитический и феноменологически целостный аспекты восприятия описываемого повествователем соединяются в его субъективном состоянии, приобретающем амбивалентно-парадоксальные черты.

В таком контексте появляются ключевое слово «приятный» и ключевое понятие «мрачный»: «... Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си... нова монастыря» (с. 506). Амбивалентность маркируется контрастным сочетанием характеризующего предиката «приятнее», выступающим в качестве семантического ядра, и связанного с ним словосочетания «мрачные, готические башни». Ключевое понятие, выраженное словом «мрачный», имеющим переносное значение «исполненный печали, наводящий грусть, безрадостный, угрюмый», семантически «пульсируя» в контексте, актуализирует также прямое значение — «темный, погруженный во мрак» (ведь рассказчик совершал прогулки и в вечернее время) [Словарь русского языка. Т. 2, с. 307].

Ключевое слово «приятный», аналогично словоупотреблению в предыдущей фразе «*Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты*», употребляется в значении «привлекательный, вызывающий симпатию» [Словарь русского языка. Т. 3, с. 461]. Таким образом, видим, что контрастное сочетание «... всего приятнее для меня ... мрачные, готические башни» содержит художественно-психологиче-

³¹ Здесь и далее ссылки на произведение Н. М. Карамзина даются по источнику: Карамзин Н. М. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. Л., 1984.

ский парадокс. Разрешается он в рамках позиции «экзистенциальной наполненности». Интенсивность переживаний повествователя выражается формой суперлатива «всего приятнее», что, с одной стороны, контекстуально подчеркивает разнонаправленность эмоций повествователя и создает эффект насыщенности переживаний. Такое «несовпадение с самим собою» М. М. Бахтин [Бахтин, 1986, с. 152] полагал необходимым для достижения подлинности жизни. С другой стороны, этимологически слово «приятный» происходит от церковнославянского «приятъ» в значении «взять, получить, принять» [Фасмер, 1987, с. 369–370], и семантико-эстетическая близость «башен Си...нова монастыря» актуализирует также этот аспект значения. Таким образом, «приятные» впечатления от монастыря повествователь «принимает», делает их своими, «берет» близко к «сердцу», несмотря на «мрачность». Таковы его впечатления — воспоминания о драматичной истории монастыря и России, о *«плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы»* и ее матери.

Итак, в условиях позиции «экзистенциальной наполненности» эмоционально-когнитивная разнонаправленность повествователя, отраженная в противоречивых по форме утверждениях, приобретает единство, проявляя через текстовую связь значимости — интенсивности переживания повествователя его глубинную художественно-психологическую установку на сопереживание родной стране и людям.

Важным для исследования глубинных художественно-психологических свойств персонажа является ключевое понятие «задумчивость», которое можно рассматривать в качестве текстового ориентира, обозначающего базовые сюжетные художественно-психологические этапы жизни Лизы. В повести названное понятие употребляется лишь два раза: в контексте зарождения любовного чувства и перед самоубийством героини. Ситуация «экзистенциальной наполненности» имеет место в обоих случаях, причем первый тяготеет к «полюсу счастья», где есть ощущение гармонии жизни, наполненной глубокими чувствами: *«До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу»* (с. 511).

В сочетании с ключевыми словами «душа», «сердце» возникает эффект эмоционально-когнитивного сгущения, по словам Г. А. Гуковско-го, «внушающего впечатления о душе человека» [Гуковский, 1999, с. 442], когда художественно-психологические характеристики героини находятся в сосредоточенном на внутренних переживаниях единстве, «ведущем» к глубинным мотивам, раскрывающим внутренний мир Лизы.

Это единство выстраивается текстовой связью «время», представленной разными ракурсами взгляда повествователя, раскрывающимися последовательно. Во-первых, это обзор прошедшего периода жизни героини («до сего времени»), во-вторых, обозначение ритма времени и действия героини совместно с природой, птичками («просыпаясь вместе с птичками»). Третий ракурс представляет во времени эмоциональную связанность героини с другими, ее включенность в общее чувство («ты вместе с ними веселилась утром»).

В компаративной конструкции «чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной» в рамках текстовой связи «время», выраженной в позитивном члене, как и во всем анализируемом фрагменте, формой прошедшего времени глагола, происходит переход в настоящее время в компаративном компоненте. Процесс данного перехода является маркером читательского внимания.

Позитивный член конструкции представляет собой описание простых и в то же время возвышенных чувств героини. Через ключевое слово «душа», являющееся модулем сравнения, вводится компаративный компонент, где присутствуют маркеры высоты: «солнце», «небесная роса». Нужно также отметить дополнительный смыслообразующий «мостик», соединяющий части компаративной конструкции: это ключевые слова «чистая», «радостная», выполняющие функцию атрибутов модуля сравнения «душа», семантически соотносящиеся с компаративным компонентом и сообщающие ему «человеческие» оттенки значения.

Подготовленное таким образом, читательское внимание приводит к основному смысловому слою, связанному с символикой компаративного компонента, субъектом которого является слово «солнце». Согласно словарю символов [Трессидер, 1999], это — любовь, главное чувство для героини. Учитывая, что в православии солнце является символом Христа, а небесная роса — дара Святого духа [Райкен, Уилхойт, Лонгман, 2005], проясняется сложно построенная художественно-психологическая связь образов Лизы и повествователя, когда через состояние героини, открывающее ее глубинный мотив, обнаруживается генерализация повествователя — его убеждение в божественной сущности любви.

Если в описанной компаративной конструкции любовь Лизы — это любовь к миру и ко всем в мире, то в примыкающем предложении «но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу» любовь героини «кристаллизуется», обретая «нового гостя души». Текстовая связь «время», выраженная сочетанием противительного союза «но» с обстоятельством «теперь», обозначает начало нового перио-

да жизни Лизы. Введенное таким образом ключевое понятие «задумчивость» оказывается связанным с концентрацией на переживаемых героиней в данный момент внутренних изменениях, что художественно-психологически отъединяет Лизу от природы (мира) и оставляет ее наедине с «сердцем» (вместилищем любви), которому оказывается чужда «радость природы». Но одновременно «задумчивость», семантически «пульсируя», через актуализированную в контексте синонимию «задумчива — радость... чужда» выстраивает художественно-психологическую связь «тревожное предчувствие».

Названная особенность связывает обе ситуации появления ключевого понятия «задумчивость», включенного в контекст различных реализаций позиции «экзистенциальной наполненности», соответствующих противоположным полюсам жизненных ситуаций и «предельных переживаний» («пиков») [Франкл, 1990, с. 60].

Появлению ключевого понятия «задумчивость» перед самоубийством героини предшествует описание различных стадий ее художественно-психологического состояния. Во-первых, это экзистенциальная пустота после предательства любимого: «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!..» (с. 517). Далее — отчаяние и желание внешнего разрешения ситуации пустоты: «О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» (с. 517). Следующей стадией является столкновение с материальным свидетельством недавней «экзистенциальной наполненности»: «Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тенью древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов» (с. 517) (позитивный эмоциональный «пик» прошлого в новом эмоционально-негативном контексте). Как следствие — углубление отчаяния героини: «Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее» (с. 517) (негативный эмоциональный «пик»).

В контексте следующей стадии состояния Лизы появляется ключевое понятие «задумчивость»: «Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость» (с. 517). Данное понятие является смыслообразующим в отношении исхода судьбы Лизы, выполняя функцию дальнейшей оценки ею ситуации и формирования-проверки собственных намерений («кристаллизация»).

После стадии «задумчивости» действия героини приобретают целенаправленность: «осмотрелась вокруг себя» — направленный поиск выхода; «увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге, — кликнула ее, вынула из кармана десять импе-

риалов и, подавая ей, сказала...» (с. 517-518) — реализация сформировавшихся намерений.

Далее наступает последний этап жизни Лизы, когда «экзистенциальная наполненность» достигает высокой концентрации, героиня испытывает глубокие чувства не только к Эрасту, но и к матери, а через свои предсмертные распоряжения «любезной подружке» — ко всему миру. На пороге саморазрушения Лиза проживает «настоящую жизнь, полную <...> собственных решений, какими бы они ни были» [Лэнгле, 2005, с. 10] и восстанавливает разрушенную отношениями с Эрастом собственную гармонию с миром (позитивный эмоциональный «пик» в контексте принятого решения).

Принятое в «задумчивости» собственное решение ощущается героиней как освобождение, что, с одной стороны, углубляет чувства, а с другой, придает речи Лизы спокойствие, благодаря которому ее распоряжения обладают художественно-психологической точностью и в то же время четкостью. Героиня, говоря о том, что деньги, переданные матери, «не краденые», осуществляет свою всегдашнюю заботу о ней — и материальную, и духовную. Не открывает имя «жестокого человека», так как стремится психологически защитить мать, которая считала, что Эраст «хорош и добр». Двоекратно просит прощения у матери: за себя — «что таила от нее любовь свою» вопреки традиционной для их семьи открытости друг с другом; и, признаваясь, «что он изменил мне», — за Эраста и за свое решение уйти из жизни.

Свои распоряжения, которые начинались как «материальные», Лиза заканчивает «духовным» пожеланием — надеждой, вновь связанным с матерью: «Бог будет ее помощником» (с. 519). Завершается позиция «экзистенциальной наполненности» троекратным христианским целованием: подружкой Анютой — руки матери; Лизой — руки Анюты; словами «что бедная Лиза велела поцеловать ее» <мать>.

На грани саморазрушения Лизы ее ценностно взаимосвязанное с другими бытие достигает пика гармонии и моральной красоты, открывая глубинные ценностные убеждения героини: нельзя жить не только без любви, но и без доверия, душевного равновесия, чистой совести.

С позицией «экзистенциальной наполненности» связан текстовый фрагмент: «Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!» (с. 519), эксплицирующий созвучие ценностных убеждений повествователя и героини. Однако с точки зрения содержательного аспекта их мировоззрения построены на различных представлениях о закономерностях сферы взаимоотношений людей: Лиза в своем стихийном наивном

мировоззрению до определенного времени не может себе представить возможность предательства, отсюда такая ее художественно-психологическая хрупкость («нежная Лиза»). Повествователь же осознает сложные аспекты мотивов человеческого поведения и закономерности жизни общества. Тем не менее, он рассматривает как важную подсистему в собственном мировоззрении цельность и моральную чистоту — те качества, которые воплощает Лиза. Поэтому повествователь убежден, что в «*новой жизни*» узнает ее.

Вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы.

Позиция «экзистенциальной наполненности» в ее различных проявлениях («полюса» и «пики» жизненных ситуаций и состояний, «кристаллизация», парадоксальность чувств и суждений) является значимой для установления глубинных художественно-психологических свойств повествователя.

Эмоционально-когнитивная разнонаправленность повествователя, отраженная в противоречивых по форме утверждениях, в условиях позиции «экзистенциальной наполненности» приобретает единство, обусловленное глубиной художественно-психологической составляющей.

В условиях позиции «экзистенциальной наполненности» раскрывается сложно построенная художественно-психологическая связь образов Лизы и повествователя: через состояние героини, открывающее ее глубинные мотивы, ценностные убеждения, обнаруживаются установки и мировоззренческие обобщения (генерализации) повествователя.

Наиболее информативными для условий позиции «экзистенциальной наполненности» являются следующие текстовые связи: в аспекте художественно-психологических характеристик персонажа — «значимость / интенсивность переживания», «единство внутренних переживаний»; в аспекте архитектоники повести — комментарии повествователя; в мотивном аспекте — «время» как комплекс различных ракурсов взгляда повествователя; в структурно-семантическом аспекте — контекстуальное функционирование ключевых слов и ключевых понятий (ключевые слова в качестве членов компаративной конструкции, модуля сравнения, атрибутов, актуализированная в контексте синонимия ключевых понятий).

Текстовыми знаками, организующими читательское внимание и привлекающими его к характеристикам глубинных художественно-психологических свойств персонажей, являются выделение модальности, контекстуальный сдвиг значения с приращением имплицитного смысла, изменение грамматической категории времени глагола в соответствии с художественно-психологическим текстовым временем.

Высокими смыслообразующими возможностями в аспекте раскрытия художественно-психологических характеристик персонажа обладает ситуация «экзистенциальной наполненности», носящая стадийный характер, содержащая описание процесса принятия решения («кристаллизации»), а также насыщенная позитивными и негативными эмоциональными «пиками», в частности, находящимися в непосредственном соседстве.

Ключевые слова и ключевые понятия контекстуально организуют текстовые связи, участвуя в процессах художественно-психологического смыслопорождения, эмоционально-когнитивного сгущения, выполняющая функцию текстового ориентира.

Библиографический список

- Аристотель. Большая этика. Сочинения в 4 т. М., 1983. Т. 4.
- Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1999.
- Ермакова Е. В. Имплицитность в художественном тексте: дис. ... докт. филолог. наук. Саратов, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/implitsitnost-v-hudozhestvennom-tekste>.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. М., 2000. Т. 4.
- Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М., 2005.
- Райкен Л., Уилхойт Д., Лонгман Т. Словарь библейских образов. СПб, 2005. URL: <https://azbyka.ru/otchnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/>.
- Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985-1988.
- Трессидер Д. Словарь символов. М., 1999. URL: <https://booksee.org/book/632945>.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т. 3.
- Франк В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>.

Источник

Карамзин Н. М. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. Л., 1984.

References

- Aristotel'. *Bol'shaya etika*. [Big ethics]. Vol. 4. Moscow, 1983.
- Bahhtin M. M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti*. [Author and hero in aesthetic activity]. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986.

Gukovskij G.A. *Russkaya literatura XVIII v.* [Russian literature of the XVIII century]. Moscow, 1999.

Ermakova E. V. *Implicitnost' v hudozhestvennom tekste.* [Implicitness in a literary text]. Thesis of Philology. Doct. Diss. Saratov, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/implitsitnost-v-hudozhestvennom-ct.-tekste>.

Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki.* [The history of ancient aesthetics]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, 2000.

Längle A. *Person. Jekzistencial'no-analiticheskaja teorija lichnosti.* [Person. Existential-analytical theory of personality]. Moscow, 2005.

Rajken L., Uilhojt D., Longman T. *Slovar' biblejskih obrazov.* [Dictionary of Biblical Images]. St. Petersburg, 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/>.

Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, 1985–1988.

Tressider D. *Slovar' simvolov.* [Dictionary of symbols]. Moscow, 1999. URL: <https://booksee.org/book/632945>.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka.* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1987.

Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla.* [A man in search of meaning]. Moscow, 1990.

Yaspers K. *Duhovnaya situaciya vremeni.* [The spiritual situation of the time]. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=102788&pg=1>.

Source

Karamzin N. M. *Sobraniye sochineniy.* [Coll. Works]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad, 1984.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. С. ПУШКИНА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ КУРСАХ КИТАЙСКИХ ШКОЛ И ВУЗОВ*

Л. Цзоу

Ключевые слова: творческое наследие Пушкина, историко-литературные курсы, практика преподавания, китайские школы и вузы.

Keywords: creative heritage of Pushkin, literary courses, teaching practice, Chinese schools and universities.

DOI 10.14258/filichel(2022)4-13

Александр Сергеевич Пушкин — один из первых русских поэтов, с которыми китайские литераторы познакомили китайскую публику еще на рубеже XIX-XX вв. Однако процесс восприятия и толкования творчества Пушкина на протяжении прошедших ста с лишним лет претерпевал глубокие качественные изменения — «от критики политико-идеологической к социально-исторической и затем к культурно-эстетической» [Ван, 2012, с. 158]. Тем не менее, несмотря на сложное и неоднозначное отношение к творчеству Пушкина, именно оно смогло оказать большое влияние на китайскую литературу, особенно на поэзию и драматургию. Его лирика, его проза, его драматургия, по словам современного китайского литератора Лян Жобина, «давно слились с кровью китайской литературы» [Там же, с. 166]. Если обратить внимание на словосочетание «кровь китайской литературы», то нетрудно заметить, что неповторимую роль здесь играют не только переводы и непосредственное изучение творческого наследия Пушкина, а включение этого наследия в практику преподавания литературы в китайских школах и вузах.

* Данная статья выполнена в рамках проекта Департамента науки и техники провинции Гуандун «Модель подготовки специалистов русского языка и литературы (русистов) в совместных китайско-российских вузах», разрабатываемого в контексте инициативы «Один пояс и один путь».

Причина этого в том, что художественные произведения писателя могут стать «для молодого поколения <...> созидательными его психику силами» [Гизетти, 1915, с. 147] намного проще и легче, чем для «сложившейся, окрепшей и несколько застывшей души» взрослых читателей. Именно творческому наследию Пушкина в историко-литературных курсах китайских школ и вузов впервые посвящена данная статья.

Итак, преподавание творческого наследия Пушкина в Китае также прошло несколько этапов, что позволяет наблюдать эволюцию исследования тематики, проблематики, идейного содержания его произведений, включенных в учебную программу. Если в первой трети XX в. китайское молодое поколение знакомили со стихотворениями, которые наполнены мужеством, духом служения народу — такими как «Вольность» (1817), «К Чаадаеву» (1818), «Во глубине сибирских руд...» (1827), «Памятник» (1836) и др., то в 30-50-е гг. в школах и вузах разбиралась классовая проблематика, отражаемая в «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833) и повести «Станционный смотритель» (1830). С началом политики реформ и открытости, введенной китайским правительством в конце 70-х гг., и особенно вместе с подъемом китайского пушкиноведения в 90-е гг. преподавание Пушкина охватывает все больше тем, жанров, художественных форм в творчестве писателя. На рубеже XX-XXI вв. изучение творчества Пушкина в китайских образовательных учреждениях в целом характеризуется разбором большого количества произведений, разнообразием тем и проблем, раскрываемых писателем, а также анализом текста с социально-исторической и культурно-эстетической позиций.

В китайских школах главным образом учат стихотворные произведения Пушкина, которые отражают оптимизм, дух свободы, надежду на лучшую жизнь, а также те, в которых автор воспеваает красоту и могущество природной стихии. Однако в список рекомендованной литературы для китайских школьников включены пушкинские произведения разного жанра — были изданы две антологии, ориентированные отдельно на младшие и старшие классы. Чаще всего китайские школьники анализируют стихотворения «Если жизнь тебя обманет» (1825) и «К морю» (1824). Приведем последнее как пример того, как в Китае проходит знакомство школьников с поэзией Пушкина.

Судя по имеющимся планам урока на тему поэтического творчества Пушкина (普希金《致大海》教案; 《致大海》教案参考), можно обнаружить, что перед учениками поставили цели — проанализировать кольцевую композицию стихотворения, понять образ «моря», выявить его атрибуты, определить значимость идеи о свободе. В ходе урока намечены следующие этапы обучения:

организационный момент, когда учеников просят вспомнить пройденное ими китайское стихотворение о море и дать его характеристику;

слушание и чтение стихотворения Пушкина: в процессе «озвучивания» и «визуализации» ученики должны найти фразы о «море», попытаться уловить его признаки;

интерпретация текста: сначала сообщается биографический контекст создания стихотворения, затем выявляются главные средства выразительности (метафоры, эпитеты), наконец, выявляется идейное содержание, при этом образ моря истолковывается с акцентом на мотивы бунтарства и на духовные искания лирического героя, на его стремление к преодолению невзгод;

подведение итогов урока: ученики приходят к выводу о красоте и могуществе морской стихии и о безграничности человеческой души.

Примечательно, что ученикам рекомендуется сравнить море из китайской поэзии и море у Пушкина (《致大海》教案参考). Это позволит им понять, что и в китайской, и в российской культурах море обладает одной и той же могущественной силой, оно является символом бескрайности и непостижимости души. В этом смысле китайский и российский культурные коды образа моря во многом совпадают. Ученикам также помогают разглядеть, что в изображении моря Пушкин прибегает к историческим, культурным ассоциациям, связывая его с кавказским пейзажем, тогда как китайские поэты предпочитают связывать море с другими природными образами, такими как реки, звезды, луна. В китайской литературной традиции море также ассоциируется с течением времени, неповторимостью любви и пр. В этом смысле можно даже сказать, что для китайских школьников стихотворение «Море» представляет собой своеобразный «мост» между китайской и русской художественными традициями.

В отличие от школ, в которых разбирают в основном стихотворные произведения Пушкина на избранные темы, китайские вузы в практике преподавания охватывают все жанры и все основные темы творчества поэта. Для филологов, не специализирующихся на русской литературе, важно знать главные жизненные этапы Пушкина, его известные произведения — стихотворения «К Чаадаеву» (1818), «Вольность» (1817), «К Керн» (1825), роман в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831), роман «Капитанская дочка» (1836), драму «Борис Годунов» (1825), и понимать, что такое «лишний человек» и «маленький человек» в русской литературе.

Перед китайскими студентами-русистами стоит более сложная задача. В соответствии с требованиями учебной программы студенты и ма-

гистранты факультетов русского языка подробно изучают биографию Пушкина, постигают основные художественные приемы, изобразительные средства, анализируют систему тем и мотивов творчества, а также направленческую эволюцию поэта. «Медленное» чтение и обобщающий анализ содержания — вот главные формы работы с конкретными произведениями классика.

По собранной нами информации, китайские вузы издали 8 учебников по русской литературе, которые используются на факультетах русского языка и литературы более 150 университетов и институтов Китая. В каждом из этих учебников Пушкина, как правило, ставят на первое место в русской литературе XIX в. Отбор поэтических текстов для изучения продиктован сложившейся традицией: это избранные лирические стихотворения, иллюстрирующие тематическое богатство пушкинского наследия, роман в стихах «Евгений Онегин», поэма «Медный всадник». Что касается прозаических произведений Пушкина, то, кроме обязательного «Станционного смотрителя» (1830), китайские преподаватели концентрируют внимание на том или ином произведении, исходя из личных предпочтений: кто-то любит «Метель» (1830), кто-то — «Барышню-крестьянку» (1830), а кто-то — «Пиковую даму» (1833). Нередко к этим текстам добавляются сказочные или драматические произведения Пушкина. Интересно отметить, что в последние годы творческое наследие иностранных писателей и поэтов в практике преподавания в Китае начинает связываться с идейно-политическим воспитанием студентов. Близок такой подход и в преподавании Пушкина.

Интересная тенденция в преподавании Пушкина — актуализация тех граней его наследия, которые помогают осмыслить современность. После 2020 г., когда произошла вспышка пандемии в мировом масштабе, китайские преподаватели стали делать особый акцент на пушкинской «Болдинской осени» — как периоде самоизоляции, самой продуктивной творческой поре в жизни поэта. Холерный карантин, в котором Пушкин просидел три месяца, напоминает домашний карантин в Китае, но при этом знание о том, какие шедевры были созданы Пушкиным «в карантине», помогает вызвать у студентов дополнительную мотивацию к учебе и научному творчеству. Почему бы не превратить карантинную изоляцию в свою собственную «Болдинскую осень»?

Подводя итоги, можно отметить, что в целом процесс изучения творчества Пушкина в Китае сосредоточен на биографическом и мотивно-тематическом аспектах. Школьники учат стихотворные произведения поэта, при этом им предлагается сопоставить сходные образы в китайской поэзии и у Пушкина. Для студентов-филологов важно знать обзор твор-

чества поэта и его главные произведения — стихотворные, прозаические и драматические. Молодые русисты, помимо этого, должны освоить разнообразные выразительные средства, используемые в том или ином произведении поэта, а самые способные студенты — разобраться в стиховедческих аспектах пушкинского наследия.

Библиографический список

Ван Ли. Творчество А. С. Пушкина в Китае // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6.

Гизетти А.А. Три души // Ежемесячный журнал. 1915. № 12.

Список источников

普希金《致大海》教案. URL: <https://www.yuwenmi.com/jiaonan/jiunianji/413539.html>.

《致大海》教案参考. URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/kewen/399505.html>.

References

Wang Liye. *Tvorchestvo A.S. Pushkina v Kitae*. [Creation of A. S. Pushkin in China]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow University]. Series 9. Philology. 2012. No. 6.

Gizetti A.A. *Tri dushi*. [Three souls]. In: *Ezhemesjachnyj zhurnal*. [Monthly magazine]. 1915. No. 12.

List of sources

普希金《致大海》教案. URL: <https://www.yuwenmi.com/jiaonan/jiunianji/413539.html>.

《致大海》教案参考. URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/kewen/399505.html>.

ИНТЕГРАЦИЯ СТИЛИСТИКИ И РИТОРИКИ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ КЕЙС-СТАДИ ПРИ ОБУЧЕНИИ БУДУЩИХ ВРАЧЕЙ ПАЦИЕНТОЦЕНТРИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. И. Зворыгина

Ключевые слова: стилистика, риторика, кейс-стади, пациентоцентричная коммуникация.

Keywords: stylistics, rhetoric, case study, patient-centered communication.

DOI 10.14258/filichel(2022)4-14

Современная область филологического знания стремится к интегративной модели. Объединение речевого и языкового аспектов изучения фактов разных уровней коммуникации является актуальным и наиболее востребованным подходом исследований. В настоящее время активно развивается сфера изучения лингвориторической парадигмы [Ворожбитова, 2013; 2014; Хаззагерев, 2008; 2012; 2018; Анистратенко, 2007; Тамерьян, 2014; Дубровская, 2010]. В этой связи наиболее эффективным становится не противопоставление стилистики и риторики, а объединение и поиск на этой основе новых путей решения практических задач, в том числе в области профессиональной коммуникации.

Специалисту любой сферы деятельности, так или иначе связанной со словом, необходима лингвориторическая компетенция. Она обеспечивает качественное осуществление речевых поступков в разных ситуациях общения, с учетом соответствующих им требований в области стилистического, лингвопрагматического, жанрового оформления. Интегральная лингвориторическая компетенция «складывается из собственно языкового (лингвистического) и риторического компонентов и в совокупности позволяет участнику речевого общения эффективно создавать и воспринимать устный дискурс и письменные тексты разных типов, стилей и жанров речи» [Серпикова, Шехурдина, 2021, с. 235]. Данная компетенция востребована в каждой профессии, в рамках которой осуществляется деятельность, строящаяся на принципе повышенной речевой ответственности. В области медицины в настоящее время актуализирован пациентоцентричный подход на всех этапах оказания помощи и, соответственно, особое внимание обращено к проблеме пациентоцентричной коммуникации. Однако, как показывает практика, ме-

дицинским работникам недостает навыков организации эффективного общения с пациентами. В связи с этим основные профессиональные образовательные программы всех уровней обучения медицинских вузов предусматривают проведение работы, направленной на формирование у обучающихся лингвориторической компетенции путем включения в учебные планы дисциплин по выбору, факультативов, дисциплин для построения индивидуальной траектории обучения, ориентированных на развитие профессиональных коммуникативных навыков. Включение студентов в проектную работу также является частью системы обучения навыкам профессиональной коммуникации.

В рамках коммуникативной подготовки будущих врачей в Тюменском ГМУ разработан и внедрен в процесс обучения факультатив «Медицинская риторика», адаптированный к разным специальностям и уровням подготовки. Целью изучения данной дисциплины является освоение эффективных приемов коммуникации в межличностном и профессиональном медицинском взаимодействии. Учитывая принцип деятельностного подхода для реализации ФГОС ВО, осуществляется отбор педагогических технологий, предусматривающих активную роль субъекта обучения. Далее в статье представлен пример технологии кейс-стади, целиком построенной на интеграции стилистики и риторики при подготовке будущих врачей к осуществлению профессиональной коммуникации в рамках изучения дисциплины «Медицинская риторика».

Кейс-стади (от англ. case-study) — «методика ситуативного обучения, основанная на реальной действительности и реальных проблемах, требующая от учащихся целесообразного решения в предложенной ситуации» [Новый словарь методических терминов и понятий, 2009, с. 93]. В основе появления и развития кейс-метода лежит принцип «прецедента» или «случая». Дидактический потенциал данной технологии обширен: в значительной мере способствует освоению студентами таких учебных задач, как формирование образа результата, освоение способа деятельности, овладение коммуникативными умениями, оценивание результата деятельности и пр.

Разработка кейсов осуществляется с учетом характеристик современной коммуникативной модели. Без этого формирование умений использовать приемы эффективной коммуникации в профессиональном медицинском взаимодействии не будет результативным. Опора лишь на представленные в учебно-методической литературе прошлых десятилетий описания способов общения и приемов коммуникации не является обоснованной в полной мере в силу активной эволюции парадигмы коммуникации и высокой скорости ее изменений на современном этапе. Ос-

новым принципом построения кейсов является направление деятельности от работы с образцами коммуникативных ситуаций, участниками которых являются врач и пациент, к самостоятельному моделированию сценариев профессионального речевого общения. Работа с образцами строится на материале книг и фильмов о врачах, а также видеозаписей моделированных разработчиками кейсов и исполненных актерами сценариев общения с пациентами разных типов.

Структура кейса — двухчастная. Сначала студенты решают ситуативную задачу аналитического характера, а именно осуществляют лингвостилистический и лингвопрагматический анализ предложенного речевого продукта. Конечной целью такого анализа становится выявление и описание языковых средств реализации стратегий и тактик медицинского дискурса. Если определение стратегий и тактик с течением времени превращается в рутинную работу, поскольку осуществляется на основе стандартных критериев, то выявление лингвостилистических приемов реализации стратегий и тактик и описание их прагматического эффекта — сложный, многогранный процесс, задействующий обширный пласт лингвистических знаний. Вторая часть кейса построена на формировании универсального учебного действия моделирования. Студентам предлагается завязка сценария, соотносимого с тем, что был предложен в первой части задания, — для применения полученных в процессе анализа образцов речевых приемов в самостоятельно построенном диалоге. Процесс представления студентами как результатов анализа, так и речевого моделирования составляет риторический аспект работы с кейсом, что воплощается в приобретении опыта профессиональной коммуникации в учебной ситуации.

Ниже приведен пример кейса, построенного на материале художественного фильма.

1. АНАЛИЗ СЦЕНАРИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

1. *Посмотрите фрагмент фильма «Голограмма для короля» (2016, Германия, США, Великобритания, Франция).*

2. *Проанализируйте на основе увиденного и стенограммы сценарий взаимодействия врача и пациента.*

3. *Дайте общую характеристику речевого поведения врача и пациента: стиль, манера общения, соблюдение этикетных норм, использование невербальных средств общения (мимика, жесты, интонация, позы, движения).*

4. *Ответьте на следующие вопросы:*

Какая речевая медицинская стратегия представлена в данном фрагменте?

С помощью каких речевых тактик она реализована?

Охарактеризуйте языковые средства выражения каждой тактики (стилистические особенности лексических и грамматических единиц). Используются ли средства выразительности? Какие? Какой эффект они производят?

5. Дайте общую оценку сценарию речевого поведения врача и пациента: положительный, негативный, комбинированный. Свой ответ обоснуйте.

II. МОДЕЛИРОВАНИЕ ТАКТИКИ ОЦЕНКИ + ТАКТИКИ РАЗЪЯСНЕНИЯ

Продолжите диалог врача и пациента.

П.: Давление замучило. Вчера как скакануло! Думала скорую вызывать...

Вр.: Вы принимаете лозартан, как я вам прописывал, по схеме?

П.: Нет. Я вашу химию пить не хочу! Я боярышник завариваю.

Эффективность процесса освоения норм пациентоцентричной коммуникации, построенного на работе с кейсом, достигается за счет ряда факторов. Так, большую значимость приобретает работа с образцами профессиональной речи, в том числе имеющими художественное воплощение. Выявленные в процессе анализа эффективные приемы коммуникации пополняют банк речевых клише для разных ситуаций общения с пациентами. Важным аспектом организации работы является подключение визуального и аудиоканалов восприятия информации, что значительно повышает мотивацию к обучению. Ключевым же фактором в работе по данной методике является одномоментный переход от лингвостилистического и лингвопрагматического анализа речевого высказывания к риторической практике. Отметим также, что включение студентов в процесс отбора и обработки материалов для составления кейсов может реализовываться на условиях проектного обучения, совместная же внеаудиторная работа преподавателя и студента открывает возможности для более глубокого формирования разнонаправленных компетенций.

Итак, в практике обучения пациентоцентричной коммуникации крайне важным является интегративный подход, на основе которого осуществляется объединение собственно лингвистической и риторической сферы знаний. Сужение области формирования речевой культуры в медицинском вузе до изучения лингвистических основ медицинской терминологии и освоения норм и разновидностей стилей русского языка не способствует успешному формированию лингвориторической компетенции медицинского работника. Формирование навыков профессиональной медицинской коммуникации возможно на основе применения актуальных педагогических технологий, потенциально способных к со-

четанию практики работы с единицами языка и неотложенного приобретения риторического опыта.

Библиографический список

Анистратенко И. В. Лингвориторические характеристики идеологии большевизма в русском философском дискурсе начала XX века: групповая языковая личность // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. № 8.

Ворожбитова А. А. Лингвориторика дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации: алгоритмы и перспективы исследовательских действий // Мир русского слова. 2013. № 4.

Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. М., 2014.

Дубровская О. Г. Лингвориторические основы коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185).

Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М., 2009.

Серпикова М. Б., Шехурдина Т. А. Проблема формирования языковой личности в техническом вузе: лингвориторический аспект // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2021. № 26–1.

Тамерьян Т. Ю. Концепт в лингвориторической парадигме: аспект типологизации (на материале исследований Сочинской школы) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. Вып. XVI.

Хаззагеров Г. Г. Лингвистическая рецепция риторических идей: фундаментальный и прикладной аспекты // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3.

Хаззагеров Г. Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. № 2.

Хаззагеров Г. Г. Риторика vs. стилистика: семиотический и институциональный аспекты // Социологический журнал. 2008. № 3.

References

Anistratenko I. V. *Lingvoritoricheskiye harakteristiki ideologii bolshevizma v russkom filosofskom diskurse nachala XX veka: gruppovaya yazykovaya lichnost'*. [Linguistic and Rhetorical Characteristics of the Ideology of Bolshevism in the Russian Philosophical Discourse of the Early 20th Century: Group Linguistic Personality]. In: *Lingvoritoricheskaya paradigm: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*. [Linguistic-rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]. 2007. No. 8.

Vorozhbitova A. A. *Lingvoritorika diskursivnykh processov literaturno-hudozhestvennoy kommunikatsii: algoritmy i perspektivy issledovatel'skikh deystviy*. [Linguistic Rhetoric of Discursive Processes of Literary and Artistic Communication: Algorithms and Perspectives of Research Activities]. In: *Mir russkogo slova*. [The World of the Russian Word]. 2013. No. 4.

Vorozhbitova A. A. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*. [Linguistic-rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]. Moscow, 2014.

Dybrovskaya O. G. *Lingvoritoricheskkiye osnovy kommunikatsii*. [Linguistic and Rhetorical Foundations of Communication]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2010. No. 4 (185).

Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam). [A New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages)]. Ed. by E. G. Azimov, A. N. Schukin. Moscow, 2009.

Serpikova M. B., Shekhurdina T. A. *Problema formirovaniya yazykovoy lichnosti v technicheskom vuze: lingvoritoricheskyy aspekt*. [The Problem of the Formation of a Linguistic Personality in a Technical University: a Linguo-rhetorical Aspect]. In: *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*. [Linguistic-rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects]. 2021. No. 26–1.

Tameryan T. Yu. *Kontsept v lingvoritoricheskoy paradigme: aspekt tipologizatsii (na materiale issledovaniy Sochinskoy shkoly)*. [The Concept in the Linguo-rhetorical Paradigm: the Aspect of Typology (Based on the Research of the Sochi School)]. In: *Aktualnye problemy philologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2014. Iss. XVI.

Khazagerov G. G. *Lingvisticheskaya retsepsiya ritoricheskikh idey: fundamental'niy i prikladnoy aspekty*. [Linguistic Reception of Rhetorical Ideas: Fundamental and Applied Aspects]. In: *Izvestiya vystshih uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obschestvennyye nauki*. [News of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences]. 2012. No. 3

Khazagerov G. G. *Ritorika, grammatika, diskurs, gomeostaz*. [Rhetoric, Grammar, Discourse, Homeostasis]. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 2.

Khazagerov G. G. *Ritorika vs. stilistika: semioticheskyy i institutsional'niy aspekty*. [Rhetoric vs. Stylistics: Semiotic and Institutional Aspects]. In: *Sotsiologicheskyy zhurnal*. [Sociological Journal]. 2008. No. 3.

СЛОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СУБКОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

М. А. Южанникова

Ключевые слова: методика преподавания в высшей школе, речеведение, стилистика, жанрово-стилистическая компетенция, функциональные стили.

Keywords: teaching methods in high school, speech science, stylistics, genre and stylistic competence, functional styles.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–15

Согласно требованиям образовательных программ выпускники высших учебных заведений должны обладать рядом компетенций, в том числе коммуникативных, в частности, они должны быть способны осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации, или, в иной формулировке, способны применять современные коммуникативные технологии для академического и профессионального взаимодействия. Если исходить не из списка установленных компетенций, а из глобальных целей обучения речи, то это в первую очередь приближение учащихся к полнофункциональному типу речевой культуры (элитарному) или хотя бы к неполнофункциональному, который характерен для «людей все же высокой культуры, хотя и менее высокой, чем у носителей полнофункциональной речевой культуры <...> Это тоже люди с высшим образованием» [Сиротинина, 2012, с. 712], представители которого также способны варьировать свою речь в зависимости от ситуации, переключаясь как между функциональными стилями, так и между письменной и устной их формой.

Вопросы формирования стилистической компетенции традиционно занимают больше преподавателей средней школы, а также тех, кто обучает русскому как неродному или иностранному [Сапарбаева, 2009; Корякина, 2008; Чижова, 1998], однако и в сфере высшего образования в курсах, рассчитанных на носителей русского языка, они более чем актуальны, ведь несмотря на то что гораздо более пристальное внимание как в школьной, так и в вузовской практике уделяется правильности речи, т. е. ее соответствию ортологическим нормам, «подлинная рече-

вая культура предполагает, кроме того, умение точно отбирать языковые средства в зависимости от целей коммуникации, свободно оперировать ими в соответствии со стилистическими нормами» [Чижова, 1998, с. 3].

Можно сказать, что преподавателям речеведческих дисциплин, кроме всего прочего, нужно развить, хотя бы и в урезанном виде, жанрово-стилистическую субкомпетенцию учащихся. В толковании этой субкомпетенции мы опираемся на мнение авторов учебного пособия «Русский язык и культура речи», которые пишут, что «жанрово-стилистическая субкомпетенция включает в себя знание о стилиевой и жанровой системах современного русского литературного языка, понимание функций существующих стилей и жанров, умение грамотно использовать в своей речи стилистические ресурсы языка для создания текстов разных жанров и стилей, владение навыками стилистического анализа речи» [Русский язык..., 2015, с. 259]. Эту субкомпетенцию иногда называют еще дискурсивно-стилистической компетенцией [Стурикова, 2012] или просто стилистической компетенцией [Корякина, 2008; Сапарбаева, 2009]. Независимо от названия, большинство исследователей понимают под этой разновидностью коммуникативной компетенции примерно одно и то же — владение стилистическими богатствами языка.

В программах дисциплин, развивающих коммуникативную компетентность, в том числе и владение стилями, есть, как правило, лекционный блок, посвященный понятию современного литературного языка и составляющих его стилей, в частности, официально-деловому и научному стилям, как наиболее востребованным в академической и профессиональной среде. Предполагается, что в первую очередь студентов следует обучать говорить и писать именно в этих стилях. Однако здесь и начинаются сложности.

Это, во-первых, сложности организационного характера. «Возросшее количество учебных дисциплин приводит к тому, что количество часов, отведенное учебным планом на изучение стилистики, как правило, ограничено» [Воронцова, 2008, с. 11]. Более того, насыщенные планы практических занятий не предполагают отдельного занятия для работы с языковыми характеристиками стилей. Считается, что их можно осветить на лекции, а закрепить — в ходе изучения других тем, так сказать, в фоновом режиме. Это приводит к тому, что студенты осознают разницу между стилями лишь умозрительно, не всегда умея на практике различить их и особенно аргументировать свой выбор, выделяя конкретные маркеры того или иного стиля.

Кроме того, учебная практика создания и произнесения собственной речи чаще всего парадоксальным образом противоречит целям об-

учения, т. е. ограничивается выступлением с убеждающей публичной речью, созданной в публицистическом или разговорном стилях, в то время как научный или официально-деловой стили практикуются лишь в письменной форме. Навыкам именно письменной коммуникации посвящены в основном и методические работы, описывающие задачи и трудности в обучении студентов языку [Кузьмина, 2009; Кротова, 2013].

Следующая проблема при обучении основам стилистики заключается в том, что студенты нефилологических специальностей вообще мало понимают, зачем это нужно. Они условно делят окружающую их речь на «обычную» и «умную» (в студенческой среде можно встретить еще такие названия, как «взрослая / литературная»). Свои тексты они привыкли создавать по образцам, т. е. имитируя речь того или иного жанра, не анализируя их сходства и отличия, что, в принципе, необходимо, однако лишь на начальном этапе развития писательского мастерства. Об этом подробно рассказывается в параграфе 3.5 монографии В.Я. Булохова [Булохов, 2007, с. 168–185].

Впрочем, указанное затруднение — одно из самых легко разрешаемых, так как работа с синонимическими рядами и текстами разных стилей наглядно демонстрирует учащимся, как и зачем изучать стилистику. Заодно решается еще одна задача — расширение словарного запаса студентов, поскольку работа с функциональными и экспрессивными стилями предполагает анализ отдельных слов, которые не всегда знакомы молодым людям. Более того, иногда обнаруживается, что они понимают известные вроде бы слова совсем не так, как люди старшего возраста, что, соответственно, может влиять и на приписываемые данным словам стилистические характеристики. Случаи подобных «семантических ножниц» были обнаружены при работе с такими, например, словами, как «зубоскалить», «прописная», «нелицеприятный», «одиозный» [Южанникова, 2022].

Работу со стилями на практике целесообразно начинать с введения понятия экспрессивных стилей, где для наглядности достаточно распределения слов всего по трем уровням: высокому, нейтральному и сниженному.

Если сначала разобрать несколько общеупотребительных глаголов, обозначающих бытовые действия, например, «плакать», «спать», «кричать», составляя синонимические ряды разных экспрессивных стилей, то затем учащиеся уже самостоятельно могут справиться с глаголами посложнее, например, «идти», «умереть». Эффективно вначале записать все пришедшие в голову группе синонимы, располагая их от высокого к снижению, а далее проанализировать, какие из этих синонимов

могут встречаться в тех или иных текстах. Как правило, на примере глагола «умереть» легко продемонстрировать тяготение отдельных языковых единиц к тому или иному стилю («скончаться», «погибнуть», «сдохнуть»). Идеально для иллюстрации различий в словоупотреблении между экспрессивными и функциональными стилями подходит понятие «мертвый человек» и обозначающий его синонимический ряд. «Покойник» или «мертвец» используются в разговорном стиле, «труп» встречается в медицинской или полицейской документации, «умерший» в административном документообороте. Это позволяет студентам почувствовать неуместность некоторых синонимов в текстах того или иного стиля.

При работе с подобной лексикой важно вовремя выйти за ее пределы, так как у некоторых студентов возникает впечатление, что стилистика — это только и исключительно лексика, т. е. слова, в то время как каждый функциональный стиль имеет и характерные черты управления, характерные конструкции и даже типы предложений.

Следующая проблема развития жанрово-стилистической компетенции связана с терминологией, так как слово «стиль» многозначно и даже в области лингвистики используется в нескольких понятиях, например, студентам свойственно неразличение функциональных стилей и стилей общения. В случае подобного затруднения представляется разумным привести примеры того и другого и объяснить индивидуальный характер стилей общения (авторитарный, манипулятивный, демократический, либеральный, деловой, межличностный) и обобщенность функциональных стилей, которые привязаны не к человеку, а к сферам. Возникают сложности и с пониманием студентами термина «жанр» в речеведческой плоскости, при разграничении понятий «литературный жанр» и «речевой жанр», что представляет собой существенное препятствие для развития жанрово-стилистической компетенции.

Еще одна сложность связана с непониманием членимости литературного языка, когда студенты говорят о существовании литературного стиля, относя к нему любую речь, не содержащую очевидных нелитературных элементов. Чтобы преодолеть это затруднение, полезно схематически изображать строение национального и литературного языков, например, в виде диаграммы. Сюда же можно отнести и следующую проблему — абсолютное непонимание разницы между разговорным стилем и разговорной речью. Это глобальная и чрезвычайно распространенная проблема, которую, несмотря на попытки визуализировать отличие указанных понятий, решить в рамках отдельного короткого курса не представляется возможным.

Не менее серьезная сложность связана с тем, что большое число обучающихся плохо различает языковые характеристики текстов и их тематику. В их сознании то, о чем текст, и становится его стилем: многие считают, что текст о судебном заседании обязательно написан официально-деловым стилем, а о научном открытии — научным стилем. Для преодоления этого затруднения эффективной представляется демонстрация текстов разных стилей, но на одну тему, что заставляет обращать внимание не на то, о чем говорится, а на то, как говорится. Например, студентам можно предложить такие тексты для определения функционального стиля:

1. *В соответствии со статьей 62 закона, сумма пенсии, излишне выплаченная пенсионеру вследствие злоупотребления с его стороны, может удерживаться из пенсии на основании решения пенсионного органа.*

2. *Как говорится в статье 62 Закона, если пенсионер вводил в заблуждение пенсионные органы и если из-за этого ему было выплачено больше, чем следовало, то пенсионный орган может решить, что излишне выплаченная пенсия будет сниматься с его пенсии.*

3. *Тщательный анализ статьи 62 Закона показал, что излишне выплаченная сумма пенсии действительно может удерживаться из пенсии субъекта в том случае, если пенсионный орган пришел к выводу, что имел место злой умысел. Однако следует заметить, что процедура предусматривает обязательное рассмотрение дела в суде, который и должен вынести соответствующее решение.*

Представленные три текста посвящены одной теме, что позволяет студентам преодолеть установку об обязательной корреляции темы с функциональным стилем. Наши наблюдения были проведены на основе индивидуального (письменного) опроса учащихся 11 групп (227 человек), обучающихся на таких направлениях, как «менеджмент», «экономика» и «социальная работа», т. е., по сути, представителей гуманитарных направлений.

Все 11 групп в целом справились с поставленной задачей — самостоятельно индивидуально определить функциональный стиль предложенных текстов. Стиль этих текстов не смогли установить менее 10% от общего количества опрошенных (19 человек). Однако такой высокий результат может быть случайным, обусловленным особенностями предложенных текстов, так как следующие три фрагмента были распределены по стилям менее точно.

1. *Сейсмологи определяют землетрясение как «разрыв сплошности материала Земли под воздействием накопленного напряжения, сопровождающийся излучением сейсмических волн». Вообще говоря, реальные*

очаги землетрясений часто имеют сложную геометрию, но все они схематически могут быть представлены в виде плоской площадки (трецины), определенным образом ориентированной внутрь Земли.

2. В 1:04 ночи 28 мая 1995 года п. Нефтегорск на о. Сахалин был полностью уничтожен в результате катастрофического землетрясения. Из 3197 жителей поселка погибло 2040 человек. После ликвидации последствий землетрясения было принято решение поселок не восстанавливать, а переселить оставшихся в живых в соседние населенные пункты.

3. Землетрясения похожи и непохожи одно на другое. Нефтегорск. Ночь с 27 на 28 мая 1995 года. Самая сильная сейсмическая катастрофа, произошедшая на территории России в ее сегодняшних границах. Погибло больше двух тысяч человек! В одном, к счастью, ненаселенном месте вообще откололась и поехала вниз часть горы.

Если первый текст из этой тройки студенты практически безошибочно относили к научному стилю, то с определением стиля второго и третьего текстов затруднилась уже почти треть опрошенных (68 человек). Большинство из тех, кто ответил неверно, отнесли второй текст к публицистическому стилю, а третий — к разговорному вместо официально-делового и публицистического соответственно.

Последняя сложность, хотя и менее распространенная, о которой следовало бы упомянуть, — это плохое различение студентами научного и официально-делового стилей. Молодые люди довольно слабо понимают отличие двух стилей и, при необходимости создать текст официально-делового стиля, недостаток знаний стараются компенсировать обильным использованием канцелярских слов и выражений. Например, многие из опрошенных убеждены, что слова «являюсь», «данный» и «обучаюсь» превращают любой текст в официально-деловой.

Конечно, следует заметить, что перечисленные сложности встречаются в работе не со всеми студентами, но их можно назвать типичными. Естественно, существуют и индивидуальные особенности восприятия. Всегда есть учащиеся, которые в тексте рецензии могут запросто написать, что «автор рецензируемой работы повествует о ...», как есть и те, кто прекрасно чувствует стилистические различия и не допускает подобных ошибок.

Библиографический список

Булохов Б. Я. Писательская компетенция учащихся: монография. Красноярск, 2007.

Воронцова Т. А. Элементарная стилистика: учебно-методическое пособие. Ижевск, 2008.

Корякина А. Н. Педагогические условия формирования стилистической компетенции у старшеклассников якутской школы: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Якутск, 2008.

Кротова А. Г. Формирование языковой компетенции студентов гуманитарных и негуманитарных специальностей // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3.

Кузьмина Н. В. Формирование навыков письменной деловой коммуникации у студентов негуманитарных вузов // Казанский педагогический журнал. 2009. № 7–9.

Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учеб. пособие // под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2015.

Сапарбаева А. М. Формирование лексико-стилистической компетенции студентов неязыковых вузов в практическом курсе русского языка (на материале глаголов): дисс. ... канд. пед. наук. Алматы, 2009.

Сиротинина О. Б. Типы речевой культуры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2012.

Стурикова М. В. Формирование дискурсивно-стилистической компетенции у будущих педагогов профессионального обучения // Научный диалог. Сер.: Педагогика. 2012. № 5.

Чижова Т. И. Основы методики обучения стилистике в средней школе. СПб, 1998.

Южанникова М. А. Множественность интерпретаций как лингвоэкологический феномен // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под. ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. Красноярск, 2022. С. 90–100.

References

Bulokhov B. Ya. *Pisatel'skaya kompetentsiya uchashchikhsya*. [Writing competence of students: monography]. Krasnoyarsk, 2007.

Vorontsova T. A. *Elementarnaya stilistika*. [Elementary stylistics]. Izhevsk, 2008.

Koryakina A. N. *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya stilisticheskoy kompetentsii u starsheklassnikov yakutskoy shkoly*. [Pedagogical conditions for the formation of stylistic competence among senior school students of the Yakut school]. Abstract of Ped. Cand. Diss. Yakutsk, 2008.

Krotova A. G. *Formirovanie yazykovoy kompetentsii studentov gumanitarnykh i negumanitarnykh spetsial'nostey*. [Formation of the language competence of students of humanitarian and non-humanitarian specialties]. In: *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. [Siberian Pedagogical Journal]. 2013. No. 3.

Kuz'mina N. V. *Formirovanie navykov pis'mennoy delovoy kommunikatsii u studentov negumanitarnykh vuzov*. [Formation of Written Business

Communication Skills in Students of Non-Humanitarian Universities]. In: *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. [Kazan Pedagogical Journal]. 2009. No. 7-9.

Russkiy yazyk i kul'tura rechi (bazovye kompetentsii). [Russian language and culture of speech (basic competencies)]. Ed. A. P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk, 2015.

Saparbaeva A. M. *Formirovanie leksiko-stilisticheskoy kompetentsii studentov neyazykovykh vuzov v prakticheskom kurse russkogo yazyka (na materiale glagolov)*. [Formation of the lexical and stylistic competence of students of non-linguistic universities in the practical course of the Russian language (based on verbs)]. Thesis of Ped. Cand. Diss. Almaty, 2009.

Sirotnina O. B. *Tipy rechevoy kul'tury*. [Types of speech culture]. In: *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)*. [Effective verbal communication (basic competencies): dictionary]. Krasnoyarsk, 2012.

Sturikova M. V. *Formirovaniye diskursivno-stilisticheskoy kompetentsii u budushchikh pedagogov professional'nogo obucheniya*. [Formation of discursive-stylistic competence of future teachers of vocational training]. In: *Nauchnyy dialog*. [Scientific dialogue]. Ser. Pedagogy. 2012. No. 5.

Chizhova T. I. *Osnovy metodiki obucheniya stilistike v sredney shkole*. [Basics of teaching style in secondary school]. St. Petersburg, 1998.

Yuzhannikova M. A. *Mnozhestvennost' interpretatsiy kak lingvoekologicheskiy fenomen*. [Multiplicity of interpretations as a linguoecological phenomenon]. In: *Lingvoekologiya: problemy i puti ikh resheniya*. [Linguoecology: problems and ways to solve them: monography]. Eds. A. P. Skovorodnikov, G. A. Kopnina. Krasnoyarsk, 2022.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ. Усиление процессов глобализации и цифровизации современной жизни приводит к тому, что во многие языки, в том числе и русский, активно проникают заимствования, как правило, из английского. С появлением новых жизненных реалий возникает необходимость в их лаконичной номинации, которую не всегда может обеспечить лексическая система родного языка. На материале современных СМИ авторы данной статьи показывают, что заимствование — это языковой процесс, который имеет как положительные, так и отрицательные последствия. К позитивным явлениям можно отнести обогащение русского языка: расширение его лексического состава, морфемного репертуара, появление новых значений у давно закрепившихся в языке заимствований. Негативным последствием является засорение русского языка, выражающееся в неуместном использовании иноязычной лексики. Заимствованные слова, которые наиболее активно употребляются в современном русском языке, можно условно объединить в следующие тематические группы: «Информационные технологии», «Экономика», «Политика», «Наука», «Культура», «Социально-психологические явления», «Мода и красота», «Спорт», «Гастрономия». Обращение к Национальному корпусу русского языка показывает, что в СМИ второго и третьего десятилетий XXI в. наиболее часто функционирует иноязычная лексика, связанная с информационными технологиями, что, безусловно, объясняется реалиями жизни в современном цифровом мире.

A. V. Degaltseva, O. B. Sirotinina. The Problems of Borrowed Words Usage in Modern Media The intensification of the processes of globalization and digitalization of modern life led to the fact that borrowings, as a rule, from English, are actively penetrating into many languages, including Russian. With the emergence of new realities of life, there is a need for their concise nomination, which the lexical system of the native language cannot always provide. Based on the material of modern media, the authors of this article show that borrowing is a language process that has both positive and negative consequences. Positive phenomena include the enrichment of the Russian language: the expansion of its vocabulary, morphemic repertoire, the

emergence of new meanings in the borrowings entrenched in the language. A negative consequence is the clogging of the Russian language, expressed in the inappropriate use of foreign language vocabulary. Borrowed words that are most actively used in modern Russian can be grouped into the following thematic groups: «Information technology», «Economics», «Politics», «Science», «Culture», «Socio-psychological phenomena», «Fashion and beauty», «Sports», «Gastronomy». The study of the National Corpus of the Russian Language shows that in the media of the second and third decades of the XXI century, foreign language vocabulary related to information technologies most often functions, which, of course, is explained by the realities of life in the modern digital world.

Н. Г. Нестерова, А. А. Орешкина. Динамика дискурсивных практик в просветительском радиодискурсе о русском языке. Исследуются новые дискурсивные практики, обусловленные конвергенцией СМИ и новыми коммуникационными условиями. На материале программы «Говорим по-русски» и подкаста «Как это по-русски?» выявлены следующие динамические изменения: в формах существования и восприятия радиоконтента (на радио реализуется визуальный канал связи); в формах интерактивности (развитие получили комментарий и чат в прямом эфире); в коммуникативном функционале адресанта (деятельность ведущего осуществляется в эфире и на странице в социальной сети); в коммуникативном функционале адресата (массовый адресат стал активным субъектом коммуникации); на уровне текста (радиотекст совмещает черты радио, телевидения, прессы); на уровне языка (увеличивается доля разговорного пласта). Анализ подкаста дополняет в новые дискурсивные практики использование хэштега.

N. G. Nesterova, A. A. Oreshkina. Dynamics of Discourse Practices in Educational Radio Discourse about the Russian Language. The paper explores new discursive practices determined by media convergence and new communication conditions. Based on the case study of the program «We speak Russian» and the podcast «What is it in Russian?» the following dynamic changes have been identified: in the forms of existence and perception of radio content (a visual communication channel is implemented on the radio); in the form of interactivity (commentary and live chat have developed); in the communicative function of the addresser (the work of the presenter is carried out on air and on the page in the social network); in the communicative function of the addressee (the mass addressee has become an active subject of communication); at the text level (radio text combines the features of radio, television, press); at the language level (the share of the colloquial layer of the

language increases). The podcast analysis complements the use of the hashtag into new discursive practices.

Е. Э. Базаров. К вопросу о целесообразности описания сниженной лексики в академических словарях. Статья представляет собой попытку автора ответить на вопрос: оправданно ли включение в словник академических словарей лексических единиц сниженной стилистической окраски — элементов разговорной речи, просторечия, жаргона, сленга и т. п.? В разные времена составителей академических словарей упрекали (и продолжают упрекать сегодня) в излишней демократичности: по мнению критиков, в нормативном словаре должна отражаться строго литературная норма, описание же сниженных пластов лексики в нормативном словаре неприемлемо. Обозначенная проблема рассматривается на материале двух словарей — «Академического толкового словаря русского языка» (АТРС) и академического «Русского орфографического словаря» (РОС). Первая часть статьи посвящена описанию особенностей представления единиц некодифицированных подсистем русского языка в АТРС, во второй части статьи рассматриваются проблемы, связанные с фиксацией сниженных слов в орфографическом словаре. Автор опровергает тезис о недопустимости включения в академический нормативный словарь единиц сниженных лексических групп. Автор уверен, что отражение в нормативном словаре элементов некодифицированных подсистем не только не вредит словарю, но, напротив, необходимо для описания литературного языка.

E. E. Bazarov. On the Problem of Presenting of Substandard Vocabulary in Academic Dictionaries. The article is an attempt to answer the question: is it justified to include in the academic dictionaries' lexical units of substandard vocabulary — elements of colloquial speech, vernacular, jargon, slang, etc.? The article discusses whether it is justified to include in the academic dictionaries' lexical units of substandard vocabulary — units of colloquial speech, vernacular, jargon, slang, etc. At different times, the authors of academic dictionaries were reproached (and are reproached today) for excessive democracy: according to critics, the normative dictionary should reflect strictly standard norm, the description of the substandard vocabulary in the normative dictionary is unacceptable. The problem mentioned above is studied on the material of two dictionaries — the *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language* and the *Academic Russian Orthographic Dictionary*. The first part of the article is devoted to the description of representation of units of non-codified subsystems of the Russian language in *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language*, the second part of the article deals with problems

connected to the presentation of reduced words in the orthographic dictionary. The author refutes the thesis about the inadmissibility of including units of substandard lexis in the academic standard dictionary. The author comes to the conclusion that reflection of elements of non-codified subsystems in the normative dictionary does not lower the quality of the dictionary, but, on the contrary, it is necessary for the description of the standard language.

А. А. Клементьева. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта. Статья посвящена выявлению и описанию языковых особенностей междисциплинарного диалога по проблемам искусственного интеллекта (ИИ). На материале научных статей и официально-деловых документов рассматривается формирование образа искусственного интеллекта как феномена современной культуры и общественной жизни. Анализ предикатов доказывает утверждение представлений об искусственном интеллекте как об активн действующем субъекте, подобном человеку. Отмечается отрицательная роль метафоры в определении искусственного интеллекта. Через анализ языковых средств, используемых при обсуждении проблемы искусственного интеллекта, выявляются предпосылки для концептуального переосмысления природы человека. В выводах отмечен ряд особенностей формирующегося на наших глазах междисциплинарного научного дискурса в рамках разработки и методологии ИИ, среди которых формирование особого образа ИИ за счет приписывания системам ИИ акциональных свойств посредством предикации; смещение фокуса с сущности феномена ИИ на его функции и свойства за счет использования многочисленных аналогий, метафор и др.

A. A. Klementyeva. Linguistic Features of Interdisciplinary Dialogue on Artificial Intelligence. The author of the article tries to identify and describe linguistic features of the interdisciplinary dialogue on the problems of artificial intelligence (AI). Being a case study of scientific articles and official documents, it allows one to consider the formation of the image of artificial intelligence as a phenomenon of modern culture and social life. The analysis of predicates proves the idea that artificial intelligence can be viewed as an active subject similar to a person. Using metaphors in defining artificial intelligence is considered to be inappropriate. The analysis of linguistic means used in the texts dealing with the problem of artificial intelligence reveals the conditions for conceptual consideration of human nature. The conclusions point out a number of features of the interdisciplinary scientific discourse that is emerging before our eyes in the framework of the development and methodology AI, including the formation of a special image of AI by attributing

actional properties to AI systems through predication; shifting the focus from the essence of the AI phenomenon to its functions and properties through the use of numerous analogies, metaphors, etc.

О. Г. Борисова, А. Ю. Костина. Отражение лингвокультурных представлений об отношениях свойства в диалектной картине мира жителей Кубани. Статья посвящена описанию отношений между некровными родственниками в диалектной картине мира жителей Кубани. Показано, что наиболее ярко их лингвокультурные представления о категории некровного родства респондирует архетипическая оппозиция *свой* — *чужой*. Установлено, что концептуальный признак *свой* термины свойства приобретают в речи диалектоносителей благодаря контекстно-семантической поддержке, в результате использования в составе паремий и за счет лексических, грамматических и словообразовательных средств. Выявлена двойственность отношений между некровными родственниками, демонстрирующая как сохранение стереотипизированных образов и сценариев жизненных ситуаций, так и их трансформацию. Обосновано, что релевантную в этнокультурном плане информацию транслирует категоризация отдельных понятий свойства посредством важных для носителей кубанских говоров концептообразующих признаков. Показано, что на периферии находятся номинирующие дальнюю родню устойчивые выражения, основным прагматическим признаком которых является ярко выраженная ироническая коннотация. Сделан вывод, что система отношений между некровными родственниками совмещает в себе устоявшиеся и изменившиеся лингвокультурные представления о семейно-брачных отношениях сельских жителей Кубани.

O. G. Borisova, L. Y. Kostina. Reflection of Linguacultural Perception of Relationship by Marriage in the Dialect World View of the Kuban Region Inhabitants. The article is focused on the description of the relations between relatives by marriage in the dialect world view of the Kuban region inhabitants. It demonstrates that the most vivid depiction of their linguacultural perception of relations by marriage category can be represented by the archetypic opposition *friend or foe*. It determines that relationship terms acquire the conceptual characteristics of a *friend* in the dialect speakers by means of contextual and semantical support, due to their use as a part of paroemia and through lexical, grammatical and word-building means. It determines the duality of relations between relatives by marriage which demonstrates both, retention of stereotype images and scenarios of real life situations and transformation thereof. It proves that, from the ethnocultural point of view, relevant information is communicated via categorization of

certain notions of this characteristic by means of concept building features important to the Kuban sub-dialect speakers. It demonstrates that peripheral area is filled with set expressions used for distant relatives nomination, with their main pragmatic feature being the vivid expression of ironic connotation. The conclusion is that the system of relations between relatives by marriage combines both the long-present and transformed linguacultural perception of family and marital relationships among village residents of the Kuban region.

Ю. С. Ромайкина. А. И. Куприн и «Московское книгоиздательство»: история сотрудничества. На основе неопубликованных архивных материалов и отрывков из изданных мемуарных и эпистолярных источников восстанавливается целостная картина сотрудничества А. И. Куприна в популярном издательском предприятии начала XX в. — «Московском книгоиздательстве». Анализируются деловые и личные взаимоотношения писателя с сотрудниками «Московского книгоиздательства»: владельцем издательства и редактором выпускавшихся «Московским книгоиздательством» литературных сборников «Земля» (20 сб., 1908–1917) Г. Г. Блюменбергом, представителями «Московского книгоиздательства» братьями Н. С. и В. С. Клёстовыми, редактором двух первых книг «Земли» И. А. Буниным. Прослеживается история публикаций произведений писателя («Суламифь», «Яма», «Гранатовый браслет») в сборниках «Земля». Устанавливается ведущая роль Куприна в литературных сборниках «Земля»: владельцы и сотрудники издательства неизменно шли на компромисс в спорах с писателем, мирились с задержками рукописей, в угоду Куприну привлекали к сотрудничеству отдельных авторов. Приводится обзорный очерк отношений (подчас непростых) Куприна с авторами альманахов «Земля»: соперничество с Л. Н. Андреевым, покровительственный тон в обращении с М. П. Арцыбашевым, поддержка и протекция в привлечении к сотрудничеству в альманахе Ф. К. Сологуба, дружеское общение с С. С. Юшкевичем.

Yu. S. Romaykina. A. I. Kuprin and Moscow Publishing House: History of Cooperation. Based on unpublished archival materials and pieces from printed memoir, epistolary sources, the article restores a comprehensive picture of A. I. Kuprin's cooperation in a popular publishing enterprise at the beginning of the 20th century — *Moscow Publishing House*. The article analyses business and personal relationships between Kuprin and *Moscow Publishing House* staff members: G. G. Blumenberg, the owner and the editor of the literary digests *Zemlya* (20 books, issued by *Moscow Publishing House* from 1908 to 1917); brothers N. S. and V. S. Klyostovs, representatives of *Moscow Publishing House*; I. A. Bunin, the editor of the first two *Zemlya's* books.

The article follows the history of Kuprin's art works publications (*Sulamith, Yama: The Pit, The Garnet Bracelet*) in the literary digest *Zemlya*. The article determines the leading role of Kuprin in literary digests *Zemlya*: the Publishing House's owners and staff inevitably made compromises while arguing with the writer, tolerated manuscripts delays, sought the cooperation of certain authors to please Kuprin. The article gives an overview of relationships (sometimes tough) between Kuprin and the authors of *Zemlya's* almanac: rivalry with L. N. Andreyev, patronizing tone towards M. P. Artsybashev, support and protection of F. K. Sologub, friendly terms with S. S. Yushkevich.

М. С. Черепенникова. Литературные традиции Италии (Тассо, Казанова) в гётевской и цветаевской поэтической самоидентификации (к 130-летию юбилею М. И. Цветаевой). В статье исследуется роль итальянских литературных традиций в творчестве И.-В. Гёте и М. И. Цветаевой, изучается их влияние на процесс поэтической самоидентификации данных авторов. Выявляется, что культура, литература, искусство Италии и идеализированный образ этой страны составляли эстетическую доминанту в формировании поэтического вкуса Гёте и Цветаевой. С помощью сравнительного метода исследования устанавливается, что использование в стихотворных и драматургических произведениях итальянских литературных традиций, мотивов, протагонистов и конфликтов, имевших место в итальянской истории, являлось для Гёте и Цветаевой важной частью феномена поэтической самоидентификации. Данные параллели, связанные с общими литературными приоритетами, с повышенным вниманием к наследию античности, с активным поиском индивидуального поэтического языка и новых форм театрального искусства, говорят об особой вовлеченности Гёте и Цветаевой в общеевропейскую литературную парадигму, во многом базирующуюся на классических традициях, получивших свой генезис и развитие в Италии.

M. S. Cherepennikova. Literary Traditions of Italy (Tasso, Casanova) in the Poetic Self-Identification of Goethe and Tsvetaeva (to the 130th Anniversary of M. I. Tsvetaeva). The article discusses the role of Italian literary traditions in the works of J.-W. Goethe and M. I. Tsvetaeva, examines their influence on the process of poetic self-identification of these authors. It has been revealed that the culture, literature, art of Italy and the idealized image of this country worked as the aesthetic dominant in the evolvement of the poetic taste of Goethe and Tsvetaeva. Based on the comparative method of research, it has been established that the employment of Italian literary traditions, motifs, protagonists and conflicts that took place in Italian history

in poetic and dramatic works was an important part of the phenomenon of poetic self-identification for Goethe and Tsvetaeva. These parallels, connected with common literary priorities, with increased attention to the heritage of antiquity, with an active search for an individual poetic language and new forms of theatrical art, speak of the special involvement of Goethe and Tsvetaeva in the all-European literary paradigm, largely based on classical traditions conceived and developed in Italy.

Т. А. Богумил. Коммеморативный литературный портрет В. М. Шукшина. В статье рассматривается поминальная лирика о В. М. Шукшине с точки зрения моделирования в ней образа писателя, режиссера и актера. В центре внимания находятся поэтические некрологи В. Высоцкого, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского как прецедентные тексты для последующей мемориальной традиции, сложившейся в корпусе произведений менее известных поэтов. Поминальный «сверхтекст» о Шукшине включает в себя региональную составляющую, связанную с «малой родиной» писателя, а также более универсальные темы жизни и кино в их противоречивом единстве, творческого метода («народный» автор), литературной эволюции (предтечи и наследники). Литературный портрет Шукшина строится на символических деталях: скулы, кирзовые сапоги, калина, береза и др. Поэты отмечают знаковые в его биографии фильмы: пророческий «Калина красная», роковой «Они сражались за Родину», несбывшийся о Степане Разине. Прагматичный аспект коммеморативных практик обнаруживает негативную составляющую: паразитарное утверждение себя в культуре через публичное поминовение ушедшей знаменитости.

T. A. Bogumil. Commemorative Literary Portrait of V. M. Shukshin. The article focuses on the memorial lyrics about V. M. Shukshin as a way to model his image as a writer, director and actor. The focus is on the poetic obituaries by V. Vysotsky, A. Voznesensky, E. Yevtushenko, R. Rozhdstvensky as precedent texts for the subsequent memorial tradition which developed into a corpus of works by less known poets. The memorial «supertext» on Shukshin includes a regional component associated with the «native place» of the writer, as well as more universal motifs of life and cinema in their contradictory unity, creative method (author «from grassroots»), literary evolution (ancestors and successors). The literary portrait of Shukshin is built on symbolic details: cheekbones, kersey boots, guilder rose, birch, etc. The poets mention the films that are significant in his biography: the prophetic «Kalina Krasnaya», the fatal «They Fought for the Motherland», unfiled «Stepan Razin». The pragmatic aspect of commemorative practices reveals a negative component:

a parasitic self-affirmation in culture through a public commemoration of a departed celebrity.

А. И. Москалюк, О. С. Москалюк. Семантика фразеологизмов с заимствованным компонентом в речи российских немцев. В данной статье отражены результаты исследования по выявлению семантических особенностей фразеологизмов, содержащих заимствования из русского языка, в говорах российских немцев. Научная новизна исследования заключается в описании специфики использования фразеологизмов, содержащих заимствования в своем составе, в островных российско-немецких говорах. Фразеологический фонд, представленный в текстовом корпусе бытующих на территории Алтайского края российско-немецких диалектов, характеризуется значительным своеобразием, так как содержит множество фразеологических единиц, отличающихся от стандарта и исходных диалектных вариантов. Эти особенности отражаются при анализе исследуемого фрагмента фразеологической системы российско-немецких диалектов, фразеологизмов с заимствованными из русского языка компонентами. В результате исследования доказано, что заимствованные слова, проникая в немецкие фразеологизмы из основного лексического фонда, приобретают экспрессивную окраску, придавая фразеологизму дополнительные оценочные значения. Калькированные фразеологизмы русского языка служат для расширения фразеологического фонда островных немецких диалектов.

L. I. Moskalyuk, O. S. Moskalyuk. Semantics of Phraseological Units with a Borrowed Component in the Speech of Russian Germans. This article reflects the results of a study on identifying the semantic features of phraseological units containing borrowings from the Russian language in the dialects of Russian Germans. The scientific novelty of the study includes the description of the specifics of the meaning of phraseological units of insular Russian-German dialects containing borrowed elements in their composition, tracing phraseological units created by German dialect means to convey the semantics of Russian set expressions, as well as semi-calques containing direct borrowings from the Russian language. The phraseological fund, presented in the text corpus of the Russian-German dialects existing in the Altai Territory, is characterized by significant originality, as it contains many phraseological units that differ from the standard and the original dialect variants. These features are reflected in the analysis of the studied fragment of the phraseological system of Russian-German dialects, phraseological units with components borrowed from the Russian language. As a result of the study, it was proved that borrowed words, penetrating into German phraseological

units from the main lexical fund, acquire an expressive coloring, giving the phraseological unit additional evaluative meanings. Traced phraseological units of the Russian language serve to expand the phraseological fund of insular German dialects.

Н. Н. Шацких. Реализация категории информативности в сверхкратких англоязычных рассказах. В статье рассматриваются особенности актуализации категории информативности в сравнительно новом жанре сетевой литературы — сверхкратком англоязычном рассказе. Сверхкраткий рассказ (микрорассказ) представляет собой текст с ограниченным количеством слов (от 6 до 1000 слов). Микрорассказ обладает уникальной особенностью скрывать или подразумевать более крупную историю. Иными словами, большая часть информации в сверхкратком рассказе передается имплицитно. Читателю приходится самому декодировать то, что не было сказано, восстанавливать скрытый, неявный смысл (подтекст). Для создания подтекста авторы микропрозы используют разные лингвостилистические средства. В статье рассматриваются примеры использования таких средств, как метафора, метонимия, аллюзия, каламбур, перифраз, эвфемизм, аббревиатуры, умолчание (апозиопезис), эллипсис, идиоматические выражения, поговорки и поговорки, коннотативные значения слов и др. Декодирование невербализованного в сверхкратком рассказе содержания нередко требует от читателя определенных временных затрат, интеллектуальных усилий, специфических знаний, напряженной мыслительной работы.

N. N. Shatskikh. Realization of the Category of Informative Value in Ultra-Short English Stories. This article describes the peculiarities of the actualization of the category of informative value in a relatively new genre of online literature — short / ultra-short English stories. An ultra-short story (microstory) is a text with a limited number of words (from 6 to 1000 words). A micronarrative has a unique feature of hiding or implying a larger story. In other words, most of the information in the ultra-short story is conveyed implicitly. The reader himself has to decode what was not said, to restore the hidden, implicit meaning (subtext). To create a subtext, authors of microprose use different linguistic and stylistic means. The article discusses the use of such means as metaphor, metonymy, allusion, pun, periphrasis, euphemism, abbreviations, aposiopesis, ellipsis, idiomatic expressions, proverbs and sayings, connotative meanings of words etc. Decoding of the nonverbalized content in an ultra-short story often requires a certain amount of time, intellectual effort, specific knowledge, intense mental work of the reader

А. Б. Танхилевич. Читатель и завеса: событийность в рассказе «Смерть Долгушова». В статье исследуется событийность в рассказе И. Э. Бабеля «Смерть Долгушова» из цикла «Конармия». В рассказе средствами формы, опосредованно конструируется ментальное событие — эпифания героя-рассказчика, сталкивающегося с катастрофической реальностью войны и «перевернутой» системой ценностей. Такой эффект создается благодаря специфической двухчастной структуре рассказа, где первая часть нарратива является фрагментированной, а вторая — цельной. Герой как бы «блуждает» в первой части рассказа, чтобы во второй подвергнуться эпифании. Подобное же событие — эпифания, откровение — моделируется для читателя. В результате этого события читатель проживает опыт, подобный опыту героя, и оказывается перед необходимостью самоопределения: создается, по формулировке В. И. Тюпы, «этос личной ответственности». Некоторые результаты анализа текста подтверждаются экспериментом, проведенным автором статьи. Респонденты, прочитавшие «Смерть Долгушова», запоминают, понимают и пересказывают вторую часть рассказа значительно лучше, чем первую. Двухчастная структура рассказа дала возможность смоделировать для читателей опыт «блуждания» по тексту и последующего осознания его смысла.

A. B. Tankhilevich. The Reader and the Curtain: Eventfulness in «The Death of Dolgushov». The article presents an analysis of eventfulness in the short story «The Death of Dolgushov», which is part of «Red Cavalry» by I. E. Babe'. Indirectly, through the form and structure of the story, a «mental event» is constructed — the epiphany of the protagonist, who has to face the catastrophic reality of the war and its inversed system of values. Such an effect is created through the binary composition of the story, the first part of it being fragmented and the second, on the contrary, solid. The protagonist «wanders» in the first part of the story and undergoes the event in the second one. The same event is created for the reader. As a result, the reader goes through an experience which is similar to the protagonist's and has to face self-determination: this, according to V. I. Tjupa, is the «ethos of personal responsibility».

Some of the results of the analysis of the text are supported by the experiment which was carried out by the author of the article. The respondents who read «The Death of Dolgushov», remember, understand and retell the second half of the story much better than the first one. The binary composition of the story made it possible for the readers to undergo the experience of «wandering» through the text and the subsequent realization of its meaning.

О. Н. Краснова. Роль текстовых позиций «экзистенциальной наполненности» в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. Междисциплинарное исследование посвящено анализу текстовых связей с глубинными художественно-психологическими чертами образа повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина, изучению закономерностей связанного с ними процесса художественно-психологического смыслопорождения. Выделяется и описывается текстовая позиция «экзистенциальной наполненности», в условиях которой рассматриваются ключевые слова и ключевые понятия, а также наиболее информативные текстовые связи и знаки, организующие читательское внимание. Описываются структурно-семантические особенности позиции «экзистенциальной наполненности»: «полюса» и «пики» ситуаций и состояний, «кристаллизация», парадоксальность чувств и суждений, что является значимым для установления глубинных художественно-психологических свойств повествователя. Показываются смыслообразующие возможности ситуации «экзистенциальной наполненности», связанные с единством персонажа, а также в аспектах: раскрытия его глубинных художественно-психологических характеристик; архитектоники повести; мотивном; структурно-семантическом. Раскрывается сложно построенная художественно-психологическая связь образов Лизы и повествователя. Дается характеристика ситуации «экзистенциальной наполненности», носящей стадийный характер.

O. N. Krasnova. The Role of Text Positions of «Existential Profuseness» in Revealing the Deep Artistic and Psychological Characteristics of the Image of the Narrator of «Poor Liza» by N. M. Karamzin. The interdisciplinary research is concentrated on the analysis of text connections with the deep artistic and psychological features of the image of the narrator of «Poor Liza» by N. M. Karamzin, and the study of the patterns of artistic and psychological meaning generation associated with it. The text position of «existential profuseness» is highlighted and described, here key words and key concepts are considered, as well as the most informative text connections and signs that organize the reader's attention. The article describes the structural and content features of the position of «existential profuseness» in its various manifestations: «poles» and «peaks» of situations and states, «crystallization», paradoxical feelings and judgments, which is significant for establishing the deep artistic and psychological properties of the narrator. The author shows the meaning-forming possibilities of the situation of «existential profuseness» related to the unity of the character, as well as in the aspects of its disclosure.

А. Цзоу. Творческое наследие А. С. Пушкина в историко-литературных курсах китайских школ и вузов. Материал посвящен творческому наследию А. С. Пушкина в практике преподавания литературы в Китае. В современном пушкиноведении преподаванию произведений поэта в историко-литературных курсах школ и вузов уделялось недостаточно внимания, а исследование практики преподавания его поэтического, прозаического и драматургического творчества в Китае вообще осуществляется впервые. На основе собранной информации в статье выявлено, что изучение творчества Пушкина в китайских образовательных учреждениях проходило в несколько этапов. На рубеже XX–XXI вв. китайские школьники изучают стихотворные произведения Пушкина, при этом им часто предлагается сопоставить сходные образы в китайской поэзии и у Пушкина; а китайские вузы в практике преподавания охватывают все жанры и все основные темы творчества поэта. В статье описана также интересная тенденция в изучении творчества Пушкина — актуализация тех граней его наследия, которые помогают осмыслить современность.

L. Zou. Creative Heritage of A. S. Pushkin in the Literary Courses of Chinese Schools and Universities. The article is concerned with the creative heritage of A. S. Pushkin in teaching literature in China. In modern Pushkin studies, the teaching of the poet's works in the literary courses of schools and universities has not been given enough attention, and the study of the practice of teaching his poetic, prosaic and dramatic works in China is being carried out for the first time. Based on the information collected in the article, it has been revealed that teaching Pushkin's works in Chinese educational institutions has taken place in several stages. Chinese primary and middle school students have access to Pushkin's poetic works and they are often asked to compare similar images in Chinese poetry and Pushkin's, while Chinese universities cover all genres and all the main topics of the poet's work. The article also reveals an interesting trend in teaching Pushkin's works — the actualization of those facets of his heritage that help to comprehend modern times.

О. И. Зворыгина. Интеграция стилистики и риторики в практике применения технологии кейс-стади при обучении будущих врачей пациентоцентричной коммуникации. Данная статья посвящена проблемам методики формирования лингвориторической компетенции у студентов медицинского вуза. Материал манифестирует актуальность вопросов подготовки к профессиональной коммуникации. В качестве ориентира для процесса формирования лингвориторической компетенции выбрана пациентоцентричная коммуникация. В работе приведен при-

мер внедрения технологии кейс-стади, построенной на принципе интеграции стилистики и риторики, в процесс коммуникативной подготовки будущих врачей. Представлены факторы эффективности применения данной технологии. Показана важность объединения языкового и риторического подходов в подготовке специалистов, деятельность которых связана с владением словом.

O. I. Zvorygina. Integration of Stylistics and Rhetoric in the Practice of Using Case Study Technology in Teaching Future Doctors Patient-Centric Communication. This article focuses on the problems of the methodology for the formation of linguo-rhetorical competence among medical students. The material represents the relevance of the issues of training for professional communication. Patient-centered communication has been chosen as a guideline for the process of forming linguo-rhetorical competence. The paper gives an example of the implementation of case study technology, built on the principle of integrating stylistics and rhetoric, into the process of communicative training of future doctors. The factors of efficiency of this technology application are presented. The article shows the importance of combining linguistic and rhetorical approaches in the training of specialists whose work is related to mastering words.

М.А. Южанникова. Сложности развития жанрово-стилистической субкомпетенции у студентов первого курса нефилологических специальностей. В статье описываются требования к коммуникативным компетенциям выпускника вуза, в частности, к жанрово-стилистической субкомпетенции. Далее последовательно перечислены и описаны сложности, с которыми может столкнуться преподаватель высшего учебного заведения при работе над развитием указанной субкомпетенции у первокурсников-нефилологов. Это, в первую очередь, недостатки организации программы курсов, в которых, как правило, почти не уделяется времени для анализа языковых характеристик книжных стилей и развития устной речи в официально-деловом и научном стилях, во-вторых, последствия слабой стилистической подготовки учащихся в школе, в-третьих, недостаточная осведомленность студентов о терминологии в стилистике, которая приводит к ошибочным представлениям об устройстве стилистической системы современного русского литературного языка и неразвитость языкового чутья у студентов. Кроме того, в статье предложены некоторые пути преодоления указанных сложностей.

M. A. Yuzhannikova. Difficulties in the Development of Genre and Style Subcompetence among First-years of Non-philological Profiles. The article describes requirements for communication competencies of a university

graduate, in particular, for the genre and style sub-competence. Further listed and described are the difficulties which a lecturer in the higher educational institution may encounter, while developing the sub-competence in first-year non-philologists. These are, first of all, shortcomings of the layout of the course program, in which, as a rule, almost no time is planned for the analysis of characteristics of language styles and the development of oral proficiency in business and scientific styles, next, the consequences of a poor training of style at secondary school, finally, the lack of students' knowledge of the stylistics terminology, which leads to erroneous ideas about the structure of the stylistic system of the modern Russian literary language and an underdevelopment of students' language intuition. In addition, the article suggests some ways of eliminating the indicated difficulties.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2022 ГОД

Статьи

Е. Э. Базаров. К вопросу о целесообразности описания сниженной лексики в академических словарях.....	4
Т. А. Богумил. Коммеморативный литературный портрет В. М. Шукшина	4
О. Г. Борисова, А. Ю. Костина. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники») (часть 1).....	1
О. Г. Борисова, А. Ю. Костина. Лингвокогнитивная сущность родственных отношений в диалектной картине мира жителей Кубани (на примере микрополя «Кровные родственники») (часть 2).....	2
О. Г. Борисова, А. Ю. Костина. Отражение лингвокультурных представлений об отношениях свойства в диалектной картине мира жителей Кубани	4
О. Н. Григорьева, Ли Силян. Названия атмосферных осадков в современном русском языке	2
С. А. Губанов. О способах актуализации признака в текстах М. Цветаевой	3
А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина. Проблемы употребления заимствованной лексики в современных СМИ	4
Нури Джаннат. Евангельский текст и его роль в становлении литературного сюжета («Идиот» Ф. М. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака)	3
Т. А. Дьякова. Функционально-стилистические аспекты использования иноязычных топонимов в художественных текстах Михаила Матусовского	2
В. В. Каверина, П. Чжао. Дефисное (полуслитное) написание как этап становления орфографии частицы <i>же</i>	3
А. А. Клементьева. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта	4
Д. В. Козловский. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность» в массмедийном дискурсе.....	3

Е. А. Косых. Инскрипт в речевой парадигме социума: к проблеме классификации.....	1
Г. А. Менщикова. Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Д. Байдена).....	1
Е. А. Московкина. Экфрасис в рассказе В. М. Шукшина «Пьедестал».....	3
Н. Г. Нестерова, А. А. Орешкина. Динамика дискурсивных практик в просветительском радиодискурсе о русском языке.....	4
Н. В. Николенкова. Бытовая орфография и пунктуация как признак правописной ситуации в русском языке начала XXI в.	2
С. А. Осокина. Концепция «легкого языка» и перспективы ее развития в лингвистике.....	2
Мд Тапу Райхан. «Последний поклон» В. П. Астафьева как семейная сага.....	3
Ю. С. Ромайкина. А. И. Куприн и «Московское книгоиздательство»: история сотрудничества.....	4
М. Ю. Сидорова. Субъектная структура текстов о «новой реальности».....	2
Е. Н. Скубиева, Н. Н. Шпильная. Модель языковой личности как носителя диалогической языковой способности.....	1
Е. С. Смирнов. Субконцепты «отец» и «мать» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья.....	1
И. В. Соловьёва, И. В. Чудова. Стилистические ошибки в переводе	3
О. И. Уланович. Диминутивы в переводе киноречи персонажей в детском анимационном кино.....	3
М. С. Черепенникова. Литературные традиции Италии (Тассо, Казанова) в гётевской и цветаевской поэтической самоидентификации (к 130-летию юбилею М. И. Цветаевой).....	4
С. И. Якимова. Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова.....	2
Лю Яньчунь, Л. П. Дронова. Формирование понятия «польза» в русском языке.....	2

Научные сообщения

И. П. Амзаракова. Ребенок в стихии разговорной речи: тезаурус и его фиксация.....	2
--	---

Н. С. Гребенникова, Е. А. Тозыякова. Концепт «алтай-кижи/ алтаец» как отражение национальной идентичности в алтайской литературе.....	1
О. Н. Григорьева, Ни Цзиншэн. Гастрономические италянизмы в современном русском языке.....	1
И. Н. Дьяченко, Т. Н. Малиновская. Эмоциональная доминанта как структурообразующий фактор перевода	1
О. А. Ковалев. Поздний автофикшн Г. Д. Гребенникова: нарративные стратегии в повести «Егоркина жизнь».....	3
Н. В. Кожанова. Особенности функционирования аббревиатур в лексической группе наименований лиц по профессии в немецкоязычных реалиях.....	1
О. Н. Краснова. Роль текстовых позиций «экзистенциальной наполненности» в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина.....	4
А. И. Куляпин. Идейная структура рассказа В. М. Шукшина «Внутреннее содержание»	1
Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. Реализация категорий текста в заглавии художественного рассказа (на материале сборника рассказов «How We are Hungry» Дэйва Эггерса)	3
Г. М. Маматов. Образ морской девы в поэзии К. Д. Бальмонта.....	1
Ж. Н. Михиенко. Проблема терминологического выбора для лингвистического описания концепции легкого языка.....	3
Л. И. Москалюк, О. С. Москалюк. Семантика фразеологизмов с заимствованным компонентом в речи российских немцев	4
И. Б. Ничипоров. Между современностью и мифом: роман Алексея Варламова «Купол».....	1
М. В. Оберюхтина. Когнитивные стратегии в переводе пиар-дискурса в романе К. Бакли «День бумеранга»	3
М. В. Оберюхтина. Феномен переключения кодов как художественный прием (на материале оригинального текста романа К. Бакли «Thank You for Smoking»	2
В. В. Останин. Типология и прогрессия смерти в произведении Дж. Р. Р. Толкина «Дети Хурина»	2
Л. В. Попова. Образ человека в истории концепта «закон»: лексикографический и функциональный аспекты.....	3
А. А. Соловьева, И. В. Тресорукова. Особенности функционирования субстантивной модели простого предложения во фразеологии новогреческого языка.....	1

А. Б. Танхилевич. Читатель и завеса: событийность в рассказе «Смерть Долгушова».....	4
Е. Э. Уланова. Лингвистические и экстралингвистические особенности репрезентации языковой личности переводчика.....	2
С. В. Харитонова. Контент-стратегии белорусских медиа для детей в социальных сетях.....	3
А. В. Чунахова. Особенности речевого поведения Михаила Шемякина (на материале интервью).....	3
Н. Н. Шацких. Реализация категории информативности в сверхкратких англоязычных рассказах.....	4
А. А. Шибанов. Оправдан ли сарказм М. Е. Салтыкова-Щедрина в политико-правовом контексте эпохи Александра II? (на примере романа «Истории одного города»).....	2
И. А. Широких. Эмоциональная составляющая категории времени и категории вида (на материале текстов англоязычных песен).....	1

Люди. Факты. События

Н. В. Бубнова. Современные тенденции в науке о человеке (по материалам XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»).....	2
О. Н. Меркулова, С. Р. Смирнов. Литература Сибири в социокультурном пространстве.....	1

Проблемы филологического образования

О. И. Зворыгина. Интеграция стилистики и риторики в практике применения технологии кейс-стади при обучении будущих врачей пациентоцентричной коммуникации.....	4
А. Цзоу. Творческое наследие А. С. Пушкина в историко-литературных курсах китайских школ и вузов.....	4
М. А. Южанникова. Сложности развития жанрово-стилистической субкомпетенции у студентов первого курса нефилологических специальностей.....	4

НАШИ АВТОРЫ

- БАЗАРОВ,
Евгений
Эрдэмович** — младший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
E-mail: eubaz@yandex.ru
- БОГУМИЛ,
Татьяна
Александровна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: tbogumil@mail.ru
- БОРИСОВА,
Ольга
Геннадиевна** — доктор филологических наук, доцент, профессор Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: leliastom@mail.ru
- ДЕГАЛЬЦЕВА,
Анна
Владимировна** — доктор филологических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: deganna@mail.ru
- ЗВОРЫГИНА,
Ольга
Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного медицинского университета.
E-mail: zvor@mail.ru
- КЛЕМЕНТЬЕВА,
Алёна
Александровна** — аспирантка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
E-mail: aklementyeva@mail.ru
- КОСТИНА,
Людмила
Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: patriot30@mail.ru
- КРАСНОВА,
Ольга
Николаевна** — аспирантка Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: olg.isupowa@yandex.ru
- МОСКАЛЮК,
Лариса
Ивановна** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: l.moskalyuk@yandex.ru
- МОСКАЛЮК,
Ольга
Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова.
E-mail: omoskalyuk@yandex.ru
- НЕСТЕРОВА
Наталья
Георгиевна** — доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

- ОРЕШКИНА
Анастасия
Александровна** — аспирантка Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: vrtwb@mail.ru
- РОМАЙКИНА,
Юлия
Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.
E-mail: orel-55555@yandex.ru
- СИРОТИНИНА,
Ольга
Борисовна** — доктор филологических наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
E-mail: skunak@mail.ru
- ТАНХИЛЕВИЧ,
Александр
Борисович** — аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: alex-tankhil@yandex.ru
- ЦЗОУ ЛУВЭЙ** — кандидат филологических наук, преподаватель Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.
E-mail: Luvej.czzou@mail.ru
- ЧЕРЕПЕННИ-
КОВА,
Маргарита
Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент Литературного института им. А. М. Горького (Москва).
E-mail: chrita@rambler.ru
- ШАЦКИХ,
Наталья
Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: natty28@yandex.ru
- ЮЖАННИКОВА,
Марина
Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент Сибирского федерального университета.
E-mail: MYuzhannikova@sfu-kras.ru

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Не-научные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных при-

мечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 4 ■ 2022

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 30.11.2022.
Дата выхода издания в свет 09.12.2022.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 13,0. Тираж 500 экз. Заказ № 593.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б